

Министерство внутренних дел Российской Федерации
Омская академия

С. П. Звягин

КУЗБАСС В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

Монография

Омск 2007

УДК 67.2
ББК
3 45

Дàoái cái òu:

заведующий кафедрой истории России Кемеровского государственного университета доктор исторических наук, профессор **С. В. Макаrchук**
начальник Архивного управления администрации Кемеровской области кандидат исторических наук, доцент **В. А. Сергиенко**

Звягин С. П.

3 45 Кузбасс в годы гражданской войны: монография. – Омск: Омская академия МВД России, 2007. – 116 с.

ISBN

В монографии представлена одна из малоизученных страниц истории Кемеровской области. На основе анализа богатого фактического материала, содержащегося в центральных и местных архивах, газетных публикаций исследуемого периода и трудов отечественных историков автор показывает все многообразие жизнедеятельности региона в условиях гражданской войны.

Книга предназначена для историков, краеведов, студентов и школьников, всех тех, кого интересует история Кузбасса.

1202000000-011
3 —————
96 Д (03)-2007

План вып. изд., 2007

УДК 67.2

ББК

ISBN

© Омская академия
МВД России, 2007

ВВЕДЕНИЕ ОШИБКА! ЗАКЛАДКА НЕ ОПРЕДЕЛЕНА.

Долгие годы в отечественной науке история отдельных регионов в период гражданской войны рассматривалась только в контексте борьбы подпольщиков и партизан с антибольшевистскими режимами, исследовались также меры, предпринимаемые для укрепления Советской власти и против уничтожения ее противников¹. По такому же принципу составлялись и сборники архивных документов².

Даже после перемен, происшедших в 1990-х гг. в общественно-политическом строе России, не все ученые признали необходимым комплексное изучение истории регионов, находившихся под властью белых³. Лишь некоторые из них обратились к исследованию истории Кузбасса в годы гражданской войны в полном объеме. Автор принадлежит к их числу⁴.

До сих пор почти ничего не известно об организации управления, развитии промышленности, социально-культурной сфере, повседневной жизни сибиряков. Данная монография призвана восполнить этот пробел.

¹ См., напр.: *Горелов Ю. П.* Восстание Чумайское // Историческая энциклопедия Кузбасса. – Кемерово, 1996. – Т. 1. – С. 102-105; *Кадейкин В. А.* Годы огневые. Из истории гражданской войны в Кузбассе 1918-1919 гг. – Кемерово, 1959; *Он же.* Партизанское движение в Кузбассе // Из истории Кузбасса. – Кемерово, 1964. – С. 176-208; *Он же.* Сибирь непокоренная. – Кемерово, 1968; *Он же.* Кузбасс в годы гражданской войны // Кузбасс. Прошлое. Настоящее. Будущее. – Кемерово, 1978. – С. 124-153; *Карпенко З. Г.* Кузбасс в годы гражданской войны // История Кузбасса. – Кемерово, 1967. – Ч. I-II. – С. 237-327; *Кацюба Д. В.* История Кузбасса: краеведческое пособие. – 3-е изд., испр. и доп. – Кемерово, 1975. – С. 57-73; *Ларьков Н. С., Рудин В. Г.* Гражданская война в Кузбассе (1918-1922) // Историческая энциклопедия Кузбасса. – Кемерово, 1996. – Т. 1. – С. 138-151; *Эйхе Г. Х.* Опрокинутый тыл. – М., 1966.

² См., напр.: *Борьба за власть Советов в Томской губернии (1917-1919): сб. документов.* – Томск, 1957; *Установление Советской власти в Кузбассе: сб. документов / под ред. В. А. Кадейкина.* – Кемерово, 1957.

³ См., напр.: *Белкина И. В.* Новые подходы к изучению истории гражданской войны // Гражданская война на Востоке России: мат-лы науч. конф. в Челябинске. – М., 2003. – С. 8-9; *Ожиганов А. Л.* Отечественная историография колчаковского режима (ноябрь 1918 – январь 1920 гг.): дис. ... канд. ист. наук. – Екатеринбург, 2003. – С. 31.

⁴ См.: *Звягин С. П.* Действия карательных отрядов в Мариинском уезде в 1919 г. // Кемеровской области – 60 лет: мат-лы Всерос. науч. конф. (Кемерово, 15 мая 2003 г.). – Кемерово, 2003. – С. 83-86; *Он же.* К вопросу о деятельности правоохранительных органов правительства Колчака в Кузбассе // Сибирские архивы и историческая наука: мат-лы науч. конф., посвященной 50-летию Государственного архива Кемеровской области (1943-1993 гг.). – Кемерово, 1997. – С. 122-126; *Он же.* Конфликт в Тайгинской городской думе в 1919 г. // Актуальные проблемы местного самоуправления в Российской Федерации: мат-лы межрегион. науч.-практ. конф. (Кемерово, 15-16 декабря 2005 г.). – Кемерово, 2005. – С. 303-312; *Он же.* Крестьяне Мариинского уезда и правоохранительные органы антибольшевистских правительств (1918-1919 гг.) // Актуальные проблемы аграрной истории Кузбасса XVIII-XX веков: мат-лы «круглого стола» «Крестьянство Кузбасса: трудные дороги выживания» (3 ноября 2000 г.). – Кемерово, 2001. – С. 17-20; *Он же.* Кузбасс в годы гражданской войны: учебно-методический комплекс. – Кемерово, 2001; *Он же.* Милиция антибольшевистских правительств на территории Томской области в 1918-1919 гг. // Милиция Сибири: история и современность: мат-лы регион. науч.-практ. конф., посвященной 200-летию МВД (Кемерово, 26 марта 2002 г.). – Кемерово, 2002. – С. 44-48; *Он же.* Милиция Мариинского уезда в 1918-1919 гг. // Главное управление внутренних дел Кемеровской области. 1917-2002: страницы истории. – Кемерово, 2002. – С. 54-58; *Он же.* Народное просвещение в Кузнецком уезде в годы Гражданской войны // Разыскания: историко-краеведческий альманах. – Кемерово, 2004. – Вып. 6. – С. 199-202; *Он же.* Органы охраны порядка правительства Колчака в Кузбассе // Там же. – Кемерово, 1995. – Вып. 4. – С. 70-74; *Он же.* Председатель Кузнецкой городской думы в 1919 г. П. С. Малешевский: штрихи биографии // Краеведение. Право на жизнь: мат-лы обл. науч.-практ. конф., посвященной 75-летию Кемеровского областного краеведческого музея (6-7 октября 2004 г.). – Кемерово, 2004. – С. 21-23; *Он же.* Проблемы становления Щегловской милиции (1918 г.) // Архивный вестник. – Кемерово, 2006. – № 1. – С. 18-23; *Он же.* Ревизор щегловской милиции в 1919 г. В. И. Шкляев // Балибаловские чтения: мат-лы науч.-практ. конф., посвященной 80-летию городского статуса Кемерово. – Кемерово, 1998. – С. 24-27; *Он же.* Сибирская милиция и население Кузбасса в 1918-1919 гг.: диалектика взаимоотношений // 55 лет Кемеровской области: мат-лы науч.-практ. конф. – Кемерово, 1998. – С. 76-80; *Он же.* Создание щегловской милиции: конфликт властей // Балибаловские чтения: мат-лы науч.-практ. конф., посвященной 85-летию города Кемерово (май 2003 г.). – Кемерово, 2003. – Вып. 3. – С. 27-31; *Он же.* Щегловская милиция осенью 1919 г. // Балибаловские чтения: мат-лы Второй науч.-практ. конф., посвященной 300-летию упоминания первого населенного пункта города Кемерово – заимки Щегловой, 280-летию открытия Кузнецкого угольного бассейна, 80-летию создания АИК-Кузбасс, 90-летию со дня рождения И. А. Балибалова (ноябрь 2001 г.). – Кемерово, 2001. – С. 36-39; *Звягин С. П., Шуранов Н. П.* Установление Советской власти. Кузбасс в условиях гражданской войны / рук. авт. кол. Н. П. Шуранов. – Кемерово, 2006. – С. 124-132.

ГЛАВА I. ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ

ОШИБКА! ЗАКЛАДКА НЕ ОПРЕДЕЛЕНА.

В ночь на 25 мая 1918 г. на всем протяжении Транссибирской железнодорожной магистрали произошло согласованное вооруженное выступление военнопленных чехословацкого корпуса, направлявшихся через Владивосток на Родину, подпольных офицерских и правозащитных организаций по свержению Советской власти. В Кузбассе она раньше всего была ликвидирована в Мариинске. Здесь, на железнодорожной станции, в двух эшелонах находились чехословацкие войска под командой начальника штаба 7-го стрелкового полка капитана Э. Кадлеца, которые и заняли город.

На Кольчугинской железной дороге наступление чехословаков и белых дружин на юг Кузбасса некоторое время сдерживали отряды Красной гвардии. Однако 27 мая была занята станция Юрга, а 4 июня – Щегловск. К 20 июня вся территория Кузбасса была освобождена от красных.

Томская губерния представляла в те годы значительную административную единицу. Ее население на 1 августа 1917 г. составляло 4503,9 тыс. человек. В других сибирских губерниях и областях проживало гораздо меньше. Население Тобольской губернии составляло 2235,5 тыс., Енисейской – 1118,7 тыс., Иркутской – 820,7 тыс. человек. В Акимовской и Забайкальской областях жило соответственно 1751,2 и 947,5 тыс. человек. Всего в регионе насчитывалось 11 377,5 тыс. жителей¹.

Летом 1917 г. из состава Томской губернии была выделена Алтайская губерния. Тем не менее на начало 1919 г. население уездов Томской губернии, по данным губернской земской управы, составляло: Каинского – 177 589 человек, Кузнецкого – 106 018, Мариинского – 279 015, Новониколаевского – 200 000 человек².

После свержения Советской власти функции управления в Сибири принял на себя Западно-Сибирский комиссариат Временного правительства автономной Сибири. В состав комиссариата вошли члены Учредительного собрания от Томского округа № 2 социалисты-революционеры М. Я. Линдберг, Б. Д. Марков, П. Я. Михайлов, а также их товарищ по партии – председатель Томской уездной земской управы В. О. Сидоров.

23 июня 1918 г. в Томске на совещании Сибирской областной думы было образовано Временное Сибирское правительство. Председателем правительства и министром иностранных дел стал бывший присяжный поверенный, впоследствии старший председатель Омской судебной палаты, П. В. Вологодский. В четверг, 29 августа (по новому стилю) 1918 г., он прибыл в двухнедельный отпуск в село Краснореченское Мариинского уезда. Рано оставшись без отца, он провел здесь свое детство. Его дневниковые записи дают представление о жизни этого населенного пункта.

Около 6 ч. вечера он с женой, дочерью Зиной и сестрой Полей прибыл на станцию Кротово³. Оказалось, что здесь уже двое суток их ждали подводы с Краснореченского завода. Они были присланы старой приятельницей адвоката А. К. Королевой. Приехал встретить их и управляющий завода, а также старый рыбак Дементий, который был краснореченским крестьянином и знал отца Вологодского.

На пароме, перевозившем через Чулым на завод, высокого гостя встретили представители крестьянского общества завода во главе с Лисовенко, сыном когда-то хорошего знакомого его отца. На правом берегу Чулыма, когда паром подошел к берегу, П. В. Вологодскому представилась делегация от местного комитета охранения порядка и безопасности, которая поднесла ему хлеб-соль и подала рапорт. На заводе Королевой приехавшим отвели целый дом, чистый и с удобствами.

В пятницу, 30 августа, П. В. Вологодский с женой и дочерью пошел в горы близ завода. Они собирали и тут же ели бруснику, костянику, шли по горным дорожкам, дышали чистым воздухом. С некоторых точек их пути открывались виды на Краснореченский завод, на Чулым и краснореченский бор.

Обед им приготовила сестра Поля, которая раздобыла куски поросенка, двух цыплят, молоко, картофель. Обед, по словам П. В. Вологодского, вышел питательнее и вкуснее, чем в первоклассных ресторанах Омска. Он признавался, что ему и в голову не идут какие-то политические вопросы.

Утром 31 августа нарочный со станции Кротово принес П. В. Вологодскому телеграмму, подписанную заместителем председателя Совета министров. В ней содержалось приглашение немедленно выехать на Дальний Восток для переговоров с правительством Д. Л. Хорвата и с Сибирским правительством.

В воскресенье, 1 сентября, в 7 часов утра Петр Васильевич с семьей и Полей поехали на паре лошадей в село Краснореченское к обедне. Они отслужили панихиду на могиле отца. Затем пили чай у местного священника отца Федора Севостьянова. Он и матушка произвели на них «симпатичное» впечатление. Принимали гостей тепло, обильно угощали.

Село, церковь, гора в селе показались Петру Васильевичу как будто бы меньше, чем во время детства, проведенного здесь. Само село как бы победнело, не стало новых домов, хороших построек, но не было и признаков большой бедности. Произошла, по его мнению, как бы нивелировка богатых и бедных.

Выяснилось, что Вологодские могут выехать в Омск на следующий день особым поездом в 2 часа дня. В Тайге они должны были взять в свой поезд председателя областной думы И. А. Якушева, которого кто-то вызвал в Омск.

4 сентября П. В. Вологодский был уже в Омске. Можно предположить, что впечатления от столь кратковременного пребывания в глубинке помогли ему в определенной мере представить положение деревни.

В период «демократической контрреволюции» (май-ноябрь 1918 г.), когда в составе Временного Сибирского правительства находились правые социалисты-революционеры и социал-демократы, на местах

формировались комиссариаты. Летом 1918 г. в комиссариат Анжерских копей входили Иванов, Родионов, Гусенков, Жигалов, Долгих, Еремин, Литвинов, Бакагин и Железковский. Кузнецким уездным комиссаром в 1918 г. был социал-демократ Малов. В начале января 1919 г. А. В. Колчак, провозглашенный Верховным правителем России 18 ноября 1918 г., распорядился переименовать уездных и губернских (областных) комиссаров в управляющих.

Управляющим Кузнецким уездом с 1 февраля 1919 г. был Николай Викентьевич Белевич. Во главе Мариинского уезда до 20 ноября 1918 г. находился Николай Александрович Дюков, а с 21 ноября 1918 г. – Александр Николаевич Осинский⁴. Для решения насущных проблем уезда А. Н. Осинский 14-15 декабря 1918 г. находился в Томске⁵.

Многие вопросы повседневной жизни были обсуждены 30 января-3 февраля 1919 г. в Томске, когда проходил съезд управляющих уездами губернии.

В начале января 1919 г., по данным Томской губернской земской управы, население Мариинского уезда составляло 279 015 человек, Кузнецкого – 106 018 человек.

Летом 1918 г. было принято важное решение по административно-территориальному делению Томской губернии. Постановлением Временного Сибирского правительства от 28 июля 1918 г. был образован Щегловский уезд. Уже на следующий день, 29 июля 1918 г., на заседании Томской губернской земской управы обсуждался вопрос об образовании Щегловского уезда и «обращении» села Щеглово в город.

В период революции в Мариинском уезде были образованы Берчикульская, Дубровская, Куликовская, Кийская, Ново-Подзорная, Сандайская, Тамбарская, Туендатская, Троицкая, Тенгулинская, Усть-Колбинская, Чумайская волости⁶.

Мною пока не найдены сведения о руководителях уездов и городов Кузбасса в те годы. Удалось выявить лишь несколько фактов, свидетельствующих о деловых и человеческих качествах одного из них. Речь идет о Николае Александровиче Дюкове. Вскоре после свержения советской власти временно исполнявший обязанности Томского губернского комиссара обратился к председателю Томского окружного суда. Он просил откомандировать в распоряжение губернского комиссариата мирового судью 3-го участка Мариинского уезда Н. А. Дюкова, назначенного Мариинским уездным комиссаром⁷.

Н. А. Дюков пробыл на этом посту до осени, проделав значительную работу по обустройству уезда. 6 сентября 1918 г. он обратился к Томскому губернскому комиссару с просьбой об освобождении от должности. «Дело, – писал Н. А. Дюков, – сделано. Я утомлен и здоровье расстроено»⁸. Вскоре городская газета сообщила о том, что Мариинский уездный комиссар Н. А. Дюков освобожден от своей должности «по прошению» и переходит служить юрисконсульту Мариинской уездной земской управы.

В связи с этим газета опубликовала два письма, характеризовавших Н. А. Дюкова. Первое из них было подписано «Т-ов». «В трудную минуту после большевицкого переворота Дюков неохотно, – писал он, – принял на себя обязанности комиссара. И за все время своего пребывания в должности оставался редким администратором-общественником. Обладая большими юридическими и практическими знаниями, как бывший мировой судья, был на посту комиссара знающим свое дело администратором. Чуждый какой-либо демагогии, интеллигент в полном смысле этого слова, он умел одухотворить административные обязанности. Мягкий по натуре, гуманный, он чутко прислушивался ко всякой просьбе, и его кабинет был доступен для всех.

Мариинские события больно отозвались на Н. А. Дюкове, который тяготился оставаться на посту комиссара. Рано еще говорить о многом. Но одно можно сказать: с уходом Н. А. Дюкова город Мариинск и Мариинский уезд лишены редкостного администратора-общественника»⁹.

Несколько дней спустя было опубликовано прощальное письмо служащих Мариинского уездного комиссариата. «Уважаемый Николай Александрович, – обращались они. – Не можем не выразить Вам своей глубокой печали по случаю оставления Вами должности Мариинского уездного комиссара.

Вы, глубокочтимый Николай Александрович, за все время своего пребывания в должности уездного комиссара были для нас не только хорошим и добрым Начальником. Но Вы были для нас и прекрасным человеком и нашим верным защитником. Вы – интеллигентный, гуманный, всегда были в обращении с нами вполне корректны, вежливы и отзывчивы на все наши нужды. Мы работали при Вас спокойно, мы знали, что при надобности Вы сумеете помочь и защитить каждого из нас.

Но Вы не только хороши были в отношении с нами, но Вы были таким же прекрасным и отзывчивым, как с нами, и с каждым Вашим посетителем. Не только мы, служащие уездного комиссариата, но все, кто имел с Вами дело, будут всегда вспоминать Вас, глубокочтимый Николай Александрович, добрым словом.

Глубокочтимый Н. А., – признавались служащие, – с глубокой душевной болью расставаясь сегодня с Вами, мы от всей души желаем Вам полного успеха на Вашем новом поприще в качестве земского и общественного работника на благо измученной, пострадавшей нашей матери Родины, всеми горячо любимой нашей матушки России, которую мы вновь хотели бы видеть сильной, единой и неделимой»¹⁰. В этом же номере было помещено краткое ответное благодарственное слово Н. А. Дюкова.

Приведенные мной два письма интересны с нескольких точек зрения. Во-первых, следует догадываться о степени искренности их авторов и делать на это соответствующую корреляцию. Во-вторых, это опубликованный знак уважения и признания заслуг управленца. В-третьих, это оценка личных качеств Н. А. Дюкова. Такие слова не часто встречаются в высказываниях о руководителях. В-четвертых, текст писем – образец утраченной ныне традиции.

Что касается дальнейшей судьбы Николая Александровича, то 18 декабря 1918 г. второе Мариинское уездное земское собрание избрало его председателем управы¹¹.

Наиболее доступными для населения оставались волостные суды. Поэтому сразу после падения власти большевиков началось их восстановление. В сентябре 1918 г. в Кузнецком уезде из 36 волостных судов 19 возобновили свою работу¹². В сентябре 1918 г. в Попереченской волости Мариинского уезда был образован временный волостной суд из четырех человек¹³. В октябре 1918 г. в Тутальской волости того же уезда также функционировал волостной суд. Он рассматривал гражданские и уголовные дела¹⁴.

На территорию Мариинского уезда распространялась юрисдикция суда с участием присяжных заседателей. 10 сентября 1918 г. Мариинский уездный комиссар Н. А. Дюков обратился к жителям города с просьбой ознакомиться со списком лиц, могущих быть присяжными заседателями в 1919 г., и высказать свои замечания¹⁵. В 1919 г. Томский окружной суд через управляющего Мариинским уездом запросил список присяжных заседателей на 1920 г. По городу такой список следовало было передать городскому голове¹⁶.

Для приближения отправления правосудия к населению в начале октября 1919 г. в Мариинск выезжала сессия Томского окружного суда. Ее заседания проходили по адресу: Никольская улица, д. 7. Это было первое после большевиков заседание суда в городе. С 6 по 9 декабря 1918 г. в Мариинске вновь проходила выездная сессия Томского окружного суда. Ее председателем был А. В. Крепкогорский¹⁷.

Воссоздание судов проходило в сложных условиях. Общественный резонанс вызвало убийство мирового судьи 3-го участка Мариинского уезда В. В. Пиотровского. 2 апреля 1919 г. они с женой хотели уехать из села Тисуль. Однако крестьяне, ссылаясь на решение схода, непустили их. Супруги пытались проехать по околице, но их поймали партизаны из отряда Щетинкина. Судью били, водили по селу, а потом убили¹⁸.

На это преступление откликнулся автор газеты «Сибирская жизнь» А. Сумеркин. Он отметил, что судья был убит «по обыкновению зверски, с издевательствами над беззащитным раненым, умирающим человеком». Он знал покойного, который служил в переселенческом управлении и в то же время урывками посещал университет. В. В. Пиотровский страстно мечтал о том моменте, когда он сможет понести из Alma Mater свет знаний туда, где больше всего в нем нуждаются. Он мечтал о должности судьи где-либо в захолустье, хотел быть непосредственно рядом с народом, отдать ему свои силы. Его мечта сбылась. Он окончил университет и, по словам А. Сумеркина, уехал в Тисуль, в «эту мнившую его жизнь». Его убили, даже не успев узнать его. «Сколько еще могил потребуется для возрождающейся России?» – вопрошал автор заметки¹⁹.

Жена, брат и родные Пиотровского сообщили через газету о его гибели. На 10 апреля был намечен вынос тела из костела и погребение на католическом кладбище. Свое соболезнование вдове и родным выразили Община поляков и Союз межевых техников и землеустроителей, членом которого состоял погибший²⁰. Вскоре поступили телеграммы соболезнования от Томского окружного суда, лиц прокурорского надзора, судебных следователей и мировых судей. Они выражали возмущение совершенным преступлением против человека, «резко выделявшимся в судебной семье своей энергией и решительностью»²¹.

Мировая война, революции 1917 г., гражданская война нарушили основы законности. Сибирское самоуправление не оставила равнодушной проблема оказания юридической помощи населению. В этой связи Томская губернская земская управа провела опрос 29 волостных управ Мариинского уезда. Первый из вопросов звучал так: «Часто ли в их практике встречаются вопросы юридического характера». Ответ «часто» поступил из 10 волостей, «нечасто» – из 3, «довольно редко» – из 3, «очень редко» – из 8, «не встречаются» – из 5. На вопрос о том, часто ли население обращается к ним за юридической помощью, в 18 волостях ответили, что такие случаи были, в 5 – очень редко, в 6 – не было вовсе. Вполне возможно, что столь редкое обращение за юридической помощью объяснялось не столько отсутствием в ней необходимости, а незнанием крестьян куда обратиться.

Самым приближенным к населению правоохранительным органом оставалась милиция. Начальниками милиции в Мариинске в те годы были Л. М. Харченко, Лодзейский, Изак, Корсак²². Некоторые чины милиции даже успели сделать карьеру. Приказом от 10 мая 1919 г. управляющий Томской губернией допустил начальника милиции Анжерского района А. С. Шевелина к исполнению дел управляющего Томским уездом²³.

В сентябре 1918 г. милиция была изъята из ведения органов местного самоуправления и передана в МВД. На момент передачи в Мариинске служили 45 волостных милиционеров, 42 – городских, 7 – участковых и 3 – городских начальника, начальник и помощник начальника городской милиции²⁴.

Изъятие милиции из ведения органов местного самоуправления вызвало у последних неадекватную реакцию. 19 сентября 1918 г. Мариинская городская дума отклонила просьбу местной милиции о покупке 5 полушубков и 10 пар валенок постовым милиционерам, мотивировав свой отказ тем, что милиция теперь находится в ведении МВД²⁵. Трудно представить, что покупка нескольких предметов теплой одежды могла подорвать городской бюджет. Очевидно, победило чувство обиды, а не интересы дела.

Милиция испытывала нехватку кадров. Этим было вызвано появление 19 февраля 1919 г. в городской газете «Звено» извещения начальника милиции Лодзейского. В нем он приглашал на службу начальников участков, их помощников и милиционеров²⁶.

В марте 1919 г. в департамент милиции поступило предложение владельцев Анжеро-Судженских каменноугольных копей о выделении 385 тыс. руб. для милиции²⁷. 24 ноября 1919 г. управляющий Томской губернией Б. М. Михайловский обратился к управляющему Томской губернской казенной палаты по поводу

письма управляющего Мариинским уездом. Тот сообщал о задержке выплаты жалования милиционерам. «Принимая во внимание переживаемый момент, – писал управляющий губернией, – чины милиции должны получать жалование безостановочно». Вскоре деньги для милиции были найдены.

В октябре 1918 г. была обнародована идея создания в Мариинске при управлении милиции музея. В нем предполагалось выставить огнестрельное оружие, ножи, пилы, фомки, сопроводив их информацией о том, у кого, когда и при каких обстоятельствах это все было изъято. Этим преследовалась цель повышения профессиональной квалификации личного состава.

Главной задачей милиции была борьба с противоправительственными выступлениями. Для наблюдения за передвижением партизан по территории уезда в деревне Святославка в сентябре-ноябре 1918 г. милиционеры устраивали засады²⁸. Главным событием того времени стало Чумайское восстание. На завершающем этапе его подавления действиями войск и милиции руководил исполнявший дела Томского губернского комиссара Б. М. Михайловский²⁹.

Начальник милиции 2-го участка К. Мошкин при незначительных силах не допустил беспорядков в городе, охранял казначейство и даже произвел аресты по подозрению в сочувствии к большевикам. Начальник 6-го участка А. Савицкий совместно с военным отрядом обеспечил порядок в Суловской волости. Начальник 4-го участка Г. Шебалин выезжал в уезд, чтобы не дать разрастись восстанию. Инспектор Цитович, проезжая через село Чумай, своевременно донес с нарочным о начале восстания. Милиционеры Токмаков, Кудрявцев, Коротаев и Столярский вместе с военными «выказали преданность службе». Все они были премированы. Мало известен тот факт, что власти предприняли меры по оказанию помощи семьям погибших милиционеров К. Мюллера, В. Смолянинова, Муратова, И. Родионова, Н. Левченко, И. Курышина, А. Буржитского, А. Шуклецова. Раненый старший милиционер Манкевич, не имевший семьи, получил пособие³⁰.

Знакомство с ситуацией дало основание Б. М. Михайловскому поставить перед правительством вопрос о необходимости расследования причин восстания. Среди них сам чиновник называл нетактичное поведение администрации и милиции³¹. Следует отметить, что Б. М. Михайловский в 1919 г., по меньшей мере дважды, в мае и августе, приезжал в уезд для выяснения обстановки и координации действий войск и милиции против отряда П. К. Лубкова³². По воспоминаниям А. И. Грабузова, однажды Шевелев-Лубков переоделся в генерала и явился в село Тисуль. Здесь он расстрелял начальника милиции и милиционера Ячменева. Были изъяты оружие, документы, списки партизан³³.

При подавлении противоправительственных выступлений милиционеры несли потери. В сентябре 1918 г. «кадр инспекторов» Томской губернской милиции с глубоким прискорбием известил о безвременной гибели своих товарищей Владимира Зайкова, Николая Константинова, Петра Корженцева, Николая Лукина, Константина Иванова, Ивана Зимакова, Василия Желемая, Александра Васильева. Они были зверски убиты толпой в селе Святославка Мариинского уезда. Начальник «кадра инспекторов» поручик Петров известил через газету, что вынос тел состоится из анатомического театра Томского университета в 9 утра 16 сентября 1918 г. Отпевание было в епархиальном соборе, а погребение по окончании богослужения состоялось в братскую могилу на Вознесенском кладбище Томска³⁴.

28 октября 1918 г. прошли похороны героически погибших около деревни Собакиной начальника милиции 1-го участка Плотникова и милиционера. Вынос тел прошел из Мариинской городской больницы в собор, а погребение было на городском кладбище. Церемонией похорон руководил начальник милиции Харченко³⁵.

Однако есть информация и о том, что в мариинской милиции были сотрудники, работавшие на партизан. Так, 17 сентября 1918 г., накануне упоминавшегося восстания, в Тисуле в доме Н. П. Кирсанова состоялось конспиративное совещание. На нем, в частности, было решено внедрить на службу в милицию Н. И. Степкова³⁶. В селе Николаевке, как впоследствии вспоминал А. Е. Сергеев, милиционер Носков скрывал дезертиров и сочувствующих советской власти³⁷. На станции Арлюк, по воспоминаниям М. С. Смирнова и С. Журавлева, начальник милиции С. И. Жизневский предупреждал большевиков о готовящихся арестах³⁸.

Второй задачей милиции была борьба с уголовной преступностью. Некоторое представление о ее масштабах дает количество дознаний, проведенных в октябре 1919 г. в Мариинске и уезде. Так, по одному дознанию было по нарушению законов о воинской повинности, за бродяжничество, против женской чести, по два – по телесной неприкосновенности и поджогам, три – по убийствам и пять – против правил благоустройства. Всего было открыто (т. е. раскрыто. – С. З.) 28 преступлений, не открыто – 57. Потерпевшим было возвращено 3400 руб.³⁹ В Анжеро-Судженском каменноугольном районе в мае-июле 1919 г. было совершено 12 убийств, столько же краж, по одному случаю растраты, пожара, изнасилования и подделки денег⁴⁰.

Информацию о преступлениях регулярно печатали местные газеты. 21 февраля 1919 г. уголовное отделение департамента милиции МВД запросило управление мариинской милиции о верности информации в газете «Звено» за 12 февраля 1919 г. по поводу грабежей и какие меры были приняты⁴¹. О том, что меры принимались, говорит тот факт, что в ноябре 1918 г. в Мариинске милиции удалось арестовать участника крупного ограбления⁴².

В некоторых случаях милиция предполагала наличие сговора преступников с работниками железной дороги. Как писала одна из губернских газет, на станции Тайга было совершено большое количество краж из вагонов. В ходе расследования выяснилось, что вагоны с ценными грузами находились на отдаленных путях, что способствовало совершению хищений⁴³.

Много усилий прилагала милиция для пресечения самогонварения. Это делалось потому, что казна лишалась значительной части поступлений от продажи водки, столь необходимых в условиях войны. Только за 10-14 ноября 1918 г. в Мариинском уезде было обнаружено 98 аппаратов по производству самогона. По мнению томской газеты, пресечение названного преступного деяния и взимание податей стали поводом Чумайского восстания⁴⁴.

Одна из томских газет сообщила в январе 1919 г., что в Зырянской волости латыши делают самогон и продают по соседним деревням. В этом газета видела причину роста пьянства⁴⁵. Этот промысел имел распространение не только в селах. За один лишь день, 20 января 1919 г., в самом Мариинске было обнаружено 3 самогонных аппарата⁴⁶.

В некоторых случаях население в этом вопросе шло навстречу властям. Например, в сентябре 1918 г. начальник Мариинской милиции получил приговоры сходов граждан о прекращении изготовления самогона из Почитанской волостной земской управы и части Краснореченской. Виновных в самогонварении было решено передавать в милицию⁴⁷.

В сентябре 1918 г. газеты сообщили о произволе, который чинили милиционеры. Начальник милиции Иzaak, милиционеры Матулевич и Антонов 26 августа 1918 г., ругаясь матом, перепороли в деревне Рождественка всех мужчин и женщин⁴⁸. В другом случае, в августе 1918 г. в Боготоле и его окрестностях начальник 3-го участка милиции Федоров грозил крестьянам наказанием, отбирал имущество, стрелял в воздух. За это его сняли с должности. Он же подал прошение служить в 5-м участке, в этом ему было отказано⁴⁹. По воспоминаниям И. М. Сотникова, старший милиционер Николаевской волости Еремин застрелил крестьянина А. Мартынова, который заступился за избиваемого дезертира⁵⁰.

Департамент милиции 20 декабря 1918 г. запросил исполняющего дела Томского губернского комиссара о случаях беззакония, допущенных старшим милиционером Удовичем в селе Шестаковском. 20 января 1919 г. Б. М. Михайловский сообщил в Омск, что по его поручению было произведено административное расследование лично Мариинским уездным комиссаром. Факты беззакония подтвердилось и Удович находится под стражей в Мариинской тюрьме. В отношении него было принято представление прокурора Томского окружного суда⁵¹.

Видимо, сложившееся положение вызвало приезд в Мариинск проверяющего из Омска. Приказом по департаменту милиции от 24 мая 1919 г. чиновник особых поручений 5-го класса при МВД Н. П. Кузнецов был командирован сюда «по делам службы». Можно предположить, что с результатами его поездки было связано распоряжение исполняющего дела министра внутренних дел от 10 июня 1919 г. на имя управляющего губернии, в котором говорилось, что «ввиду обнаруженных ревизией обстоятельств» начальника Мариинской милиции Лодзейского необходимо перевести в другой уезд⁵².

В октябре 1919 г. томская газета писала о предосудительном поведении на любительском спектакле в Анжерке помощника милиции и его секретаря. Уже на другой день туда из Томска был командирован полковник Аурениус для расследования конфликта. Дознание подтвердило названные факты. Результаты расследования были доложены управляющему губернией. Он наложил на виновных взыскание в виде ареста на неделю. Было также решено перевести провинившихся в другой участок милиции⁵³.

Негативные впечатления о деятельности местной милиции сложились у автора статьи «Из мариинских наблюдений», опубликованной известной газетой «Сибирская жизнь»⁵⁴.

Сотрудники милиции были подвержены пьянству. В сентябре-октябре 1918 г. к жителям села Салаирского по их просьбе был направлен «борец с самосидкой» старший милиционер Иван Ключко. Он неделю энергично боролся с пороком, а потом спился. При этом вел себя настолько разнузданно, что секретарь Салаирской волостной управы написал на него жалобу начальнику уездной милиции⁵⁵. В «Народной газете» за октябрь 1918 г. упоминаются и другие случаи пьянства милиционеров⁵⁶.

Осенью 1919 г. руководству Томской губернии пришлось разбираться с конфликтом, который возник в Щегловске между милицией и воинским гарнизоном. Начальником Щегловской уездной милиции был Б. Озеркин. Вступив в должность, сообщал он 26 апреля 1919 г. управляющему губернией, он решил поговорить с начальником гарнизона подпоручиком Луговским о том, чтобы убрать из гарнизона бывших красноармейцев, которых, по мнению Б. Озеркина, там служило довольно много. Своего обещания их уволить Луговской не выполнил. В начале марта 1919 г. на Кемеровском руднике и химическом заводе был раскрыт заговор, ниточки от которого потянулись к военнслужащим местного гарнизона. Начальник милиции ждал от начальника гарнизона помощи в разоблачении бывших красноармейцев, он вновь просил офицера убрать подозрительных с политической точки зрения солдат, но Луговской не сделал этого.

В боях против партизанского отряда Крылова-Павлова был убит милиционер Марусев. Б. Озеркин высказал предположение, что это сделал солдат Дембовский, который не был наказан. Начальник милиции просил прислать чиновника для проведения следствия.

Управляющий Томской губернией 14 июля 1919 г. обратился к министру внутренних дел с просьбой о замене начальника Щегловского гарнизона. На эту тему он говорил и с командующим Омским военным округом генералом Матковским. Департамент милиции МВД 22 июля 1919 г. обратился к командующему Омским военным округом с просьбой осуществить обещанную Б. М. Михайловскому замену начальника Щегловского гарнизона⁵⁷.

В свою очередь, начальник Щегловского гарнизона 25 июня 1919 г. обратился к уполномоченному командующего войсками Омского военного округа по охране государственного порядка и общественного спо-

койствия в Томском, Мариинском, Кузнецком и Щегловском уездах. Луговской просил командировать в Щегловск одного из офицеров Томского гарнизона для производства строжайшего расследования о преступных, подрывающих престиж существующей власти, действиях чинов местной уездной милиции.

По словам начальника гарнизона, в городе процветали настоящий произвол, насилие, пьянство, взяточничество, оскорбления словами и действиями обывателей, порки плетьюми, массовые убийства, допросы с пристрастиями. «На масленой неделе, – писал офицер, – начальник уездной милиции при участии милиционеров сквозь двери его же дома застрелил гражданина г. Щегловска Новикова. На Пасху милиционером Хатруддиновым была смертельно ранена прибывшая из Томска артистка цирка “Модерн”»⁵⁸.

12-13 мая 1919 г. при проезде на пароходе отряда милиции в Крапивинскую волость по приказанию выпившего начальника милиции 1-го участка Кузеванова был убит крестьянин с. Шевелевского Смирнов. Труп его был сброшен в реку Томь. Родной брат убитого был избит до полусмерти. Расправа над братьями Смирновыми произошла в связи с подозрением их в шпионаже. Однако, как сообщал подпоручик Луговской, начальник милиции 1-го участка не может доказать шпионаж.

Начальник гарнизона в своем обращении приводил еще несколько примеров самоуправства милиции и признавался, что бороться с этим злом бессилён без поддержки из Томска. Он несколько раз пытался указать начальнику уездной милиции на незаконность действий и «несоответственное поведение» вверенных ему чинов. Однако результатов своего вмешательства офицер не видел⁵⁹.

В августе 1919 г. чехословацкими военными служащими было арестовано руководство Щегловской милиции: начальник уездной милиции Озеркин, начальники 1-го и 2-го участков Новиков и Мельчаков, начальник конного отряда Дударев, секретарь милиции Сергеев, милиционер-казак Родин и старший милиционер химического завода Иванов, а также ямщик Березовский, обвиняемый в посредничестве при получении взяток чинами Щегловской милиции, и сельский секретарь Блинов.

В должность начальника милиции Щегловского уезда вступил подпоручик Рымарев, прибывший из Томска накануне произведенного ареста для занятия должности помощника начальника.

В исполнение должности начальника 1-го участка вступил по преемственности помощник начальника Страуме. В исполнение должности начальника 2-го участка, уволенного еще до инцидента, вступил вновь назначенный на эту должность Потапов. Начальника конного отряда замещал старший в отряде милиционер.

У временно исполняющего обязанности начальника Щегловской милиции подпоручика Рымарева не было никаких авансов ни на текущие расходы, ни на выдачу жалования чинам милиции, которые не получали его с марта, ибо частичные ассигнования на это управляющего Кузнецким уездом шли на хозяйственные надобности, на покупку канцелярских принадлежностей и лишь в малой доле – на жалование.

По заявлению подпоручика Рымарева, в получении и использовании этих денег канцелярия милиции не отчитывалась перед управляющим уездом, и вся вообще отчетность находилась в хаотическом состоянии. Требовалось назначение комиссии для срочной ревизии денежной отчетности.

21 августа было созвано заседание, на котором присутствовали представители уездной управы, городского головы, заведующего подрайоном, волостной управы и других организаций, а также чехословацких военных. На этом заседании чинам милиции инкриминировалось следующее: своими преступными действиями они разрушали государственный правопорядок и развивали в населении стремление и симпатии к большевизму. Были выявлены вопиющие факты. Участники заседания были уверены, что случаи самоуправства обнаружатся еще, так как поступают донесения от запуганного населения.

На заседании было установлено следующее:

1. Милиция арестовала некоторых богатых крестьян. Среди них было много женщин, обвиненных в пособничестве бандитам. Все они были выпороты, в том числе и беременные.
2. Часть арестованных освобождалась милицией за выкуп от 1000 до 3000 руб. с человека.
3. Деньги в качестве выкупа передавались начальству секретарем и ямщиком за особое вознаграждение от крестьян.
4. Милиционеры часто использовали порку. Причем били так, что стены каталажки обрызгивались кровью.

5. Милиция под видом красноармейцев инсценировала ограбления.

В конце заседания его участники поблагодарили чехословаков за оказанную ими неоценимую услугу в деле восстановления погрязших прав населения. Те, со своей стороны, заявили, что они не намерены вмешиваться в дела русских граждан, но были вынуждены к тому⁶⁰.

26 августа управляющий губернией направил штаб-офицера для особых поручений при управлении Томской губернии Аурениуса выехать на место происшествия. После ознакомления с собранным материалом о действиях Щегловской уездной милиции, а также вопроса местных жителей у Аурениуса создалось впечатление, что это «очень серьезное и крупное дело, обследование которого и для целой комиссии составит большой труд и потребует немалого времени из-за необходимости объезда деревень всего Щегловского уезда для расследования всех жалоб, особенно обильно заявляемых после ареста».

Все документы о преступной деятельности арестованных находились у капитана Коуриля. Секретарь Щегловской уездной милиции С. С. Сергеев дал показания об участии Озеркина, Новикова и Дударева в порках населения в помещении управления милиции, в освобождении без суда и следствия, о побеге арестованных из-за пьянства постовых милиционеров, расхищении вещественных доказательств. Другие граждане

также дали показания о действиях милиции, подрывающих авторитет власти по охране порядка и законности.

Приказом управляющего Томской губернии Б. М. Михайловского от 3 сентября 1919 г. № 146 исполнявший обязанности начальника Щегловской уездной милиции Борис Озеркин был временно отстранен от должности вплоть до окончания производства дознания по обвинению его в нарушении «обязанностей службы»⁶¹. 4 сентября 1919 г. состоялся разговор министра внутренних дел с Б. М. Михайловским. Управляющий губернией заявил протест по поводу ареста чехами командного состава Щегловской милиции. Б. М. Михайловский известил собеседника, что им был командирован в Щегловск штаб-офицер для поручений полковник Аурениус, который вернулся без соответствующего обвинительного материала.

3 сентября чехословаки согласились передать арестованных местным властям. Управляющий губернией сообщил: «...частично известные мне обвинения расследованы в свое время прокурором Томского окружного суда и аннулированы»⁶². В полной мере конфликт вокруг щегловской милиции не был исчерпан до установления в городе советской власти.

В условиях, когда государство было не в состоянии в полной мере обеспечить законность, в том числе защиту имущественных прав граждан, последние сами брали на себя правоохранные функции. Речь идет о самосуде, получившем распространение в годы гражданской войны. Крестьяне брали на себя функции сыщика, следователя, судьи и палача.

В сентябре 1918 г. за переезд на чужой лодке на другой берег был убит рабочий Кемеровского рудника⁶³. Гражданин поселка Злобинского Златогорской волости Мариинского уезда Лаврентий Третьяков заявил, что в ночь на 22 февраля 1919 г. умер от побоев его сын Никита. Его избили Александр и Осип Андреевы за кражу им 18 февраля 704 рублей⁶⁴. В сентябре 1919 г. гражданин села Тундинское Златогорской волости Мариинского уезда А. Ф. Жарков написал в газете о проведенном над ним самосуде за кражу его папском 20 снопов овса⁶⁵.

Малоизвестной страницей того времени является функционирование на территории Кузбасса таких учреждений министерства юстиции, как Кузнецкая и Мариинская тюрьмы. По состоянию на 24 июня 1919 г. в Мариинской уездной тюрьме (начальник капитан Червяков) содержалось 473 человека. Среди них – 250 политических заключенных, в том числе 8 женщин с 4 детьми, 191 человек – уголовных, в том числе 6 женщин и один ребенок.

Довольно часто задержанные долго находились под стражей без проведения необходимых процессуальных действий. В ночь на 1 февраля 1919 г. в Томске был арестован член Главного исполкома Кольчугинской железной дороги А. А. Рябцев, а утром 18 февраля – председатель того же комитета Н. Иванов. В июне 1919 г. (через 4 месяца после ареста. – С. З.) на их просьбу ускорить рассмотрение их дел управляющий губернией наложил следующую резолюцию: «Не вижу оснований к исключению дела Иванова из общего порядка рассмотрения. Предлагаю рассмотреть дело в порядке очереди». С апреля по июль 1919 г. без предъявления обвинения содержались в тюрьме С. Г. Мишин, А. Л. Беляев и Г. А. Иванов, подозревавшиеся в участии в Кольчугинском восстании.

Властям приходилось заниматься различными вопросами содержания заключенных. Значительных затрат требовало питание. Для этих целей на 300 арестантов Мариинской тюрьмы в 1919 г. было определено 98 550 руб., а на 200 кузнецких заключенных – 128 480 руб. Особо финансировалось содержание больных. В смете на 1919 г. на питание и лечение 20 человек в Мариинской тюрьме предусматривалось 6789, а на такое же количество в Кузнецкой – 13 067 руб. Медицинскую помощь в Кузнецкой тюрьме оказывал врач, в Мариинской – фельдшер.

Одной из основных задач охраны тюрем было предупреждение побегов. Вечером 1 мая 1919 г. в Мариинской тюрьме была предпринята попытка побега 16 заключенных. Уже в 9 часов утра 3 мая по этому делу начался военно-полевой суд под председательством командира роты штабс-капитана Винтера. В результате, к смертной казни было приговорено 10 заключенных по уголовным статьям. Их расстреляли утром 4 мая.

Будет справедливо упомянуть про случаи освобождения из тюрем по ходатайствам общественности. По воспоминаниям А. Т. Елисеева, в конце 1918 г. в их село под Кузнецком прибыл воинский отряд для поимки дезертиров. Несколько человек были арестованы. По постановлению сельского схода Тагаев поехал в Кузнецк и добился освобождения односельчан из-под стражи. Известный металлург М. К. Курако, проживавший в Гурьевске, взял на поруки арестованного С. Е. Полякова.

Среди многочисленных событий гражданской войны в Сибири затерялся так называемый тайгинский инцидент. Посчитал нужным указать на него в проспекте планируемой монографии Г. Г. Фишер⁶⁶. Известный исследователь этого периода И. Ф. Плотников в своей работе упоминает о нем⁶⁷. Вместе с тем в перечне важных событий кузбасской истории, составленном Л. И. Соловьевым, его нет⁶⁸.

Прелюдией к инциденту стал уход белых 14 ноября 1919 г. из Омска. Вскоре, 23 ноября 1919 г., Верховный правитель адмирал А. В. Колчак произвел реорганизацию правительства. Председатель правительства П. В. Вологодский писал в своем дневнике, что А. В. Колчак решил поручить В. Н. Пепеляеву⁶⁹ формирование солидарного правительства. П. В. Вологодский сообщил последнему об этом вечером 21 ноября. В. Н. Пепеляев ответил, что не считает возможным в такой момент отказываться от какой-либо работы, как бы она ни была тяжела, но он еще серьезно обдумает это предложение.

Назначение В. Н. Пепеляева все-таки состоялось. В Грамоте на его имя, подписанной в Новониколаевске, адмирал заявил: «...зная Вашу несокрушимую энергию и стойкость в проведении мероприятий истинно-

государственных, я призвал Вас на пост председателя Совета министров»⁷⁰. В архиве хранятся блокнотные наброски своего рода «Манифеста» нового премьера. В нем речь шла о том, что «правительство будет стремиться стать доступным для самого народа и требовать от своих представителей на местах способности понимать народ, быть ему близким»⁷¹.

В частности, В. Н. Пепеляев предусматривал отказ от военного управления, борьбу с произволом и беззаконием, кем бы они ни чинились, сближение с оппозицией, консолидацию здоровых сил, возрождение государственности⁷². Кроме того, В. Н. Пепеляев предполагал и кадровые перестановки. «Господа министры, – считал он, – делавшие в течение года всю внутреннюю и внешнюю политику государства, приведшие страну к краху, не могут быть отпущены. Они должны или предстать перед судом народной совести, или продолжить свою работу на низших ступенях государственной службы или в армии»⁷³. Среди кандидатов на смещение особо были указаны И. А. Михайлов⁷⁴, И. И. Сукин⁷⁵, К. Н. Неклютин⁷⁶, Г. К. Гинс⁷⁷. Как считает Г. Х. Эйхе⁷⁸, братья Пепеляевы даже создали особую группу для устранения из руководящих кругов «неприемлемых по каким-либо причинам для них лиц»⁷⁹. Однако неизвестен источник подобной информации.

Для реализации намеченных планов В. Н. Пепеляев воспользовался очередной рабочей встречей с Верховным правителем. Она состоялась на станции Тайга 9 декабря 1919 г. В тот день В. Н. Пепеляев и его брат – командующий 1-й армией генерал-лейтенант А. Н. Пепеляев⁸⁰ – предприняли попытку убедить Верховного правителя А. В. Колчака либерализовать режим. В частности, братья требовали активизировать подготовку к созыву всесибирского представительного органа, формирования правительства народного доверия. Генерал А. Н. Пепеляев, как считает Н. Перейра, мотивировал все это необходимостью спасения самого Верховного правителя и его режима⁸¹.

Братьям удалось отстранить от должности и арестовать или, по словам Н. В. Устрялова⁸², «победить» главнокомандующего – генерал-лейтенанта К. В. Сахарова⁸³. Их действиям способствовало то, что на перроне станции в качестве почетного караула были выставлены гренадерский батальон и 6-й Мариинский полк с пулеметами.

Находясь в эмиграции, К. В. Сахаров так описал этот эпизод. 9 декабря 1919 г. он зашел к А. В. Колчаку, у которого уже были оба брата. «Министр Пепеляев сидел, навалившись своей тучной фигурой на стол, насупившись, тяжело дышал, с легким даже сопением, и нервно перебирал короткими пальцами пухлых рук. Сквозь стекла очков просвечивали его мутные маленькие глаза, без яркого блеска, без выражения ясной мысли; за этой мутью чувствовалось, что глубоко в мозгу сидит какая-то задняя мысль – засела так, что ее не вышибить ничем: ни доводами, ни логикой, ни самой жизнью. После некоторого молчания Пепеляев начал говорить, медленно и тягуче, словно тяжело ворочая языком»⁸⁴. По некоторым данным, переговоры продолжались почти сутки⁸⁵.

По мнению Н. С. Ларькова и В. Г. Рудина, Пепеляевы пошли на это под влиянием поражений и активизации эсеро-меньшевистской оппозиции⁸⁶. Один из современников, Вс. Н. Иванов⁸⁷, вспоминал, что «от братьев-сибиряков ждали чуда»⁸⁸. Чуда не произошло. Р. Лакет пишет, что А. В. Колчак хотел даже подать в отставку, но Пепеляевы этого не одобрили⁸⁹. Подтверждения этому нам пока найти не удалось, известно лишь, что никакое решение А. В. Колчаком в тот день принято не было, а сам он переехал на станцию Анжерская. Управляющий делами Верховного правителя и Совета министров, профессор-юрист Г. К. Гинс, впоследствии считал, что А. В. Колчак намеревался предотвратить осуществление «прокадетских замыслов В. Н. Пепеляева, нацеленных на ликвидацию сибирской диктатуры и замену ее преобразованием Совета министров в законодательный орган с последующей демократизацией всего общества»⁹⁰.

Сюда, на Анжерскую, из Тайги была послана телеграмма Пепеляевых. В ней они пытались убедить адмирала. Братья писали о необходимости созыва Сибирского земского собора и формировании нового правительства. «Мы ждем, – предупреждали Пепеляевы, – до 24 часов 9 декабря... Время не ждет, и мы говорим Вам теперь, что во имя Родины мы решились на все. Нас рассудит Бог и народ». «Мы не были уверены, – вспоминал впоследствии Г. К. Гинс, – что Пепеляевы не совершат какого-нибудь насилия над Верховным правителем. Поступки и телеграммы премьера казались дикими. Мы отправили ему в ответ резкую отповедь. Это оказалось, однако, уже ненужным. Пепеляев обладал психикой, напоминавшей взрывчатое вещество. Прошлого не вернешь. Долго гореть ровным пламенем он не мог. Его телеграмма была взрывом»⁹¹.

Указанный день, отмечаемый в России как день Святого Георгия-Победоносца, не стал для инициаторов успешным. Почувствовав недовольство армейских и правительственных кругов, они решили отступить. В. Н. Пепеляев телеграфировал А. В. Колчаку, что окончание его предыдущей телеграммы могло быть понято неверно, если «забыть основную идею моей деятельности, в силу которой я ни теперь, ни когда-либо ничего не предприму против носителя Верховной власти»⁹². Таким образом, вывод П. У. Петрова о том, что братья Пепеляевы перед падением колчаковщины по отношению к Колчаку были настроены весьма оппозиционно⁹³ нам представляется поспешным.

Говорить о возможности реализации планов Пепеляевых трудно, ибо к тому времени рушилась последняя опора колчаковской власти – армия. В то же время канадский историк Н. Перейра считает, что эта инициатива Пепеляевых могла бы иметь другие последствия, случись она двумя месяцами раньше, до того как провалилась малопонятная, но очень дорогостоящая попытка К. В. Сахарова защитить Омск⁹⁴. По словам уже упомянутого Вс. Н. Иванова, «тайгинский инцидент окончательно подорвал, развалил армию белого Омска: он привел не только к персональным сменам, а воочию показал солдатской массе и всему нацио-

нальному, бегущему обществу, до каких границ дошли общие затруднения, ежели приходится попадать в такие положения»⁹⁵.

С этим мнением спорит Г. М. Семенов⁹⁶. Адмирал, по его словам, просил воздействовать на братьев Пепеляевых, вставших на путь сепаратизма после того, как армия Пепеляева была отведена в тыл и расположена в районе Томска и станции Тайга. По этому случаю, вспоминал Г. М. Семенов, им были посланы Пепеляевым телеграммы. В них содержался призыв о «необходимости теснейшего объединения всех противобольшевистских сил вокруг Верховного правителя и сохранения в интересах родины единого идеологического фронта»⁹⁷. Мы считаем возможным усомниться в этом свидетельстве. Во-первых, давно и широко известен характер отношений А. В. Колчака и Г. М. Семенова, во всяком случае, до декабря 1919 г. Во-вторых, ни у кого из историков нет ссылок на названные телеграммы атамана.

После того как инцидент был исчерпан, Верховный правитель направился в Иркутск, а братья Пепеляевы прибыли в Томск. Председатель правительства предполагал пробить там 1-2 дня⁹⁸. Таким образом, еще одна, далеко не первая в истории нашего Отечества, попытка либерализовать режим окончилась неудачей. Всем антибольшевистским правительствам не удалось создать действенного государственного аппарата, превратить сибирский тыл в единый военный лагерь, подчиненный идее поражения большевиков.

¹ См.: *Документы* о численности и составе населения России накануне Великой Октябрьской социалистической революции // Исторический архив. – 1962. – № 5. – С. 81.

² См.: *Енисейский вестник*. – 1919. – 23 янв.

³ Станция Кольчугинской железной дороги в 40 км от Ачинска.

⁴ См.: *Государственный архив Российской Федерации* (далее – ГАРФ). – Ф. 148. – Оп. 1. – Д. 136. – Л. 2.

⁵ См.: *Государственный архив Томской области* (далее – ГАТО). – Ф. 1362. – Оп. 1. – Д. 64. – Л. 168.

⁶ См.: *Вестник Томской губернии*. – 1919. – 2 апр.

⁷ См.: *ГАТО*. – Ф. 1362. – Оп. 1. – Д. 64. – Л. 166.

⁸ Там же. – Л. 127.

⁹ *Звено*. – 1918. – 17 нояб.

¹⁰ *Звено*. – 1918. – 24 нояб.

¹¹ Там же. – 18 дек.

¹² См.: *Народная газета*. – 1918. – 26 сент.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же. – 25 окт.

¹⁵ См.: *Звено*. – 1918. – 10 сент.

¹⁶ См.: *Простое слово*. – 1919. – 5 сент.

¹⁷ См.: *Звено*. – 1918. – 11 дек.

¹⁸ См.: *ГАТО*. – Ф. 11. – Оп. 1. – Д. 675. – Л. 5-5(об); *Сибирская жизнь* (Томск). – 1919. – 9 апр.

¹⁹ *Сибирская жизнь*. – 1919. – 10 апр.

²⁰ Там же. – 9 апр.

²¹ *Сибирская жизнь*. – 1919. – 10 апр.

²² См.: *Простое слово* (Мариинск). – 1919. – 10 окт.

²³ См.: *ГАРФ*. – Ф. 176. – Оп. 2. – Д. 49. – Л. 174.

²⁴ См.: *Звено*. – 1918. – 18 дек.

²⁵ Там же. – 25 сент.

²⁶ См.: *Звено*. – 1919. – 19 февр.

²⁷ См.: *ГАРФ*. – Ф. 147. – Оп. 2. – Д. 53. – Л. 13-13(об).

²⁸ См.: *ГАТО*. – Ф. 1362. – Оп. 1. – Д. 56. – Л. 82-83.

²⁹ См.: *Звено*. – 1918. – 4 окт.

³⁰ См.: *Вестник Томской губернии*. – 1919. – 4 июня.

³¹ См.: *ГАТО*. – Ф. 1362. – Оп. 1. – Д. 57. – Л. 3, 11.

³² См.: *Центр* документации новейшей истории Томской области (далее – ЦДНИТО). – Ф. 4204. – Оп. 2. – Д. 4. – Л. 106.

³³ См.: *Колхозная правда* (Анжеро-Судженск). – 1959. – 6 апр.

³⁴ См.: *Сибирская жизнь*. – 1918. – 14, 15 сент.

³⁵ См.: *Звено*. – 1918. – 27 окт.

³⁶ См.: *Титов Ю.* Строка одного донесения // *Сердца, отданные людям*. – Кемерово, 1966. – С. 220.

³⁷ См.: *Государственный архив Кемеровской области* (далее – ГАКО). – Ф. 483. – Оп. 1. – Д. 94. – Л. 44.

³⁸ Там же. – Д. 97. – Л. 2.

³⁹ См.: *ГАТО*. – Ф. 1362. – Оп. 1. – Д. 497. – Л. 2-4.

⁴⁰ Там же. – Д. 584. – Л. 100-102.

⁴¹ Там же. – Ф. 1362. – Оп. 1. – Д. 370. – Л. 43.

⁴² См.: *Звено*. – 1918. – 10 нояб.

⁴³ См.: *Сибирская жизнь*. – 1919. – 13 сент.

⁴⁴ См.: *Сибирская речь* (Омск). – 1918. – 1 дек.

⁴⁵ См.: *Народная газета*. – 1919. – 9 февр.

⁴⁶ См.: *Звено*. – 1919. – 5 февр.

⁴⁷ Там же. – 1918. – 2, 6 окт.

⁴⁸ См.: *Народная газета*. – 1918. – 8 сент.

⁴⁹ См.: *Новый луч* (Барнаул). – 1918. – 10 сент.

⁵⁰ См.: *ГАКО*. – Ф. 483. – Оп. 1. – Д. 106. – Л. 12.

- ⁵¹ См.: ГАРФ. – Ф. 147. – Оп. 3. – Д. 29. – Л. 1-2(об).
- ⁵² См.: ГАРФ. – Ф. 147. – Оп. 1. – Д. 19. – Л. 155.
- ⁵³ См.: *Сибирская жизнь*. – 1919. – 8 нояб.
- ⁵⁴ Там же. – 6 сент.
- ⁵⁵ См.: *Народная газета*. – 1918. – 29 сент.
- ⁵⁶ Там же. – 6 окт.
- ⁵⁷ См.: ГАРФ. – Ф. 147. – Оп. 10. – Д. 48а. – Л. 72(об)-77.
- ⁵⁸ Там же. – Л. 79.
- ⁵⁹ См.: Государственный архив Новосибирской области (далее – ГАНО). – Ф. 5. – Оп. 2. – Д. 1526. – Л. 48; ГАРФ. – Ф. 147. – Оп. 3. – Д. 16. – Л. 16.
- ⁶⁰ См.: *Сибирская речь* (Омск). – 1919. – 3 сент.
- ⁶¹ См.: ГАРФ. – Ф. 147. – Оп. 3. – Д. 16. – Л. 111(об), 26.
- ⁶² Там же. – Ф. 1700. – Оп. 1. – Д. 9. – Л. 35.
- ⁶³ См.: *Народная газета*. – 1918. – 19 сент.
- ⁶⁴ См.: *Вестник Томской губернии*. – 1919. – 19 марта; *Звено*. – 1919. – 12 марта.
- ⁶⁵ См.: *Звено*. – 1919. – 19 сент.
- ⁶⁶ См.: Фишер Г. Г. *The Revolution and Civil War in Siberia and Russian Far East* // ГАРФ. – Ф. 5873. – Оп. 1. – Д. 88. – Л. 9.
- ⁶⁷ См.: Плотников И. Ф. Колчак. – Ростов н/Дону, 1998. – С. 253.
- ⁶⁸ См.: Соловьев Л. И. Краеведческие игры. – Кемерово, 1998. – С. 342.
- ⁶⁹ Пепеляев Виктор Николаевич (27 декабря 1884 г. – 7 февраля 1920 г.) – депутат 4-й Государственной думы, член ЦК партии народной свободы, в декабре 1918-1919 гг. последовательно директор департамента милиции, товарищ министра, министр внутренних дел, председатель Российского правительства. Расстрелян по приговору Иркутского военно-революционного комитета.
- ⁷⁰ Цит. по: *Архив русской революции*. – М., 1991. – Т. 9-10. – С. 179.
- ⁷¹ Коллекция ГАРФ. – Бумаги министра внутренних дел В. Н. Пепеляева.
- ⁷² См.: Гинс Г. К. Колчаковщина. Из белых мемуаров / под ред. Н. А. Корнатовского. – М., 1930. – С. 99.
- ⁷³ Цит. по: *Последние дни колчаковщины*. – М., 1926. – С. 131.
- ⁷⁴ Михайлов Иван Андрианович (1891 г. – 30 августа 1946 г.) – в 1918-1919 гг. министр финансов Временного Сибирского, затем Российского правительств. Повешен по приговору Военной коллегии Верховного суда СССР.
- ⁷⁵ Сукин И. И. – управляющий Министерством иностранных дел Российского правительства.
- ⁷⁶ Неклютин Константин Николаевич – в конце 1919 г. управляющий Министерством снабжения и продовольствия Российского правительства.
- ⁷⁷ Гинс Георгий Константинович (28 апреля 1887 г. – 24 сентября 1971 г.) – управляющий делами Верховного правительства и Российского правительства.
- ⁷⁸ Эйхе Генрих Христофорович (29 сентября 1893 г. – 25 июля 1968 г.) – в конце 1919 г. командующий 5-й Красной армии. В 1938 г. был репрессирован и до 1955 г. находился в заключении. В 1960-х гг. приезжал в Кемерово для сбора материала в местном архиве.
- ⁷⁹ См.: Эйхе Г. Х. *Опрокинутый тыл*. – М., 1966. – С. 311.
- ⁸⁰ Пепеляев Анатолий Николаевич (3 июня 1891 г. – 14 января 1938 г.) – генерал-лейтенант, командующий 1-й армией. Расстрелян по приговору Военной коллегии Верховного суда СССР.
- ⁸¹ См.: *Pereira N. Y. O. White Siberia. The Politics of Civil War*. – McGill-Queen's university press, 1996. – P. 148.
- ⁸² Устрялов Николай Васильевич (8 декабря 1890 г. – 14 сентября 1937 г.) – в 1918-1919 гг. приват-доцент Пермского университета, издавал в Омске газету «Русское слово». Расстрелян по приговору Военной коллегии Верховного суда СССР.
- ⁸³ См.: *Устрялов Н. В. 1919-й год. Из прошлого // Русское прошлое*. – 1993. – № 4. – С. 208.
- ⁸⁴ *Сахаров К. В. Белая Сибирь (внутренняя война 1918-1919 гг.)*. – Мюнхен, 1923. – С. 195.
- ⁸⁵ См.: *Smile J. D. Civil War in Siberia. The anti-Bolshevik government of Admiral Kolchak, 1918-1920*. – Cambridge university press, 1996. – P. 580.
- ⁸⁶ См.: *Ларьков Н. С., Рудин В. Г. Гражданская война в Кузбассе (1918-1922) // Историческая энциклопедия Кузбасса*. – Кемерово, 1996. – Т. 1. – С. 144.
- ⁸⁷ Иванов Всеволод Никанорович (7 сентября 1888 г. – 1971 г.) – писатель.
- ⁸⁸ *Иванов Вс. Н. Урал-Харбин-Владивосток. Главы из воспоминаний // Иванов Вс. Н. Императрица Фике, дочь Маршала*. – М., 1992. – С. 441.
- ⁸⁹ См.: *Lockett R. The White Generals: An Account of the White Movement and the Russian Civil War*. – L. & N.-Y., 1971. – P. 311.
- ⁹⁰ *Гинс Г. К. Сибирь, союзники и Колчак*. – Харбин-Пекин, 1921. – Т. 2. – С. 295, 457.
- ⁹¹ Там же. – С. 465.
- ⁹² Цит. по: *Последние дни колчаковщины*. – С. 149.
- ⁹³ См.: *Петров П. У. Разгром пепеляевской авантюры*. – Якутск, 1955. – С. 5.
- ⁹⁴ См.: *Pereira N. Y. O. Ibid.* – P. 142.
- ⁹⁵ *Иванов Вс. Н. Указ. соч.* – С. 443.
- ⁹⁶ Семенов Григорий Михайлович (13 сентября 1890 г. – 30 августа 1946 г.) – генерал-лейтенант, атаман Забайкальского казачьего войска. Повешен по приговору Военной коллегии Верховного суда СССР.
- ⁹⁷ *Атаман Семенов. О себе. Воспоминания, мысли и выводы*. – М., 1999. – С. 191.
- ⁹⁸ См.: *Иркутские губернские ведомости*. – 1919. – 14 дек.; *Сибирская жизнь* (Томск). – 1919. – 12 дек.

ГЛАВА II. ОРГАНИЗАЦИЯ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ **ОШИБКА! ЗАКЛАДКА НЕ ОПРЕДЕЛЕНА.**

Индикатором политических взглядов кузбассовцев стали прошедшие 12-14 ноября 1917 г. выборы в Учредительное собрание. Их результаты неопровержимо свидетельствовали о приверженности к партии социалистов-революционеров. В Кузнецком уезде за них проголосовало 90,7%, а в Мариинском – 88,7% избирателей. Такая же тенденция проявилась и в других уездах губернии. В Новониколаевском за эсеров отдали голоса 95,2%, в Каинском – 89,2% избирателей. В Кузнецке большевики получили всего 18 голосов, тогда как кадеты – 91, а эсеры – 839¹.

Деятельность органов местного самоуправления на территории Кузбасса в этот период также еще ждет своего исследователя. В. А. Кадейкин лишь упомянул, что 15 июня 1918 г. в Кузнецке организовалось так называемое местное самоуправление². По мнению А. Н. Ермолаева, городские думы и управы просуществовали в Кузнецке и Мариинске до 1917 г. Мариинская управа была временно восстановлена в 1918 г. Окончательно они были ликвидированы с установлением советской власти в Кузбассе³. Это мнение справедливо лишь отчасти. На вторую половину 1918 г. и почти весь 1919 г. пришлось время восстановления и интенсивной работы органов местного самоуправления на территории Кузбасса.

Уже 1 июня 1918 г. возобновила свою работу Томская губернская земская управа⁴. Восстановление деятельности органов местного самоуправления шло двумя путями. Во-первых, была проявлена инициатива снизу. В Кузнецке советской власти не стало 14 июня 1918 г. В тот же день возобновила работу городская управа, избранная еще в августе 1917 г. Ее возглавил социалист-революционер Ф. Н. Рожков⁵. После возобновления работы Кузнецкой городской думы 16 июня 1918 г. была переизбрана и городская управа. Городским головой стал народный социалист, бывший городской голова города Камень (Алтайская губерния) П. В. Суворов. Членами Кузнецкой городской управы стали Ф. Н. Рожков и народный социалист, ветеринарный фельдшер В. Е. Котельников⁶. Однако вскоре местное самоуправление в городе и уезде возглавили другие люди. По состоянию на 4 августа 1918 г. городским головой был Матулевич, а председателем Кузнецкой уездной земской управы – М. Нилов⁷.

16 июня 1918 г. в Мариинском уезде было создано Морозовское волостное земское собрание. Его участники решили создать временный волостной исполнительный комитет. М. М. Новоселов был избран председателем, его товарищем – Р. Н. Любимов, а казначеем – Л. Н. Титов⁸. 3-7 июля 1918 г. в Щегловском уезде на народном собрании был избран комитет. Однако Томская губернская земская управа посчитала его временным, а окончательное образование Щегловского уезда отнесла к 1 января 1919 г.⁹

Во-вторых, на места были командированы инструкторы Томской губернской земской управы. Становление новых органов власти проходило непросто. 8 ноября 1918 г. инструктор по созданию земства сообщал в информационный отдел МВД, что в Щеглово явился Кузнецкий уездный комиссар Нилов. Он заявил, что отвечает и за новый уезд – Щегловский. Инструктор считал, что Нилов мешает ему создавать щегловское земство. «Его так бояться, что гласные стали безгласными»¹⁰.

Губернским властям приходилось принимать меры по информированию населения о происходящих событиях. Информаторы Зайдель и Сухоруков 15 июля 1918 г. с этой целью посетили в Щегловском уезде Верхнетомский острог. Как они выяснили, его население вследствие близости к Щеглово было великолепно осведомлено о последних событиях. Информаторы заметили, что не должно быть ни одной деревни без газеты и школы¹¹.

В Кузнецком уезде указанная работа велась плохо. 10 сентября 1918 г. заведующий информационно-агитационным отделом МВД Временного Сибирского правительства обратил внимание инструктора-организатора В. И. Преображенского на то, что в Кузнецком уезде до сих пор не посещены волости: Томская, Кузедеевская, Кандатская, Мрасская, Урско-Бедаревская, Краснознаменная, Карачумышская, Верх-Кондомская, Титовская, Верх-Стрельнинская, Мунгатская, Крапивинская, Смоленская, Зарубинская, Большевяземская. Омский чиновник распорядился, чтобы были приняты меры к «скорейшему информированию означенных волостей»¹².

14 июля 1918 г. прошло Бачатское волостное собрание в присутствии 24-х гласных Бачатского волостного земства под председательством Наумова. Был заслушан доклад инструктора Томской губернской земской управы Максимова о том, что такое земство. Было решено учредить волостное земство. Участники собрания пригласили членов волостной земской управы занять свои места в президиуме. Мусохранов отказался это делать. Воронцов по установленной причине отсутствовал. Вместо них были избраны: крестьянин села Бачата Никита Степанович Дудченков (19 голосов «за» и 2 – «против») и гражданин деревни Ново-Бачата Андрей Воронцов (20 – «за» и 2 – «против»). Последнего избрали и председателем управы¹³.

19 августа 1918 г. на земском собрании Урско-Бедаревской волости под председательством А. К. Чушкина была восстановлена волостная управа¹⁴. 22 сентября 1918 г. на собрании земских гласных Рубинской волости Мариинского уезда также восстановили земство¹⁵. Участники двух последних собраний высказались в поддержку Временного Сибирского правительства. Вместе с тем у крестьян имелись опасения, что в земство пройдут кулаки, урядники и вернутся старые порядки¹⁶.

Следует отметить, что правительство выделяло деньги на восстановление земства. В октябре 1918 г. министерство внутренних дел известило об ассигновании средств на эти цели. Органы местного самоуправления Мариинского и Кузнецкого уездов получили по 60 тыс. руб. сроком на год под 7% годовых¹⁷.

Но данный процесс не везде шел активно. В конце августа 1918 г. одна из губернских газет была обеспокоена тем, что в Верх-Чебулинской волости нет волостного земского управления. Крестьяне отказались его организовывать. Они, размышляя автор статьи, или сознательно уклоняются или не знают о пользе земства¹⁸.

В самом молодом городе губернии – Щегловске, уездный съезд состоялся 9 мая 1918 г. Его делегаты приняли решение о переименовании села Щеглово в город и образовании Щегловского уезда¹⁹. Однако только 12 августа 1918 г. состоялось заседание уполномоченных Щегловского городского самоуправления. Обсуждался вопрос об избрании городского старосты. Из четырех кандидатур был избран Михаил Григорьевич Мохов, его заместителем и казначеем городской управы стал Михаил Ефимович Иванов.

Постановлением Томского губернского комиссара А. Н. Гаттенбергера по итогам выборов Щегловское городское общественное управление было утверждено в следующем составе: Еремин, Лиханский, Бельский, Иванов, Мохов, Колесников, Кошней, Скрипко, Боронченко, Чуфарова, Асанова и Хромова²⁰. 23 августа 1918 г. состоялось заседание Щегловского городского управления. В нем приняли участие уполномоченный городской управления И. И. Лиханский, И. И. Бараненко, Н. П. Чуфаров, М. Д. Скрипко, А. М. Асанов, Н. М. Паршин, М. М. Хромов, Н. Я. Бельский, М. Г. Мохов, М. Е. Иванов и заместитель председателя Щегловского земского управления И. В. Смоленко²¹.

В декабре 1918 г. в Томске на заседании, посвященном образованию города, с участием губернского комиссара Б. М. Михайловского и городского головы обсуждался вопрос об организации управления в новом уезде. Речь шла о том, чтобы уездная дума была представительным, а управа – исполнительным органами.

Становление местного самоуправления в будущем административном центре Кемеровской области проходило непросто. Общественность города оказалась расколотой на несколько групп. Во главе одной из них находился М. Г. Мохов. Ареной выяснения отношений стала и влиятельная томская газета «Сибирская жизнь». Один из оппонентов М. Г. Мохова в апреле 1919 г. на страницах газеты упрекал его в том, что хотя прошло около 3-х недель после возвращения городского старосты Щегловска из Омска, до сих пор нет отчета об этом. Организация разночинцев хотела знать об итогах поездки, они были намерены добиться этого даже путем решительных мер. По их мнению, «распадающаяся» дума не в силах противостоять М. Г. Мохову или не хочет этого делать, из 14 гласных 5 не работают, уехали или махнули рукой на участие в заседаниях. Следует их заменить. М. Г. Мохов, жаловались разночинцы, именовал себя не городским старостой, а городским головой. Автор статьи предлагал выбрать новых гласных и провести ревизию городского управления²².

В июне 1919 г. в этой же газете была опубликована статья «Щегловская история». Ее подписали М. Мохов, члены управы М. Иванов и М. Баранов. Это был ответ на статью в «Сибирской жизни» за 14 мая. В статье говорилось, что управляющий губернией утвердил итоги выборов, город на свои деньги (что составляет 30 тыс. руб. в год) содержит гимназию, куплен сахар и даже началась его раздача, городская управа готовит компенсацию за земельные участки, занятые под город²³.

Противники М. Г. Мохова не унимались, 1 ноября 1919 г. было опубликовано письмо члена Щегловской управы И. И. Тараненко. В нем сообщалось о спекуляции сахаром члена управы И. Е. Иванова. Статья заканчивалась призывом к руководителям губернии освободить город от Мохова и его кампании²⁴.

12 августа 1918 г. в Тайге состоялись выборы городского самоуправления. 4 октября 1918 г. Томский губернский комиссар направил в МВД доклад. В нем на основе заключения юриконсультанта губернского комиссариата присяжного поверенного А. Юрьева были проанализированы выборы в Тайгинскую городскую думу. Сопоставляя «Временные правила о производстве выборов и наказов городского самоуправления» с процедурой выборов в Тайге, губернский комиссар выявил нарушения:

1. Отсутствовал алфавитный список избирателей. Он был составлен по квартирам по итогам последней переписи населения.
2. В избирательном деле не были удостоверены время и место выставления избирательного списка для всеобщего обозрения.
3. В подписях лиц, заявивших избирательные списки, не были указаны сведения о них.
4. В деле не было образца избирательной карточки и конвертов.
5. Протоколы избирательной комиссии были очень краткие.
6. В число действительных избирательных карточек попали несколько недействительных, несущественных и предназначенных к отмене²⁵.

В целом, выборы были признаны действительными. Однако не обошлось без скандала. Накануне выборов был обнаружен список кандидатов в гласные. Одна из фамилий, Шпунтович, привлекла внимание сотрудников барнаульской газеты «Жизнь Алтая». В Барнауле данный гражданин, по словам журналистов, известен как шантажист, вымогатель и сотрудник барнаульского жандармского управления под кличкой «Случайный»²⁶.

Эта информация стала известна исполняющему обязанности министра, товарищу министра внутренних дел Временного Сибирского правительства. 31 октября 1918 г. он направил письмо Томскому губернскому комиссару. К письму была приложена газетная вырезка с заметкой о городском голове Тайги Шпунтовиче. Руководитель министерства попросил собрать сведения об этой личности и, если есть юридические основания к устранению его от должности, возбудить соответствующее дело. В свою очередь, 15 ноября 1918 г.

Томский губернский комиссар Б. М. Михайловский поручил Томскому уездному комиссару немедленно выполнить поручение высокопоставленного омского чиновника²⁷.

Об обстоятельствах дела был сделан запрос. Сохранилось письмо начальника Томского исправительно-арестного отделения № 1 начальнику томской уездной милиции от 26 декабря 1918 г., в котором содержалась выписка из приговора Барнаульского окружного суда по делу В. А. Шпунтовича²⁸. Из документа следовало, что 16-18 марта 1913 г. в здании местной тюрьмы заседал Барнаульский окружной суд. Слушалось дело по шантажу и вымогательству, ответчиком был мещанин города Бахмут Екатеринославской губернии (ныне город Артемовск Донецкой области Украины) редактор-издатель газеты «Алтайский край» 37-летний Владимир Александрович Шпунтович. Истцом выступил 64-летний купец Иван Федорович Ворсин – попечитель женской гимназии. По словам купца, В. А. Шпунтович заманил его в дом свиданий, где И. Ф. Ворсин якобы изнасиловал гимназистку. За сокрытие этого В. А. Шпунтович трижды требовал с него по 15 тыс. руб., затем запросил еще 50 тыс. руб.

В. А. Шпунтович был признан виновным и приговорен к пребыванию в исправительно-арестном отделении на 2 года и 4 месяца. Срок начинался 31 июня 1913 г. и заканчивался 30 ноября 1915 г. Однако пребывание под стражей было сокращено. 25 июня 1915 г. В. А. Шпунтович был отдан под надзор полиции в селе Берске одноименной волости Барнаульского уезда²⁹.

К тому времени В. А. Шпунтович был известным издателем. В 1909-1910 гг. в барнаульской типографии П. В. Орнатского, В. А. Шпунтовича и А. И. Шестакова печатался «Барнаульский листок»³⁰. В 1910 г. В. А. Шпунтович в Барнауле издавал «Алтайскую газету»³¹, в 1911-1913 гг. газету «Алтайский край» издавала Анастасия Шпунтович, редактором-издателем был В. А. Шпунтович³².

Патриарх сибирского областничества Г. Н. Потанин в письме к М. Г. Васильевой от 8 января 1911 г. дал характеристику В. А. Шпунтовичу как издателю: «Мои отношения к “Алтайской газете” такие. В ней раньше работали Курский и Шапочников, к которым я всегда относился доброжелательно. Никогда не питал враждебного чувства к П. В. Орнатскому, а в Звереве, который был другом редакции, всегда видел собственного друга. И вот все эти лица ушли из редакции. Причина та, что на содержание газеты стал оказывать давление господин В. А. Шпунтович. Он требовал, чтобы публицисты газеты не вели обличительную борьбу с иностранцами-экспортерами, отстаивающими положение, при котором они наживались на счет сибирского мужика». Шпунтович боялся, что экспортеры масла откажутся печатать в газете свои объявления, а это был большой доход, который поддерживал не только газету, но и типографию.

«Вот и вся причина, – заканчивал Г. Н. Потанин, – почему я симпатизирую “Жизни Алтая”, а не “Алтайской газете”. Ничего бесчестного я об “Алтайской газете” не слышал, я могу обвинить ее только в недостатке гражданского мужества или в меркантильной расчетливости»³³.

События почти шестилетней давности получили продолжение. 4 января 1919 г. было собрано экстренное заседание Тайгинской городской думы. На нем присутствовало 17 гласных из 26. Председательствовал Р. Ф. Добржинский при секретаре И. Г. Федоровском. Слушался вопрос об отказе В. А. Шпунтовича от обязанностей городского головы и избрании заместителя на его место. Заместитель председателя думы и гласные попросили В. А. Шпунтовича рассказать о причинах его заявления.

Тот назвал газетную травлю вокруг его сделки с комиссионной конторой Кратко, вопрос о заготовке дров и выдаче разрешения Карпову на покупку посуды.

По данным ситуациям В. А. Шпунтович дал объяснения, которые сводились к доказательству того, что этим городу не нанесено ни убытка, ни вреда. Гласный Гулевский напомнил о том, какую пользу принес Шпунтович городу и предложил высказать ему доверие.

Гласный Казарновский утверждал, что до Шпунтовича продовольственное дело в городе было в невозможном состоянии, и если сейчас оно налажено, то только благодаря Шпунтовичу.

Депутат от торговых граждан Ефремов выразил от себя и уполномочивших его лиц просьбу к Шпунтовичу забрать свой отказ и продолжить плодотворную работу на пользу города Тайги.

Гласный Циркин указал, что дума всегда относилась к Шпунтовичу с доверием. Поэтому он предложил следующую резолюцию: «Обсудив всесторонне вопрос о сложении с себя обязанностей городского головы В. А. Шпунтовичем, гласные постановили: вынесенные неофициальные обвинения отдельной личностью считать недействительными, а потому просить Владимира Александровича Шпунтовича занять должность городского головы».

Признав предложенную резолюцию приемлемой и отвечающей действительности, дума решила перейти к тайному голосованию. За резолюцию было подано 16 записок, т. е. она была принята единогласно, так как в числе 17 присутствовавших был сам Шпунтович.

При дальнейшем обмене мнениями дума постановила поместить в газетах опровержение, объясняющее конфликт сведением личных счетов. «В дальнейшем, – постановили гласные, – оставить всякого рода полемику по неподтвержденным и не установленным подлежащей властью данным, оставляя на совести тех, кто в достижении, быть может, своих личных целей не считается с тем, что с печатным словом надлежит обращаться очень и очень осторожно»³⁴.

Обиженным посчитал себя гласный Тайгинской городской думы Н. Е. Подгузов. 9 января 1919 г. он подал заявление об исключении его из состава городской думы за вскрытие злоупотреблений Шпунтовича. Он обратился к товарищу председателя городской думы А. М. Колесникову с просьбой вернуть ему право засе-

дать в думе. 17 января подобное прошение он направил управляющему Томской губернией, в письме сохранилась просьба прекратить злоупотребления в городской управе³⁵.

27 апреля 1919 г. Н. Е. Подгузов написал об этом Верховному правителю России А. В. Колчаку. Днем ранее он сообщил прокурору Томского окружного суда о спекуляции Шпунтовича казенным товаром³⁶. В это же время в газету «Сибирская жизнь» была доставлена копия заявления Н. Е. Подгузова о злоупотреблениях городского головы Шпунтовича³⁷.

Выполняя свое решение, Тайгинская городская дума обратилась в редакцию газеты. В письме говорилось, что в № 15 от 28 января 1919 г. появилось сообщение от собственного корреспондента о наведении официальных справок о личности Тайгинского городского головы В. А. Шпунтовича. Затронутый вопрос не является новым, и Дума в ряде своих постановлений вполне определенно высказалась о цене сведений, появившихся в газетах. «Народная газета», по мнению гласных, сделала очень мало для всестороннего освещения затронутого вопроса и, несмотря на настояние городской думы, уклонилась от помещения ряда сведений в противовес тем нападкам, которые имели место в отношении Шпунтовича.

Вполне корректный тон сообщения в газете «Сибирская жизнь» дает основания предполагать, говорилось в письме, что на этот раз Дума имеет дело не с газетной травлей, а с желанием выяснить вопрос, получивший огласку. Выражалась уверенность, что «Сибирская жизнь» не допустит нарушения основного принципа всякого разбирательства – выслушивание и противоположной стороны (*audiatur et a altera pars*).

Дума просила поместить в газете свою информацию. Для того чтобы самые «суждения местного интеллигентного общества» и выводы из них были обоснованными, гласные посчитали нужным остановиться подробно на деятельности В. А. Шпунтовича в должности городского головы, которая достаточно охарактеризована в поднесенном ему адресе. Из этого адреса видно, в какую исключительно трудную минуту вступил В. А. Шпунтович в должность городского головы.

Достаточно сказать, что после пятого переворота город оказался без денег и с запасами продовольствия на несколько дней. После вскрытия денежного ящика в кассе городского управления оказалось строго запротоколирована наличность в размере 105 руб. 99 коп. гербовыми марками и векселями и 1/2 четверти водки. Хлеба в городе не было. Гражданин Шпунтович как человек состоятельный выделил городу свои личные деньги для покупки продуктов. Местное купечество из личного доверия к нему также пошло навстречу городу и дало беспроцентную ссуду.

Эти долги уже возвращены. Вместе с тем оплачены и долговые обязательства города за 1916-1917 гг. На момент написания письма город, по мнению думцев, находился в хорошем финансовом положении. Эти были достигнуто благодаря Шпунтовичу. Его энергия и большой хозяйственный опыт дают возможность городу Тайге чувствовать себя, по словам гласных, счастливым исключением среди прочих городов, не знающих в финансовом отношении ничего, кроме дефицита.

Не лишним будет отметить, посчитали авторы письма, что знание рынка и предусмотрительность В. А. Шпунтовича привели к тому, что такие продукты питания, как мука, мясо и пр., в Тайге стали дешевле по сравнению с ценами продовольственных лавок Томска на 20-30%, причем город Тайга бесспорно обеспечен продовольственными запасами на несколько месяцев. К добыванию этих продуктов В. А. Шпунтович прилагал все свои усилия.

Снабжение города продовольствием не носило, как это хотят доказать выступающие против Шпунтовича, спекулятивный характер. Грузами, реквизированными по правилам Министерства продовольствия, Шпунтович не распоряжался. По решению реквизиционной комиссии, председателем которой он был, все реквизированные грузы переданы городу. Отпуском грузов при их излишке распоряжались продовольственная комиссия и дума, а не единолично городской голова.

Гласные отмечали, что В. А. Шпунтовичу не чужды и заботы как о просвещении вообще, так и об учащих в частности. Например, благодаря его заботам появится возможность выстроить гимназию стоимостью до 400 тыс. руб., до него был заложен лишь фундамент. В городе приведены в должный порядок начальные школы, они снабжены необходимым инвентарем и пр. На пожертвованные Шпунтовичем лично и собранные по подписному листу деньги во всех школах будут устроены на Рождество 1920 г. елки. При его содействии дети бедных родителей снабжены валенками и теплыми фуфайками.

В момент своего избрания В. А. Шпунтович был прекрасно известен своим избирателям, так как во время предвыборной кампании и самих выборов он уклонился выставить свою кандидатуру, заявив вполне откровенно о причинах уклонения. Но избиратели, составляющие общественное мнение, оценили В. А. Шпунтовича в прошлом и настоящем и настояли на его кандидатуре. В итоге, его избрали на должность городского головы почти единогласно.

Авторы письма в газету считали, что городу нужны люди не слова, а дела. Деловая энергия В. А. Шпунтовича для них была вне сомнения.

В своем обращении к обществу Тайгинская городская дума высказала предположение, что помещение заметок в газете является делом рук не граждан Тайги, так как они обязаны В. А. Шпунтовичу улучшением условий жизни в городе. Это действие лиц, задавшихся целью свести с ним личные счеты. Это обращение в газету 6 февраля 1919 г. подписал заместитель председателя городской думы Р. Ф. Добржинский³⁸.

Вскоре в конфликт включился исполнявший обязанности управляющего Томской губернией Дорогов. Он поручил управляющему Томского уезда провести ревизию Тайгинской городской думы³⁹.

15 апреля 1919 г. Дорогов известил думу об итогах проверки производства дел Тайгинского городского управления. Он посчитал нужным отметить, что канцелярская деятельность городского управления Тайги не поставлена на должную высоту. Приходно-расходные книги не прошнурованы, не пропечатаны и не скреплены соответствующими подписями, как это требуется по закону.

Поправки, надписи, зачеркивание в книгах недопустимы вообще. В исключительных случаях они могут быть сделаны красными чернилами и оговорены в тексте с соответствующими подписями.

Документы и переписка должны быть подобраны, распределены по соответствующим номерам, целые дела – помечены номером, переписка по каждому делу – подшита в папке.

Дорогов обратил внимание Тайгинского городского управления на продовольственную деятельность. «Она ведется чисто коммерческим путем. Город скупает товары и предметы продовольствия большими партиями. Оставляя потребное количество из купленного для городских жителей, он перепродает излишек товара на сторону, в частные руки, иногда с очень высокой расценкой в пользу города. Последнее обстоятельство, не ограниченное ничем и определяемое только усмотрением, придает торговым делам города спекулятивный характер. Спекуляция запрещена отдельным лицам. Она тем более недопустима для города как общественного учреждения»⁴⁰.

Все более или менее солидные денежные затраты, указывал Дорогов, должны производиться по постановлениям городской думы. Денежные обязательства, принимаемые городским общественным управлением, необходимо обязательно докладывать думе. Она, в свою очередь, должна принять постановление, соответствующее требованиям закона.

В делах по ревизии Тайгинского городского управления упоминались разрешения, которые выдавались городским управлением местным торговцам на отправку товаров, в частности соли, в адрес Тайгинского городского управления. С подобными разрешениями, как считал Дорогов, нужно обходиться крайне осторожно. Торговцев следует ограничивать обязательством продажи товаров, поступивших в адрес городского управления, только на местном рынке. В противном случае город открывает для торговцев очень соблазнительную возможность спекулировать товарами, полученными с помощью города.

Дорогов коснулся и исключения из числа гласных гражданина Подгузова. Он отметил, что для него не выяснено, несмотря на специальный запрос, что послужило законным основанием для этого исключения. Закон знает временное исключение, которое возможно только в случае возбуждения против гласного судебного следствия.

В. А. Шпунтович сохранил свою должность, однако он оставался в центре внимания прессы⁴¹. 13 августа 1919 г. фамилия Владимира Александровича вновь была упомянута в губернской газете в негативном контексте в статье о санатории Томской железной дороги. Как сообщил автор, среди отдохнувших 100 детей и 40 взрослых были посторонние люди (очевидно, под ними он имел в виду лиц, не служивших на железной дороге). Среди них – семья Тайгинского городского головы Шпунтовича⁴².

Видимо, инициативная, энергичная деятельность В. А. Шпунтовича, его задатки предпринимателя не давали покоя его конкурентам.

Последнее известное нам упоминание фамилии В. А. Шпунтовича относится к 1928 г., когда он, заведующий лесозаготовками Саралинского рудоуправления Хакасского округа, был арестован и осужден на 3 года концлагерей⁴³.

Осенью 1918 г. началось восстановление городского самоуправления в Мариинске. С этой целью были назначены выборы городской думы. Автор газеты «Звено», подписавшийся как «А. Ч.», 18 октября убеждал горожан, что «важно отнестись к ним возможно внимательнее и хотя бы в этом общественном деле стряхнуть с себя “моя хата с краю – ничего не знаю”, – так как иначе всякая вина в деле городского самоуправления станет тогда, граждане, и вашей виной»⁴⁴.

С 18 сентября 1918 г. начали составлять списки кандидатов в гласные. Сведения можно было подавать с 9 ч утра до 9 ч вечера⁴⁵. Кандидаты выставлялись по трем спискам: от союза домовладельцев, от союза квартиронанимателей, а также от блока социалистических организаций и профессиональных союзов.

Определенные круги, к ним мы относим гражданские и военные власти, домовладельцев, не хотели ожидавшейся победы левых сил. Для срыва голосования в пользу эсеров были приняты серьезные меры. 8 октября 1918 г. выборы в Мариинскую городскую думу перенесли на 3 ноября⁴⁶.

22 октября 1918 г. ситуация в городе и уезде резко изменилась, было введено осадное положение. Конное и пешее движение разрешалось только с 6 ч утра до 6 ч вечера, запрещались митинги, собрания, спектакли, сеансы кинематографа. Более того, в ночь на 22 октября были проведены аресты. Среди арестованных оказался и председатель городской думы Игнатий Семенович Гвиздон, проходивший кандидатом на новый срок по списку № 3. Положение с выборами осложнилось и то обстоятельство, что его заместитель был в отъезде. 26 октября было созвано экстренное заседание думы с участием 14 гласных. Председательствовал товарищ председателя городской думы. Большинством в 12 голосов дума приняла решение продолжить избирательную кампанию. Мнение думцев было опубликовано⁴⁷.

Выборы в Мариинске прошли 3 ноября 1918 г. При их проведении применялись и нечестные приемы. Местная газета отметила широкую агитацию домовладельцев в день выборов, что было недопустимо. Они раздавали по домам свои бюллетени с надписью «Подаю свой голос за № 1», около здания городской думы дежурило три их агитатора⁴⁸.

В тот же день прошло заседание городской избирательной комиссии. Ее председателем был Д. К. Копылов, членами – Н. П. Евтин, С. М. Редин, И. С. Станкевич, М. С. Фролов и С. А. Скобников.

Выборы показали пассивность населения. Из общего числа в 6 тыс. избирателей избирательные карточки подали только 1337 человек, т. е. менее 1/4. Было избрано 33 гласных: по списку № 1 – 19 гласных, по списку № 2 – 6, по списку № 3 – 8. Налицо была победа цензовых элементов. Полномочия нового состава думы заканчивались 31 декабря 1921 г.⁴⁹

Итоги выборов были подведены в передовой статье газеты «Звено» за 6 ноября. «Как бы ни относиться к факту выборов при осадном положении, одно несомненно, что будущая дума не будет выражать волю большей части населения г. Мариинска, так как большинство, представленное в ней, состоит из представителей меньшинства населения. Не приходится также верить, продолжал автор, в работоспособность будущей думы, ибо ее цензовое большинство в прошлой муниципальной деятельности доказало свое бессилие и отсутствие плодотворной работы»⁵⁰. Почти сразу же, 6 ноября 1918 г., в городе было снято осадное положение, осталось только военное. Хождение разрешалось с 6 ч утра до 9 ч вечера. Только 21 ноября 1918 г. были освобождены И. С. Гвиздон, А. В. Рябцев, П. Н. Марков, которых обязали дать подписку о невыезде⁵¹. 25 ноября 1918 г. состоялось экстренное заседание Мариинской городской думы. Его участники решили командировать И. С. Гвиздона в Томск и даже в Омск по вопросу о признании результатов выборов⁵².

Свою репутацию эсеровской цитадели Мариинск подтвердил через год. Осенью 1919 г. на выборах в городское самоуправление в 30-ти городах Сибири и Дальнего Востока представители партии социалистов-революционеров победили лишь в 4-х (Иркутск, Тобольск, Благовещенск и Мариинск). В Мариинске, единственном не губернском или областном центре, они заняли 15 мест из 24⁵³.

Для совершенствования работы местного самоуправления было решено провести Государственное земское совещание. В связи с этим до 5 ноября 1919 г. следовало провести уездные съезды по выборам делегатов. Один съезд предполагалось собрать в Мариинске и соединенный съезд для Щегловского и Кузнецкого уездов – в Кузнецке⁵⁴. Председатель Томского окружного суда назначил председателей съездов уполномоченных волостей для избрания членов земского совещания. Ими в Мариинском и Кузнецком уездах стали административные судьи В. Ч. Желиговский и А. С. Зуев, в Щегловском уезде – мировой судья 2-го участка Кузнецкого уезда А. И. Овчинкин⁵⁵.

Органы местного самоуправления принимали меры для повышения квалификации своих сотрудников. 5-7 декабря 1918 г. прошел съезд волостных писарей Мариинского уезда. На нем присутствовало 33 человека⁵⁶. 26 февраля 1919 г. в помещении Томской губернской земской управы открылся съезд представителей уездных земств: Томского, Кузнецкого, Каинского, Новониколаевского, Щегловского и Мариинского. Однако выборы в Щегловском и Кузнецком уезде еще не проводились⁵⁷.

В конце сентября 1918 г. Я. Потоцкий в газете высказал верную мысль о том, что в Кузнецком уезде инструкторам губернской земской управы надо уведомлять уездные и волостные власти о своей работе⁵⁸.

В определенной степени об объеме работы органов местного самоуправления говорит тот факт, что за 4 месяца функционирования (до 1 декабря 1918 г.) было проведено 63 пленарных заседания Мариинской уездной земской управы с рассмотрением 710 вопросов⁵⁹.

К сожалению, далеко не все народные избранники добросовестно относились к своим обязанностям. 19 сентября 1918 г. на заседании Мариинской городской думы присутствовало 9 гласных из 33-х⁶⁰. 1 октября 1918 г. заседание вообще не состоялось⁶¹. На 25 сентября 1918 г. были назначены Кузнецкое уездное земское собрание и уездный крестьянский съезд. Явилось 9 представителей от земской управы, 9 – от населения волости и 14 представителей от крестьян. Решили провести крестьянский съезд, а на земское собрание подождать еще делегатов⁶².

23 октября 1918 г. в Мариинском уезде на Сандайское волостное земское собрание прибыло 4 из 20-ти делегатов⁶³. В январе 1919 г. работала сессия Мариинской уездной земской управы. Большинство гласных из уезда отсутствовало, городские гласные также не посещали заседания, которые часто затягивались из-за отсутствия кворума. Возникал даже вопрос о том, сумеет ли сессия благополучно закончить свою работу⁶⁴.

Органам местного самоуправления приходилось вести финансово-хозяйственную деятельность в сложных условиях. Денег не хватало по самым разным причинам. Самый большой бюджет имело мариинское земство, его расходы на второе полугодие 1918 г. составили: народное образование – 1360 тыс. руб., медицина – 286,6, земская управа – 239,65, милиция – 216,36, экономические мероприятия – 146,675, дорожная повинность – 64,6, ветеринария – 44,68, гоньба – 18 тыс. руб. Всего – 2905,928 тыс. руб. Доходная часть включала: начисление на прогрессивно-подоходный налог в пользу земства в 50%, повышенное обложение золотоносных земель, недвижимого имущества в городе, фабрично-заводских и торгово-промышленных помещений. Все это производило впечатление налаженного и устойчивого дела.

Ситуация в 1919 г. сложилась иная. Управляющий Томской казенной палаты счел смету Мариинской уездной земской управы на 1919 г. необоснованной. В соответствии с постановлением Временного правительства от 29 июля 1918 г. она не имела права расходовать на народное образование 1735 тыс. руб. Управляющему казенной палаты было неясно, откуда возьмутся пособия от губернского земства и «возврат расходов в сумме 289 136,80 руб.». Ценность фабрично-заводских и торгово-промышленных помещений, а также доходность недвижимого имущества частных владельцев была явно завышена⁶⁵.

Еще хуже дело обстояло с финансами города. Как писала газета «Сибирская жизнь», в августе 1918 г. смета еще не была представлена в городскую думу. Расход ожидался в 500 тыс., а приход в 170 тыс. руб. Никаких идей по ликвидации дефицита не было⁶⁶.

Расходы Мариинской городской управы постоянно росли: 1913 г. – 87 646,86 руб.; 1914 г. – 87 187,41; 1915 г. – 97 124,55; 1916 г. – 138 245,94; 1917 г. – 170 202,72; 1918 г. – 555 411,76 руб.⁶⁷

Для сравнения, расходы Щегловска на 1918 г. составили 349 571,93 руб.⁶⁸ В обоих случаях, конечно, следует делать поправку на инфляцию, ставшую в годы войны весьма значительной.

Органы местного самоуправления пытались найти источники пополнения бюджета. Кузнецкая городская дума в июне 1919 г. провела дополнительную оценку государственных земельных участков на 1067,798 руб. В 1918 г. стоимость зданий составляла 4 тыс., теперь – 25 тыс. руб.⁶⁹ Соответственно, собственники должны были платить больший налог на недвижимость.

Свой способ поправить финансовое положение города нашли в Тайге. Некто «Д» писал в газете, что Тайгинское городское самоуправление реквизирует грузы и затем продает по повышенной цене⁷⁰.

Нарушения финансовой дисциплины имелись и в волостных управах. При ревизии Итатской волостной земской управы был обнаружен перерасход в 17 тыс. руб., а в кассе оказался излишек наличных средств в 2057 руб. 49 коп.⁷¹ 24 ноября 1918 г. в Тамаровской волости Мариинского уезда состоялись экстренные перевыборы гласных Саенко и Мирошниченко. Они запустили дела и недобросовестно относились к деньгам. Вместо них выбрали Г. Н. Зинченко и И. П. Калашникова⁷².

Населенные пункты Кузбасса в этот период быстро развивались. Если по переписи 1916 г. в Щегловске насчитывалось 5710 жителей, то в 1918-1919 гг. – уже более 12,5 тыс. На заседании Томской губернской земской управы 5 июля 1918 г. был заслушан доклад доверенных граждан села Щеглово Невзорова и Чиждова об отводе для города земель по левую сторону реки Истикимка⁷³. 28 ноября 1918 г. Щегловская городская дума решила послать в Томск городского голову М. Г. Мохова и гласного Каненя, которые должны были просить участки земли под застройку в «достаточном количестве»⁷⁴.

Вначале молодой населенный пункт строился беспорядочно. Об этом в октябре 1918 г. писала одна из губернских газет. Желая поправить положение, Щегловская городская управа ходатайствовала перед губернским правлением о предотвращении этого⁷⁵. Жилой фонд Щегловска в 1919 г. составил около 1000 домов, строились десятки новых. Городские власти объявили конкурс на проект застройки Щегловска. Было представлено 5 проектов. Победил проект инженера-строителя Парамонова, в основе которого лежала идея создания «города-сада». 18 мая 1919 г. Щегловская городская дума обсуждала вопрос о постановке электрического освещения в городе. Это предложение поддержало 11 гласных. Они предложили городской управе «войти в сношения» с торговым домом «Васильев и К^о», предложившим городу свой план освещения.

На благоустройство населенных пунктов влияли пожары. Поскольку жилые дома и хозяйственные постройки были деревянными, эта проблема была актуальна. Вопросами пожарной безопасности занимались и органы местного самоуправления. На заседании Кузнецкой городской думы 20 сентября 1918 г. было решено повысить жалование городской пожарной команде. Старший пожарный стал получать 240, рядовой – 200 руб.⁷⁶ 8 октября 1918 г. Мариинская городская дума обсуждала вопрос о перестройке конюшни пожарного депо⁷⁷. 30 августа 1919 г. она решила ходатайствовать перед соответствующими властями об освобождении от воинской службы 18-ти наиболее заслуженных дружинников Вольно-пожарного общества⁷⁸.

Определение причин возгорания всегда было делом непростым, тем более во время гражданской войны, так как у потерпевших были подозрения на поджог. 30 августа 1918 г. в 3 часа утра начался пожар, в результате которого сгорели скотные дворы у председателя Крапивинской волостной земской управы Ящика. По-видимому, считал автор газетной публикации Голубев, был совершен поджог. Происшествие раскрыто не было⁷⁹. На хуторе Медведка поселка Рубинского Мариинского уезда в 8 вечера 23 сентября 1918 г. начался пожар у граждан Стельмах. Сгорело 1200 снопов пшеницы, 1000 снопов овса, 2 стога сена, ущерб составил около 5 тыс. руб. В газете вновь была высказана версия о поджоге⁸⁰.

Поднимался вопрос об изменении статуса некоторых населенных пунктов. В сентябре 1918 г. вновь возник разговор об установлении поселкового управления на Судженке. Сторонники этого указывали, что такое управление существует и в меньших населенных пунктах. В этот период на Судженке жили 16 396 человек, т. е. в 5 раза больше, чем в городе Тайге⁸¹.

В декабре 1918 г. Томская уездная земская управа рассматривала вопрос о поселковом управлении на Судженских коях⁸². Очевидно, вопрос был решен в пользу ожидаемого повышения статуса населенного пункта. Однако 18 января 1919 г. Томский окружной суд отменил постановление Томской уездной земской управы о присвоении Судженскому народному собранию функций поселкового управления⁸³.

В феврале 1919 г. одна из сибирских газет обнародовала слух о том, что в поселке Юргинском при станции Юрга Томской железной дороги земским управлением предложено ввести поселковое управление⁸⁴. В мае 1919 г. уже население поселка Юрга Тутальской волости возбудило перед Томской уездной управой ходатайство об этом⁸⁵.

В сентябре 1918 г. Томское уездное собрание высказалось за выделение села Яя из Петропавловской волости⁸⁶. Кроме того, в Мариинском уезде в августе 1918 г. была образована Арлюковская волость⁸⁷.

В период 1918-1919 гг. кузбассовцы получили долгожданную возможность осуществить свое право самим решать жизненно важные вопросы посредством организации местного самоуправления. Однако эта

возможность не была реализована в полной мере. Главная причина – продолжавшаяся война, теперь уже гражданская. Она свела потребности сибиряков до минимума, точнее говоря, к стремлению выжить. Создание и совершенствование деятельности органов местного самоуправления не являлись в этот период насущной задачей.

¹ См.: Шиловский М. В. Политические процессы в Сибири в период социальных катаклизмов 1917-1920 гг. – Новосибирск, 2003. – С. 91.

² См.: Кадейкин В. А. Кузнецк в революции // Кузнецк в прошлом и настоящем: мат-лы науч. конф. / отв. ред. А. А. Лукин. – Новокузнецк, 1971. – С. 63.

³ См.: Государственный архив Кемеровской области: путеводитель. – Кемерово, 2006. – Ч. 1: Отдел досюветских фондов / авт.-сост. и авт. вступ. статьи А. Н. Ермолаев. – С. 7, 17.

⁴ См.: История общественного самоуправления в Сибири второй половины XIX – начала XX века / отв. ред. М. В. Шиловский. – Новосибирск, 2006. – С. 333.

⁵ См.: Шиловский М. В. Указ. соч. – С. 91.

⁶ См.: Мышанский А. А. Органы местного самоуправления Сибири в период гражданской войны (июнь 1918 – январь 1920 гг.): дис. ... канд. ист. наук. – Омск, 2004. – С. 56.

⁷ См.: Сибирская жизнь. – 1918. – 9 авг.

⁸ См.: Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). – Ф. 1561. – Оп. 1. – Д. 361. – Л. 1.

⁹ См.: Сибирская жизнь. – 1918. – 18 июля.

¹⁰ ГАРФ. – Ф. 1561. – Оп. 1. – Д. 376. – Л. 30-30(об).

¹¹ Там же. – Д. 368. – Л. 7-8.

¹² ГАРФ. – Ф. 1561. – Оп. 1. – Д. 376. – Л. 19.

¹³ Там же. – Д. 372. – Л. 17.

¹⁴ Там же. – Л. 31.

¹⁵ См.: Народная газета. – 1918. – 6 окт.

¹⁶ См.: ГАРФ. – Ф. 1561. – Оп. 1. – Д. 361. – Л. 1(об).

¹⁷ См.: Народная газета. – 1918. – 20 окт.

¹⁸ Там же. – 4 сент.

¹⁹ См.: Усков И. Ю. Кемерово: формирование территории и населения областного центра. – Кемерово, 2001. – С. 46.

²⁰ См.: Государственный архив Томской области (далее – ГАТО). – Ф. 1362. – Оп. 1. – Д. 3. – Л. 26.

²¹ Там же. – Д. 162. – Л. 3.

²² См.: Сибирская жизнь. – 1919. – 3 мая.

²³ См.: Сибирская жизнь. – 1919. – 21 июня.

²⁴ Там же. – 1 нояб.

²⁵ См.: ГАТО. – Ф. 1362. – Оп. 1. – Д. 69. – Л. 21-22.

²⁶ См.: Народная газета. – 1918. – 29 сент.

²⁷ См.: ГАТО. – Ф. 1362. – Оп. 1. – Д. 283. – Л. 1-2.

²⁸ См.: Сибирская жизнь. – 1913. – 17 марта; ГАТО. – Ф. 1362. – Оп. 1. – Д. 283. – Л. 12-12(об); Барнаул: энциклопедия. – Барнаул, 2000. – С. 18.

²⁹ Там же.

³⁰ См.: Барнаул: энциклопедия. – С. 43.

³¹ См.: Макачук С. В. Монархическая периодическая печать Сибири о евреях (1907-1915 гг.) // История еврейских общин Сибири и Дальнего Востока: мат-лы II регион. науч.-практ. конф. (25-27 августа 2001 г.). – Красноярск-Иркутск, 2001. – С. 35.

³² См.: Барнаул: энциклопедия. – С. 18.

³³ Потанин Г. Н., Васильева М. Г. «Мне хочется служить Вам, одеть Вас своей любовью»: переписка / сост. Н. В. Васинькин, Г. И. Колосова. – Томск, 2004. – С. 328-329.

³⁴ ГАТО. – Ф. 1362. – Оп. 1. – Д. 453. – Л. 8-9.

³⁵ Там же. – Д. 283. – Л. 20.

³⁶ Там же. – Л. 25-26.

³⁷ См.: Сибирская жизнь. – 1919. – 29 апр.

³⁸ См.: ГАТО. – Ф. 1362. – Оп. 1. – Д. 454. – Л. 12-13.

³⁹ Там же. – Д. 283. – Л. 19, 18.

⁴⁰ ГАТО. – Ф. 1362. – Оп. 1. – Д. 151. – Л. 57-57(об).

⁴¹ См.: Сибирская жизнь. – 1919. – 9 сент.

⁴² См.: Сибирская жизнь. – 1919. – 13 авг.

⁴³ См.: Шпунтович Владимир Александрович // <http://memorial.krsk.ru/martirol/sho_shr.htm>.

⁴⁴ Звено. – 1918. – 18 окт.

⁴⁵ Там же. – 13 окт.

⁴⁶ Там же. – 11 окт.

⁴⁷ См.: Звено. – 1918. – 30 окт.

⁴⁸ Там же. – 8 нояб.

⁴⁹ Там же. – 6 нояб.

⁵⁰ Там же. – 8 нояб.

⁵¹ Там же. – 22 нояб.

⁵² Там же. – 27 нояб.

⁵³ См.: Новое земское дело (Красноярск). – 1919. – 3 окт.

⁵⁴ См.: Сибирская жизнь. – 1919. – 16 нояб.

⁵⁵ Там же. – 18 дек.

-
- ⁵⁶ См.: *Звено*. – 1918. – 8 дек.
⁵⁷ См.: *Голос Сибири*. – 1919. – 28 февр.; *Сибирская жизнь*. – 1919. – 8 марта.
⁵⁸ См.: *Народная газета*. – 1918. – 29 сент.
⁵⁹ Подсчитано по: *Звено*. – 1918. – 18 дек.
⁶⁰ Там же. – 25 сент.
⁶¹ Там же. – 4 окт.
⁶² См.: *Народная газета*. – 1918. – 12 окт.
⁶³ См.: *Звено*. – 1918. – 10 нояб.
⁶⁴ См.: *Сибирская жизнь*. – 1919. – 24 янв.
⁶⁵ См.: *Голос Сибири*. – 1919. – 21 февр.
⁶⁶ См.: *Сибирская жизнь*. – 1918. – 8 авг.
⁶⁷ Составлено по: *Звено*. – 1918. – 25 сент.
⁶⁸ См.: *ГАТО*. – Ф. 1362. – Оп. 1. – Д. 162л. – Л. 23.
⁶⁹ См.: *Вестник Томской губернии*. – 1919. – 31 янв.
⁷⁰ См.: *Народная газета*. – 1918. – 4 окт.
⁷¹ См.: *Сибирская жизнь*. – 1918. – 27 дек.
⁷² См.: *Звено*. – 1918. – 1 дек.
⁷³ См.: *ГАТО*. – Ф. 1362. – Оп. 1. – Д. 3. – Л. 24.
⁷⁴ Там же. – Д. 162. – Л. 15.
⁷⁵ См.: *Народная газета*. – 1918. – 16 окт.
⁷⁶ См.: *ГАТО*. – Ф. 1362. – Оп. 1. – Д. 427. – Л. 12.
⁷⁷ Там же. – Д. 147. – Л. 18.
⁷⁸ Там же. – Д. 146. – Л. 8.
⁷⁹ См.: *Народная газета*. – 1918. – 17 сент.
⁸⁰ Там же. – 20 окт.
⁸¹ Там же. – 4 окт.
⁸² См.: *Сибирский голос*. – 1919. – 1 янв.
⁸³ См.: *Голос Сибири*. – 1919. – 21 февр.
⁸⁴ Там же. – 22 февр.
⁸⁵ См.: *Сибирская жизнь*. – 1919. – 28 мая.
⁸⁶ См.: *Народная газета*. – 1918. – 3 окт.
⁸⁷ Там же. – 5 сент.

ГЛАВА III. ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ВЛАСТЕЙ И НАСЕЛЕНИЯ **ОШИБКА! ЗАКЛАДКА НЕ ОПРЕДЕЛЕНА.**

Аксиомой истории стала мысль о том, что на штыки можно опереться, но усидеть на них нельзя. Все антибольшевистские правительства и их представители на местах пытались заручиться поддержкой сибиряков.

Кузбассовцы положительно восприняли установление новой власти. Согласно информации сотрудников Томской губернской земской управы, летом 1918 г. положительное отношение к Временному Сибирскому правительству высказали 71%, отрицательное – 13 и неопределенное – 16% от числа опрошенных в Мариинском уезде.

В середине мая 1919 г. управляющий Томской губернией Б. М. Михайловский обратился к населению с воззванием о содействии правительству.

Позже с подобной просьбой к сибирякам обратился командующий 1-й Сибирской армией генерал-лейтенант А. Н. Пепеляев. Поводом послужила выдача расквартированной в селе Бачаты учебной команды 16-го Сибирского полка красным. 7 декабря 1919 г. Пепеляев писал председателю Томской губернской земской управы: «...принимая во внимание общую неустойчивость тыловых частей, развращенных агитацией и неумело руководимых тыловыми начальниками, предлагаю земству в возможно кратчайший срок организовать мощные отряды самообороны и тем предохранить граждан сел и деревень от неисчислимых бед, кои несут с собой банды красных». Определенная часть кузбассовцев откликнулась на этот призыв.

Весьма красноречивый случай произошел в селе Брюхановское недалеко от Кольчугино, куда прибыл карательный отряд капитана Орлова. Сельский сход отказался оплачивать его содержание, тогда расходы взял на себя наследник знаменитого коннозаводчика и торговца Ф. С. Пьянков. В это же время в соседних селах Крапивино, Междугорное, Панфилово, Борисово, Сыромятное, Щербак были созданы кулацкие дружины святого креста для поддержки действий карательных отрядов армии и милиции.

Омская газета «Правительственный вестник» отмечала, что «крестьяне энергично помогают правительственным отрядам вылавливать шайку большевика Лубкова».

Не остались в стороне от происходящего и некоторые священнослужители. Обстановку, сложившуюся на севере Кузбасса, своеобразно характеризует рапорт священника села Больше-Коскульского Мариинского уезда Андрея Волянского его преосвященству преосвященнейшему Анатолию, епископу Томскому и Алтайскому от 18 июня 1919 г. Он сообщал, что борьба с большевизмом в пределах 12-го благочиния на словах бессильна. Ко всякому слову, сказанному против большевиков, крестьяне не прислушиваются и тут же передают красным. «Мой приход, – признавался автор рапорта, – это помойная яма, куда сползаются даже выгнанные почтовые чиновники за большевизм и тут же начинают лить пули и снабжать главарей шаек. У меня нет возможности явиться к начальству, так как большевики и так говорят, что я шпион и всеми силами пытаются меня сплавить. Моя просьба к вам, Владыко, направлена потому, что ваш голос к правительству будет услышан, а борьба будет направлена по пути, ведущему к цели»¹.

Неоспоримым свидетельством поддержки населением политики правительства являлась финансово-материальная помощь власти. Наиболее ощутимой она была от торгово-промышленных кругов. В начале мая 1919 г. Мариинский торгово-промышленный союз пожертвовал на армию 10 тыс. руб.² Во второй половине августа 1919 г. дирекция АО «Судженские каменно-угольные копи Л. А. Михельсона» перечислила на эти нужды также 10 тыс. руб.³ В 1919 г. администрация и служащие Кольчугинской железной дороги перечислили и собрали для армии 2703 руб. 49 коп.⁴ В 1919 г. деньги для армии перечислил Мариинский союз кооперативов⁵. Для привлечения денежных средств 23 апреля 1919 г. в Мариинске был создан комитет помощи армии. За период с апреля по июль ему удалось собрать 82 661 руб. 61 коп.⁶

Помощь армии от частных лиц шла по двум направлениям. Во-первых, проводились различные мероприятия для привлечения средств. Так, в селе Брюхановском Щегловского уезда был организован кружок по устройству праздника «Свержение большевиков и возрождение автономной Сибири». Он состоялся 19 августа 1918 г. и подразумевал сбор средств для Временного Сибирского правительства. Особенно хорошо праздник прошел в селах Брюхановском и Шабановском. В Брюхановском он закончился спектаклем Н. В. Гоголя «Женитьба Подколесина». Билетов было продано на 290 руб., чаепитие дало 90 руб. Всего было собрано 2824 руб. 23 коп.⁷

24 августа 1918 г. в селе Бачат Кузнецкого уезда состоялось народное гуляние и кружечный сбор. Было получено 3900 руб. 43 коп. Одна из томских газет назвала это «весьма отрядным явлением», которое указывает на «союзническое отношение жителей села Бачата к настоящему моменту»⁸.

Та же газета 10 сентября 1918 г. известила читателей о том, что в селе Салаирском Кузнецкого уезда прошел сбор пожертвований на армию и нужды Временного Сибирского правительства. Он проходил в форме кружечного сбора, подписного листа и театрального представления. Кружечный сбор дал 114 руб. 76 коп., подписной лист – 100 руб. 70 коп., спектакль – 142 руб. 40 коп. Итого было получено 358 руб. Подписным листом занимались О. И. Баева, О. А. Новоселова, А. А. Вороненская, Н. С. Кремлева, М. С. Баева, В. А. Смелский, А. И. Борцов, В. А. Коновалов. В представлении кружка любителей драматического искусства приняли участие П. М. Постовалов, В. А. Коновалов, Н. С. Кремлева⁹. 12-13 июля 1919 г. в Мариинске состоялась лотерея-аллегри¹⁰. В начале мая 1919 г. из Кузнецка в контору газеты «Сибирская жизнь» поступило 500 руб. от кружечного сбора¹¹.

Идея помощи армии увлекла даже детей и подростков. В начале октября 1918 г. в Мариинске состоялся детский спектакль. Его устроители, Вера и Зоя Кирилловы, Маруся Щурова, Клаша и Нюра Макаровы, Люба Карнецкая, передали 11 руб. 60 коп. на лечение раненых воинов¹². 17 ноября 1918 г. состоялся благотворительный вечер в Мариинской женской гимназии. Чистый доход составил 3074 руб. 62 коп.¹³

Помощь армии выражалась не только в деньгах. Для военнослужащих собирали зерно, одежду, табак. В первой половине ноября 1918 г. в Алчедатской волости Маринского уезда прошла добровольная сдача солдатского обмундирования, по разным причинам оказавшегося у населения. На армейские склады было возвращено 116 солдатских шинелей, 20 походных суконных рубах, 9 походных шаровар, 18 ватных тужурок. Всего до 15 ноября 1918 г. в уезде было собрано до 500 шинелей¹⁴.

Осенью 1918 г. татары Телеутской волости Кузнецкого уезда собрали пшеницы, овса на сумму 48 тыс. руб. Автор статьи в губернской газете, сообщая об этом, воскликнул: «Вот все бы поступали так!»¹⁵. В 1919 г. в Мариинске было собрано 100 комплектов нижнего белья, а также табак и папиросы¹⁶. Кроме того, в городе для военнослужащих гарнизона устраивались лекции, хоровое пение, декламации¹⁷.

В сборе средств участвовали и частные лица. В феврале 1919 г. губернский официоз перепечатал из газеты «Сибирская жизнь» письмо, подписанное «Обывательница». В нем жительница Тайги сообщала, что с большой радостью будет ежемесячно посылать на нужды армии все, что удастся сэкономить на домашнем хозяйстве в течение месяца. «Большого, – сожалела она, – не имею, так как живем на жалование мужа»¹⁸. В начале мая 1919 г. из Кузнецка в контору «Сибирской жизни» поступило для армии 100 руб. от А. М. Ноторочина¹⁹. Во второй половине сентября 1919 г. туда же были переданы премиальные от С. Г. Шахмина в размере 50 руб.²⁰

Достаточно точно социальную базу колчаковского режима определил управляющий особым отделом департамента милиции МВД в циркуляре от 5 августа 1919 г. Анализируя состояние партизанского движения в Щегловском уезде, он констатировал: «...население относится лояльно к белым. Большую роль в этом играет их зажиточность».

Однако большинство населения отказало режиму в своей поддержке. Управляющий губернией Б. М. Михайловский убедился в том, что «ожидаемого и желательного порыва к защите своей родины от надвигающегося большевизма совершенно незаметно». Он довольно точно определил одну из составляющих социальной базы противников режима, сделав вывод, что «крестьяне-бедняки ждут уверенно прихода большевиков и охотно вступают в партизанские отряды».

Кузбасс был одним из центров антиправительственного движения в Сибири, о размахе и остроте которого свидетельствуют данные особого отдела департамента милиции о положении в Сибири в период с 29 января по 10 апреля 1919 г. (табл.²¹).

Таблица

ГУБЕРНИЯ	Положение в Сибири в период с 29 января по 10 апреля 1919 г.									
	10.02	17.02	24.02	3.03	10.03	17.03	24.03	31.03	10.04	
АЛТАЙСКАЯ	5	0	3	4	0	4	0	4	0	
ЕНИСЕЙСКАЯ	2	2	2	2	2	2	2	2	2	
ТОМСКАЯ	4	4	0	4	3	4	0	5	5	

Примечание. 5 – «все спокойно», 4 – «агитационные выступления», 3 – «вооруженные выступления», 2 – «образование фронтов», 1 – «положение безнадежное», 0 – «нет донесений».

Губерния не выделялась беспокойством среди своих соседей. Но здесь следует учесть то обстоятельство, что партизаны активно действовали на юге губернии, т. е. на территории современного Кузбасса.

Антиправительственное движение в основном выражалось в трех формах: повстанческое и партизанское движения, забастовки.

Среди восстаний своим масштабом выделяются Чумайское и Кольчугинское. Причиной первого стало неправомерное, по мнению восставших, взыскание податей и штрафов с местного населения за самовольные порубки леса в Чумайском лесничестве. Роль катализатора сыграли возвращение в свои деревни бежавших с военной службы новобранцев-дезертиров, а также большевистская агитация. Нельзя было не отметить провоцирующие действия командированного из Томска в Чумай военного отряда прапорщика Дмитриева. По мнению Томского губернского комиссара А. Н. Гаттенбергера, причиной этого восстания послужили провокационные слухи о падении власти сибирского правительства, захвате крупных сибирских городов, сообщения об отобрании у крестьян союзниками 95% хлебных запасов, лошадей, фуража. Он считал установленной причастность к организации восстания ответственных работников местного союза кооперативов, приютивших бывших советских деятелей²².

Восстание охватило более 30 сел современных Мариинского, Чебулинского, Тяжинского, Тисульского, Ижморского районов с населением более 60 тыс. человек. Оно продолжалось с 18 по 28 октября 1918 г. Непосредственных участников было около 7 тыс. человек. Во главе выступления были А. В. Григорьев, В. И. Кузнецов, И. С. Лаврентьев, Л. П. Пацулло, В. Т. Стародубов и др. Томский губернский комиссар А. Н. Гаттенбергер телеграфно известил МВД о том, что им в Мариинск командирован Б. М. Михайловский. Последний вместе с начальником маринского гарнизона вскоре попросили в помощь 250 человек. Масштабы восстания были настолько велики, что 22 октября Б. М. Михайловский распорядился подготовить к вывозу Мариинское казначейство. Только благодаря умелой распорядительности начальника 2-го участка милиции К. Мошкина деньги и другие ценности удалось сохранить, не вывозя их из города.

Действия обеих сторон отличались жестокостью. От рук восставших погибло не менее 20 человек. Среди них лесничий Я. Солодовников, начальник 1-го участка милиции Мариинского уезда Г. Плотников и семь милиционеров. В свою очередь, при подавлении восстания каратели убили не один десяток крестьян, сотни их были выпороты. Семипалатинская газета «Свободная речь» характеризовала Чумайское восстание как «страшную безрассудную расправу»²³.

Организованное выступление рабочих Кульчугинского рудника и солдат местного гарнизона произошло в ночь на 6 апреля 1919 г. В это время начальник контрразведки проверял документы у последнего вагона проходившего поезда. Когда ему доложили, что штаб взят – он убежал. Впоследствии он дал показания: «Я имел сведения, что среди местных рабочих... была подпольная организация. Выяснить личный состав этой организации мне и моим сотрудникам не удалось»²⁴.

Шахтеров поддержала часть крестьян окрестных деревень. Повстанцы избрали совет во главе с С. Г. Голевым. По некоторым данным, при подавлении восстания погибло около 400 горняков. Понесли потери и представители правительственной стороны. В Кольчугино было убито не менее шести милиционеров. В день восстания на местной железнодорожной станции погиб начальник контрразведывательного пункта в Кузнецке, бывший до 1 апреля уполномоченным МВД 6-го класса, подполковник А. Г. Маматказин²⁵. Он ехал из Омска в Кузнецк и во время стоянки поезда был убит. При нем были обнаружены документы на арестованных. По воспоминаниям Н. Хорошевского, офицер вез следственные дела в Кузнецкую тюрьму²⁶.

Всего в Кольчугино восставшие расстреляли 17 человек. В их числе были начальник гарнизона поручик Зеленков, 5 офицеров, служащий копей, заведующий военнопленными Ситников, начальник сельской милиции, помощник начальника рудничной милиции, несколько милиционеров, 4 чека²⁷.

Большие потери понесли восставшие. Начальник саперной команды 52-го Сибирского стрелкового полка поручик Смоляников доложил командиру полка: «Красных убито всего вверенным мне отрядами около 60 человек... Причем доношу, что за ликвидацию мятежа в Кузнецком уезде Кузнецким начальником гарнизона был представлен к очередной награде»²⁸.

По факту восстания было заведено уголовное дело № 47. Список обвиняемых, составленный судебным следователем Ушаковым, включал фамилии 83 человек, из них не разыскано было 49. Одну из причин того, что столь значительное число обвиняемых не было разыскано, можно найти в докладной записке начальника милиции 3-го участка Щегловского уезда начальнику Щегловского уездной милиции от 14 апреля 1919 г. В ней сообщалось, что 9 апреля отряд милиции выезжал ловить бежавших «бандитов», некоторые из них были задержаны, однако начальник гарнизона села Брюханово ротмистр Замятин после допроса отпускал повстанцев. Дело заключалось в том, пояснял начальник милиции, что они были задержаны без оружия и офицер «не находил к ним обвинения»²⁹.

С другой стороны, помощник командующего Омским военным округом генерал-майор С. А. Романов при осмотре 2 мая 1919 г. частей Кольчугинского гарнизона получил сведения о «пассивном и двусмысленном» поведении милиции во время восстания в Кольчугино. Об этом 27 мая начальник штаба Омского военного округа известил директора департамента милиции. В свою очередь, 7 июня исполнявший дела директора департамента потребовал от управляющего Томской губернии соответствующие сведения.

В середине 1919 г. на территории трех уездов действовало до 20 отрядов партизан и групп численностью от нескольких десятков до нескольких сот человек. Среди них были отряды под руководством П. К. Лубкова, М. Х. Перевалова, Е. П. Попова (Пугачева), И. П. Новоселова, И. М. Буркова (Зубова), В. П. Шевелева-Лубкова, Г. Д. Шувалова, П. К. Голикова (Чертянина), В. Крылова и др. Основную массу партизан составляли крестьяне. Среди партизан было заметно идейное влияние эсеров, анархистов.

В качестве примера партизанской деятельности можно привести операции отряда П. К. Лубкова. В ночь на 23 июня 1919 г. он уничтожил гарнизон станции Ижморская, обстрелял караул станции Яя. В августе 1919 г. была разгромлена охрана станции Иверка, при этом были сожжены все станционные постройки, разобран путь, пущены под откос два паровоза. Часто партизаны покушались на жизнь сторонников режима. По воспоминаниям Н. А. Куприянова, 17 декабря 1919 г. партизаны поймали и расстреляли у деревни Шевели кулака Х. Ф. Шевелева

23 июня 1919 г. управляющий Томской губернией Б. М. Михайловский выезжал в Мариинск и Мариинский уезд для выяснения сложившейся обстановки. Он убеждал воинских начальников действовать и уничтожать партизанские отряды, а не рассеивать. Кроме того, к борьбе с партизанами Б. М. Михайловский хотел привлечь чехословацкие части.

Видимо, под впечатлением от этой поездки Б. М. Михайловский информировал Омск в июле 1919 г. о том, что «по всей территории Мариинского уезда продолжается гражданская война... масса грабительских шаек скрывается в тайге Кузнецкого уезда... деятельность земских управ во многих местах парализована».

Острога противостояния сторон в гражданской войне подтолкнула Б. М. Михайловского к подписанию 31 июля 1919 г. циркуляра начальникам экспедиционных отрядов, направленных против партизан Щегловского и Кузнецкого уездов. В нем говорилось о том, что задержанные с оружием в руках и занимающиеся противоправительственной агитацией подлежали уничтожению на месте без суда. Укрывающие партизан и «имеющие сведения об их местопребывании или оружии и складах, но не сообщившие об этом своевременно властям, подлежали преданию военно-полевому суду». Имущество лиц, виновность которых подходила под вышеуказанные пункты, подлежало конфискации. Фураж, продукты и рогатый скот поступали на довольствие действующих отрядов, лошади передавались на укомплектование конных команд милиции того

уезда, где «протекали события», постройки уничтожались. Управляющий губернией приказал широко оповестить население о том, что «возврата к советской власти не будет» и «все попытки к возврату будут пресечены кровью, железом и огнем». Ответственность за действия партизан возлагалась круговой порукой на сельские общины, в районе которых партизаны будут обнаружены. Если с достоверностью устанавливается виновность всего общества, то «все мужское население, способное носить оружие, уничтожать вместе с движимым и недвижимым имуществом»³⁰.

Интенсивность действий партизан привела сотрудников Особого отдела департамента милиции МВД к выводу, что партизанское движение в Мариинском, Кузнецком и др. уездах окончательно ликвидировано будет нескоро. Это беспокойство разделял и сам Верховный правитель. В своей телеграмме генералу В. О. Каппелю 12 декабря 1919 г. А. В. Колчак признался в том, что его «крайне заботит положение в Барнаульском и Кузнецком уездах. Я вижу в этом серьезную угрозу левому флангу и флангу тыла наших армий. Прошу откровенно мне высказать Ваше мнение»³¹. Генерал В. О. Каппель в ответе от 15 декабря успокаивал Верховного правителя: «...обстановка в Кузнецком и Щегловском районах привлекает мое внимание и мною приняты меры. В район восстания брошена стрелковая дивизия с кавбригадой, егерский и стрелковый полки»³². Как показали события, партизаны оказались неодолимой силой для правительственных войск.

Нельзя не упомянуть и о таких распространенных в те годы формах антиправительственных выступлений, как уклонение от мобилизации в армию и дезертирование из воинских частей. Еще летом и ранней осенью 1918 г. Сибирская армия комплектовалась за счет добровольцев. С этой целью офицеры Мариинского гарнизона в июне 1918 г. обратились к населению города и уезда с призывом вступать добровольцами в Сибирскую армию. Однако уже поздней осенью власти стали прибегать к мобилизации. Эта мера не встретила понимания многих кузбассовцев. В октябре 1918 г. в губернское управление пришло сообщение из Кузнецка о том, что новобранцы массами дезертируют из армии и возвращаются обратно в деревню, где родственники их охотно принимают.

Необходимо отметить, что состав оппозиции Временному Сибирскому, а затем и Российскому правительствам был несколько шире, чем полагали раньше. Совместно с большевиками в подполье действовали левые социалисты-революционеры, анархисты, а после установления 18 ноября 1918 г. диктатуры А. В. Колчака на нелегальное положение перешли многие социал-демократы и правые социалисты-революционеры. Эсеры оказывали сопротивление режиму под лозунгами Учредительного собрания, народо-властия и т. п. Их организации функционировали в Мариинске, Анжерке, Судженке, Щегловске, Тайге.

Проблеме красного террора в годы гражданской войны посвящена не одна работа³³. Издана специальная монография, освещающая преступления красных на востоке России³⁴. Однако до сих пор нет обобщающего труда о терроре, который проводили в отношении сибиряков антибольшевистские правительства. Действия правительственных карательных отрядов в Кузбассе не-однократно, но не полно, описывались в исторической и краеведческой литературе³⁵. Не являются исключением действия правительственных отрядов при подавлении в октябре 1918 г. Чумайского восстания в Мариинском уезде³⁶.

Борьба военных отрядов против партизан в южных волостях Томского и в Мариинском уездах продолжалась и в 1919 г. Весной управляющий Томской губернией Б. М. Михайловский приказал командиру отряда особого назначения капитану Латманову не возвращаться в Томск до окончательной ликвидации отряда Лубкова³⁷. Действия правительственных отрядов отличались жестокостью, что не могло не вызвать недовольства общественности. Редактор Томской газеты «Сибирская жизнь» А. В. Адрианов в частном письме председателю Российского правительства П. В. Вологодскому от 2 июня 1919 г. рассказывал: «...Теперь я Вам сообщу полученные мною сведения от участника экспедиции по Томскому уезду против лубковцев. Там отрядом командует некий Суров, просто вор-офицер, который нарочито затягивает ликвидацию большевистских банд, чтоб не идти на фронт – ему выгоднее оперировать в тылу, менее опасном и более прибыльном. Офицеры отряда предаются поголовному пьянству и безобразничают. Приносимые отрядом жертвы объясняются в большинстве неумелостью и глупостью, разгильдяйством и пьянством (гибель под Святославкой отряда передового объясняется тем, что они занялись чаепитием и покупкой дешевых яиц к Пасхе и в это время застигнуты были врасплох лубковцами)... Примите меры против бандита Суорова и К^о»³⁸. В письме говорилось о зверствах этого карательного отряда.

Действия В. И. Суорова описаны и в воспоминаниях. Так Н. К. Левин сообщал о том, что в мае 1919 г. отряд В. И. Суорова прибыл к ним в деревню Казанка ныне Асиновского района Томской области. В отряде были жандармы из разных городов. Причем «жандармы вели себя еще хуже полицейских»³⁹. Очевидно под полицейскими очевидец имел в виду чинов царской полиции.

В начале июня 1919 г. карательный отряд в 500 человек под командованием капитана В. И. Суорова устроил экзекуцию в деревне Ксентьевка. Тогда были замучены 11 крестьян, заподозренных в помощи партизанам. Им выкололи глаза, отрубили уши, а затем до смерти застегали шомполами, тела бросили в болото. Родственникам под страхом смерти запретили их хоронить, жен убитых, которые обратились к В. И. Суорову с просьбой о погребении, избili шомполами. Каратели сожгли до 20 дворов, разграбили имущество, угнали скот⁴⁰.

В июне 1919 г. управляющий губернией Б. М. Михайловский выезжал в Мариинский уезд к месту боев карательного отряда с лубковцами и наблюдал их разгром⁴¹.

Обращение А. В. Адрианова в Омск имело последствия. 24 июня 1919 г. исполнявший обязанности директора департамента милиции МВД В. Н. Агарев по приказанию министра попросил управляющего Том-

ской губернией собрать «сведения и материалы» по действиям отрядов против Лубкова и Щетинкина. Речь, в частности, шла об офицере Суrove. Эти данные были необходимы для доклада министру⁴².

Ответ Б. М. Михайловского в департамент милиции был направлен через два дня – 26 июня 1919 г. В нем говорилось: «Ввиду имеющихся в министерстве сведений о неблагоприятных действиях начальника отряда по ликвидации разбойничьих шаек в Мариинском уезде капитана Суrove имею честь доложить Вашему Высокопревосходительству, что капитан Суrove, как известно в управлении Томской губернии, очень энергичный человек, добросовестно относится к своим обязанностям, не пьянствует, не безобразничает, ведет себя прилично и вообще ничего предосудительного о нем сказать нельзя. Позволяю себе выразить уверенность, что полученные в министерстве сведения не соответствуют действительности». На документе синим карандашом 22 июля 1919 г. была сделана приписка: «И по другим сведениям Суrove отличный офицер»⁴³.

На доклад управляющего губернией откликнулся министр внутренних дел В. Н. Пепеляев. В письме от 11 июля 1919 г. он сообщил Б. М. Михайловскому: «...[с] удовлетворением прочел Ваш рапорт. Оценка успешных действий отряда принадлежит военным властям, однако прошу передать мою признательность капитану Суrove. Передайте привет [и] мою благодарность чинам милиции. Представьте щедро [к] пособиям пострадавших и отличившихся... Жду столь же энергичных действий по всем направлениям»⁴⁴.

Жертвами белого террора были большевики, левые эсеры, их сторонники, беспартийные. На станции Кольчугино 25 октября 1918 г. был расстрелян народный комиссар финансов Центрального исполнительного комитета Советов Сибири А. Ф. Иванов. Среди погибших были председатели Кузнецкого и Щегловского уездных советов А. Г. Петраков и С. Рукавишников, простые рабочие и крестьяне.

Пребывание у власти антибольшевистских правительств сопровождалось конфликтами между рабочими и работодателями. На угольных копях был отменен рабочий контроль и восстановлен 12-14-часовой рабочий день. Начались увольнения и аресты рабочих-активистов. Правительство 10 июня 1918 г. заявило об удалении со службы активных деятелей большевизма. При этом вознаграждение за труд выплачивалось по день увольнения, хотя другим уволенным оно выдавалось за 1,5 месяца вперед.

18 июня 1918 г. председатель правительства П. В. Вологодский принял представителей Анжерских копей⁴⁵. Однако переговоры не дали результатов. 9 июля 1918 г. на Судженских, а 10 июля на Анжерских копях началась забастовка. Ее участники требовали восстановления советов, прекращения арестов и освобождения политзаключенных⁴⁶. Проправительственная пресса назвала эту забастовку настоящим ударом в спину новой власти и Сибирской армии⁴⁷. Забастовка была ликвидирована, 21 ее участник был арестован, 11 июля их доставили в Томск. 15 июля на копи выехала особая комиссия губернского комиссариата, Томского окружного суда, следственной комиссии, представители военных и рабочих⁴⁸.

31 октября 1918 г. директор-распорядитель АО «КОПИКУЗ» И. И. Федорович дал указание управляющему постройкой химического завода и коксовых печей инженеру Алешникову уволить бывших красноармейцев, лишив их оплаты проезда к месту проживания. И. И. Федорович считал, что рабочим следовало уплатить за их труд только в том случае, если они работали на предприятии после июньского переворота (т. е. после свержения Советской власти. – С. 3.).

Были и другие формы нарушения прав трудящихся. Так, 24 февраля 1919 г. управляющий Гурьевского металлургического завода Казарновский объявил об отмене практики сокращения рабочего дня перед праздниками.

Оценивая сложившуюся ситуацию, представитель Сибирского областного союза горнорабочих 2 октября 1918 г. говорил: «Рабочие угольных копей Западной Сибири в настоящее время лишены права стачек и в отношении договора о найме поставлены в положение не свободных людей, работающих или не работающих по личному усмотрению, а крепостных рабов, обязанных исполнять известную работу, независимо от своего желания. Сдельные расценки фактически везде уже понижены, особенно резко на предприятиях, принадлежащих Кузнецкому акционерному каменноугольному и металлургическому обществу, которое в деле прижима рабочих побивает рекорды»⁴⁹.

22 февраля 1919 г. члены союза горнорабочих Кемеровского химического завода призвали рабочих Анжерских копей, Кольчугинского и Кемеровского рудников поддержать союз, называя его «единственной классовой крепостью». 25 апреля 1919 г. союз горнорабочих Анжерских копей обратил внимание представителей чехословацких войск и администрации копей на необходимость понимания того, что увеличение производительности труда возможно лишь при «свободной работе профессиональных союзов».

Российские железнодорожники традиционно были активными участниками политической жизни. Вскоре после переворота, 5 июня 1918 г., в управлении Кольчугинской железной дороги состоялось общее собрание служащих для определения отношения к текущему моменту. Резолюция была принята единогласно при 5-ти воздержавшихся. В ней говорилось: «...признавая автономию Сибири и автономию определенных народностей, в связи со скорым созывом Учредительного собрания, верным залогом к строительству великой федеративной российской республики, служащие Кольчугинской железной дороги приветствуют борьбу Сибирской областной думы Сибирского Временного правительства за осуществление идеалов лучших людей». Они хотели, чтобы Временное Сибирское правительство в своем строительстве Сибири руководствовалось идеалами социализма и шло в полном контакте со всеми рабочими и демократическими организациями. Абсолютным большинством голосов собравшиеся высказались за то, чтобы во главе управления Кольчугинской железной дороги был инженер В. Н. Языков. В документе была выражена надежда, что та-

кое назначение состоится⁵⁰. Действительно, вскоре инженер Д. Я. Языков получил назначение комиссаром на Кольчугинскую железную дорогу⁵¹.

Осенью 1918 г. на Сибирской магистрали начались забастовки. Министр труда Л. А. Шумиловский 10 октября 1918 г. обратился ко всем комиссарам труда. Он писал, что местами вспыхивают забастовки железнодорожников. Главное их требование – отмена сдельных работ. Временное Сибирское правительство, продолжал министр, признает забастовки в данный момент «губящими дело освобождения Родины от немецко-большевистского ига». Оно не остановится перед принятием самых решительных мер, заставив выполнить всех свой долг перед Отечеством. Только сдельная плата, считал Шумиловский, может поднять производительность труда, иначе дороги не будут в состоянии обслуживать фронт и обеспечить перевозку в обширившую страну товаров с востока. Правительство было озабочено, чтобы переход на новую систему оплаты не понизил заработка. С этой целью образована комиссия из представителей Министерства труда, Министерства путей сообщения, рабочих, которым, писал министр, дается возможность мирно отстаивать свои экономические интересы, устранять недостатки сдельных расценок. Комиссары труда должны были разъяснить рабочим «безумство их слепого упорства, подтвердив непреклонность воли правительства»⁵².

Однако предостережение министра не возымело действия. Рабочие Тайги участвовали 12-28 октября 1918 г. в забастовке сибирских железнодорожников⁵³. Они настаивали на строгом соблюдении ранее выработанных условий оплаты и охраны труда, на отмене сдельных работ, на возвращении на службу уволенных за политические убеждения.

Примечательна реакция руководителей правительства на это выступление рабочих. 17 октября 1918 г. на станции Мариинска состоялась встреча делегации Временного Сибирского правительства во главе с его председателем П. В. Вологодским с Томским губернским комиссаром А. Н. Гаттенбергером. Руководитель губернии «подробно доложил о разгоревшейся стачке железнодорожников в Тайге, о первых робких шагах военных властей к подавлению этой стачки»⁵⁴. Очевидно, губернскому комиссару были даны соответствующие указания. В результате, под угрозой солдатских штыков железнодорожников заставили выйти на работу. Позже А. Н. Гаттенбергер откровенно докладывал министру внутренних дел о том, что «к отказавшимся вести паровозы с воинскими эшелонами было применено телесное наказание»⁵⁵.

Для разрешения конфликта с работодателями 9 февраля 1919 г. члены президиума Главного комитета профсоюза служащих, мастеров и рабочих Кольчугинской железной дороги Дроздовский и Флин ездили в Тайгу. Здесь они встретились и вели переговоры с министром путей сообщения Л. А. Уструговым, следовавшим на Дальний Восток⁵⁶.

Администрация железных дорог испытывала трудности в выдаче зарплат. Приходилось обращаться в правительство. В начале марта 1919 г. из Омска возвратился управляющий Кольчугинской железной дороги Мартин. Он привез около 2, 5 млн руб. для выплаты заработка за несколько месяцев рабочим и служащим управления⁵⁷.

Положение обострилось к концу 1919 г., когда крах режима А. В. Колчака уже был неминуем. Главнокомандующий войсками союзников в Сибири генерал-майор М. Жанен в декабре писал в своем «Сибирском дневнике», что «между Мариинском и Красноярском дезертировали почти все железнодорожники. Немногие оставшиеся саботируют, семафоры закрыты, вокзалы пусты. Беспорядок чрезвычайный, 3 паровоза, отправленные из Боготола в Мариинск, исчезли. Угля не хватает»⁵⁸.

В ночь на 3 декабря 1919 г. произошло восстание гарнизона в Кузнецке. Ревком, опасаясь, что у оставших не хватит сил для удержания города в случае наступления белых, обратился за помощью к партизанам. 12 декабря в город вошел объединенный партизанский отряд под руководством, по словам П. В. Вологодского, «отчаянного головореза» Г. Ф. Рогова⁵⁹ и И. П. Новоселова. Роговцы неожиданно для ревкома разоружили его формирования и в течение трех суток хозяйничали в городе⁶⁰, подвергая жителей Кузнецка грабежам, насилию. Они сожгли Спасо-Преображенский собор, через сгоревшие перекрытия колокольни которого рухнули наземь расплавленные колокола. Была сожжена и Богородице-Одигитриевская церковь, в которой 6 февраля 1857 г. венчались Ф. М. Достоевский и М. Д. Исаева. Настоятель церкви Н. Н. Родичев, вызванный роговцами для допроса, по настоянию прихожан был выпущен на свободу, но вскоре зарублен пьяными бандитами на пороге своего дома. Погиб в Кузнецке и священнослужитель А. И. Петропавловский. В селе Березовском роговцы поймали последнего Кузнецкого благочинного, 38-летнего И. Г. Отыгашева, катались на нем верхом, кололи шашками, а затем зарубили.

Злодеяния роговцев нашли отражение в многочисленных воспоминаниях очевидцев. О пожарах в своих воспоминаниях пишут К. А. Кобелева и П. Р. Дружинина. По воспоминаниям С. В. Зеленчука, роговцы убили в Кузнецке уполномоченного командующего Омским военным округом по охране государственного порядка и общественного спокойствия в Кузнецком уезде генерал-майора Н. П. Путилова. Генерал был участником русско-японской войны, в его честь названа сопка в Маньчжурии. Был убит и воинский начальник полковник Зволинский. Его, как вспоминал А. Николаев, перепилили пилой. Заведующему складом ликеро-водочного завода С. С. Марченко отрубили обе кисти, обе ноги и содрали лоскут кожи с живота.

Часть отряда с награбленным имуществом направилась на Алтай, а основная часть двинулась к Щегловску, который они заняли 21 декабря. Здесь также были грабежи, пожары и бессудные расправы. Подобные следы этот отряд оставил в Калтане, Гурьевске и Кольчугино.

Один из известных партизанских командиров Е. М. Мамонтов назвал Г. Ф. Рогова «явным негодяем», который в период тяжелой борьбы партизан против Колчака «далее грабежей, жестокостей и насилия над

населением не шел»⁶¹. В другом случае командир 3-го Бутырского советского полка Д. Е. Блонский и начальник штаба 1-й партизанской дивизии Е. М. Мамонтова М. А. Игнатов 21 декабря 1919 г. докладывали начальству из Салаира: «Двинулись от сел и деревень крестьянские делегаты с жалобами и просьбами воздействия на Рогова и прекращения могущего быть дальнейшего произвола»⁶².

Партизаны-лубковцы в Мариинском уезде убили попа. Отряд Щетинкина подверг разграблению Тисуль. Процветала уголовщина и в отряде Новоселова.

Преследуя отходящие отряды белых, части Красной Армии 24 декабря 1919 г. вступили в Щегловск, а 28-го – в Мариинск. Территория Кузбасса была освобождена от белых 27-й и 35-й дивизиями (командиры соответственно В. К. Путна и К. А. Нейман) 5-й Красной армии Г. Х. Эйхе. Среди красноармейцев были будущие дважды Герои Советского Союза, Маршалы Советского Союза Р. Я. Малиновский (ставший впоследствии министром обороны СССР) и К. К. Рокоссовский (позже ставший министром обороны Польской Народной Республики).

Таким образом, военная стадия гражданской войны на территории Кузбасса закончилась изгнанием белых и установлением Советской власти.

Революция 1917 г. и гражданская война активизировали деятельность автономного самоуправления национальных меньшинств⁶³. Наиболее пестрым в этом отношении было население самого крупного города Кузбасса – Мариинска. По данным Томской губернской земской управы, на 1 июля 1918 г. в Мариинске проживало 12 699 человек. Среди них было 11 079 лиц христианского, 1447 иудейского и 173 мусульманского вероисповеданий⁶⁴.

В городе работало единственное на три уезда еврейское училище. В начале сентября 1918 г. в его стенах состоялось общее собрание евреев Мариинска. Председательствовал на нем Л. А. Айзикович. Участники собрания познакомились с циркулярным предложением Иркутского общинного совета созвать съезд представителей еврейских общин Сибири⁶⁵.

25 сентября 1918 г. в городской газете было опубликовано сообщение о предстоящих выборах в Мариинский еврейский общинный совет. Выдвигать кандидатов можно было с 10 утра до 6 вечера с 20 по 26 сентября 1918 г. Право голоса имели все евреи, кроме тех, кто был под судом по уголовным делам, глухонемые и пр. Подача голосов проходила в помещении еврейского училища⁶⁶.

5 октября 1918 г. мариинец Я. Голубчик направил заявление Мариинскому уездному комиссару. В нем он сообщал о намерении издавать двухнедельный еврейский детский журнал «Юный товарищ». Журнал предполагалось печатать в Мариинской типографии кооперативов, планируемая подписная цена – 20 руб. в год. Ответственным редактором и издателем был назван сам заявитель. Уже в ноябре в Мариинске увидел свет первый номер еврейской газеты для детей «Галовер гацоир» («Юный товарищ») на русском языке⁶⁷.

В октябре 1918 г. правление местной еврейской общины открыло курсы для взрослых. В программе значились: древнееврейский язык, разговорный еврейский язык, история еврейского народа, экономическое положение евреев, кооперация среди евреев.

Сионистские организации Мариинска телеграфно приветствовали 3-й Всесибирский сионистский съезд, проходивший 5-7 ноября 1918 г. в Томске. В начале декабря 1918 г. Мариинский уездный комиссар разрешил еврейской общине провести собрание с повесткой: 1. Сущность еврейского общинного самоуправления. 2. Метод выборов. 3. Отчет о деятельности временного хозяйственного правления еврейского молитвенного дома.

15 и 16 декабря 1918 г. прошли выборы в Мариинский еврейский общинный совет. Было выдвинуто два списка: беспартийных прогрессистов и сионистской организации. Всего явилось 222 гражданина, что составило примерно половину от всех избирателей. Судя по количеству электората, можно предположить, что право голоса имели далеко не все евреи. Очевидно, не имели такого права женщины и дети. За 1-й список было подано 65, за второй – 157 записок. На 19 декабря планировалось первое заседание общинного совета, избранного на демократических началах⁶⁸.

Евреи Мариинска не оставались безучастными к судьбам единоверцев за рубежом. 22 декабря 1918 г. в местной газете было опубликовано возмущенное послание Мариинского общинного совета по поводу погромов в Польше. Члены совета обратились к Временному Сибирскому правительству и к союзникам России с требованием наказать виновных⁶⁹. Не обошли они вниманием и жертв мировой войны. Осенью 1919 г. в Мариинске местная община устроила в собственном здании лазарет для больных и раненых солдат на 30 коек. Она обязалась содержать его на свой счет. При открытии госпиталя 11 сентября 1919 г. начальник гарнизона выразил благодарность за отзывчивое отношение к нуждам армии. В ответном слове представитель общины раввин Голубчик заверил, что это – исполнение долга перед ранеными⁷⁰.

Что касается приверженцев ислама, то 16 декабря 1918 г. в Мариинском общественном собрании состоялось собрание мусульман города. На нем присутствовало 52 человека. Председателем избрали учителя Габитова, секретарем – Мухаметшина. Обсуждался вопрос о постройке собственной мечети. Было принято положительное решение. В специальную комиссию для реализации этой идеи были избраны Хасан Исхандаров, Шаги Мухтаров, Файзерахман Искандаров и Хаджи-Мухтар Нурмухамедов⁷¹.

Наиболее доступным для населения средством распространения информации в те годы оставались газеты. Это было тем более важно, что обстановка в стране и в Сибири часто менялась. Самой популярной газетой в губернии была томская «Сибирская жизнь». В ней активно перепечатывались материалы из омских и других сибирских газет, публиковались статьи на актуальные местные темы. Редактором ее был

А. В. Адрианов, придерживавшийся, на наш взгляд, прокадетских взглядов. Его издание отличали широта источников информации и сдержанность оценок.

На территории, позже составившей Кемеровскую область, также выходили газеты. Лидировала среди них мариинская общественно-политическая газета «Звено». В 1919 г. она выходила второй год, периодичностью три раза в неделю. Редактировал ее К. М. Черемных, а издателями состояли Мариинское уездное земство, кредитный союз и союз кооперативов. В типографии последнего газету печатали⁷².

В Мариинске ежемесячно под редакцией А. С. Степанова выходила газета «Инструктор-кооператор». Его издателем была инструкторская комиссия Союза кооперативов⁷³. Здесь же печаталось молодежное издание «Зарница». Его издавали ученики Мариинской кооперативной школы. Газета выходила только в учебное время периодичностью один раз в две недели. Подписка на полгода стоила 15 руб. Ответственным редактором был П. Поданов, издателем – Совет Мариинской кооперативной школы⁷⁴.

В начале 1919 г. управляющий Томской губернией Б. М. Михайловский получил заявление гражданина Н. А. Ракитина об издании ежедневной общественно-политической и демократической газеты «Труд». Ее редактором был указан гражданин села Тундинского Мариинского уезда А. И. Сидоров⁷⁵. 4 апреля 1919 г. вышел первый номер издания⁷⁶. 29 ноября 1919 г. увидел свет первый номер внепартийной политической, экономической и литературной газеты «Голос тайги». Она выходила два раза в неделю.

В начале февраля 1919 г. в Мариинске увидел свет первый номер юмористического журнала «Паутина» под редакцией А. Ф. Толмачева⁷⁷. Видимо, и в условиях гражданской войны не перевелись любители юмора.

В конце 1918 – начале 1919 гг. газеты известили о намерении властей издавать в Кузнецке «Бюллетень управления Кузнецкого уезда». Его предполагалось выпускать «по мере накопления материала»⁷⁸.

Однако не все, что писали авторы, доходило до читателей. Печатные издания подлежали цензуре. Все, что цензор считал недопустимым к опубликованию, он из номера изымал. Так как редакция не имела возможности оперативно заполнить возникший пробел на полосе, то на газетном листе оставалось белое пятно. Нами выявлено несколько таких пятен в газете «Звено», например 23 октября 1918 г. большое пятно на 4-й полосе⁷⁹, в номере за 22 ноября 1918 г. было уже три пятна: на первой, второй и третьей полосах, перед пятном на второй полосе сохранился характерный заголовок – «Комментарии излишни»⁸⁰. Несколько пятен было в газете за 20 марта 1919 г.⁸¹ 30 марта 1919 г. огромное пятно от снятого материала осталось на первой полосе⁸².

Отношение населения к прессе было неоднозначным. Во-первых, высказывалась обеспокоенность недостаточным информированием населения. Инструктор Томской губернской земской управы А. Потоцкий 8 июля 1918 г. из села Терентьевского Караканской волости Кузнецкого уезда писал, что наибольшее распространение имеет «Народная газета», «Новая Сибирь» была популярна меньше, рабочие Кольчугинской железной дороги оформили подписку на «Рабочее знамя», орган Томского комитета РСДРП. Вообще-то, констатировал А. Потоцкий, газет выписывается мало⁸³. В конце сентября 1919 г. один из авторов газеты «Сибирская жизнь» сетовал на то, что уже две недели в Тайге находятся редакция и типография газеты «Сибирские стрелки». За это время был выпущен лишь один номер⁸⁴.

Во-вторых, часть населения ни в какой информации не нуждалась. Во всяком случае, не выписывали газет в Поваренкинской волости Мариинского уезда, в Бороковской волости того же уезда газету осенью 1918 г. получали 1-2 крестьянина⁸⁵.

Даже если газеты попадали в село, не всегда их читали. В сентябре 1918 г., отвечая на вопросы редакции «Народной газеты», П. Зыков сообщал, что в селе Верх-Чумышское Романовской волости Кузнецкого уезда газеты есть, но читать их некому, в сельскую управу приходит «Наша газета», однако с ней мало знакомят население⁸⁶.

Арлюковская волостная земская управа Мариинского уезда даже запросила контору «Вестника Томской губернии» о том, по чьему требованию им был выслан номер этой газета за 18 марта 1919 г.⁸⁷ О пренебрежительном отношении селян к прессе говорит и такой факт. В феврале 1919 г. в поселке Ломачевском Мариинского уезда искурили комплект журнала «Народные мысли».

Полагаем, что далеко не для всех кузбассовцев содержанием 1918-1919 гг. было противоборство красных и белых. Большинство из них просто пытались выжить в этих экстремальных условиях.

¹ Государственный архив Томской области (далее – ГАТО). – Ф. 1362. – Оп. 3. – Д. 35. – Л. 36.

² См.: *Сибирская жизнь*. – 1919. – 9 мая.

³ Там же. – 22 авг.

⁴ Там же. – 30 окт.

⁵ Там же. – 16 июля.

⁶ Там же.

⁷ См.: *Народная газета*. – 1918. – 22 окт.

⁸ Там же. – 11 сент.

⁹ См.: *Народная газета*. – 1918. – 10 сент.

¹⁰ См.: *Сибирская жизнь*. – 1919. – 16 июля.

¹¹ Там же. – 10 мая.

¹² См.: *Звено*. – 1918. – 6 окт.

¹³ Там же. – 22 дек.

¹⁴ Там же. – 17 нояб.

- ¹⁵ *Сибирская жизнь*. – 1918. – 8 сент.
- ¹⁶ Там же. – 1919. – 16 июля.
- ¹⁷ Там же.
- ¹⁸ *Вестник Томской губернии*. – 1919. – 24 февр.
- ¹⁹ См.: *Сибирская жизнь*. – 1919. – 10 мая.
- ²⁰ Там же. – 30 сент.
- ²¹ См.: *Эйхе Г. Х.* Опрокинутый тыл. – М., 1966. – С. 373.
- ²² См.: *Мельгунов С. П.* Трагедия адмирала колчака. – М., 2004. – Кн. 2. – С. 171.
- ²³ *Свободная речь*. – 1918. – 5 нояб.
- ²⁴ *Кадейкин В. А.* Годы огневые. Из истории гражданской войны в Кузбассе (1918-1919 гг.). – Кемерово, 1959. – С. 59-60.
- ²⁵ См.: *Государственный архив Российской Федерации* (далее – ГАРФ). – Ф. 148. – Оп. 1. – Д. 3. – Л. 184.
- ²⁶ См.: *Государственный архив Кемеровской области* (далее – ГАКО). – Ф. 483. – Оп. 1. – Д. 133. – Л. 27.
- ²⁷ См.: *Вестник Томской губернии*. – 1919. – 14 апр.
- ²⁸ Цит. по: *Вихлянец В.* Кольчугинское восстание // *Сибирские огни*. – 1939. – № 6. – С. 115.
- ²⁹ ГАРФ. – Ф. 147. – Оп. 1. – Д. 14. – Л. 64.
- ³⁰ ГАРФ. – Ф. 1700. – Оп. 7. – Д. 38. – Л. 203.
- ³¹ Там же. – Ф. 147. – Оп. 9. – Д. 64. – Л. 58.
- ³² Там же. – Л. 98.
- ³³ См., напр.: *Мельгунов С. П.* Красный террор в России. 1918-1923. – М., 1990.
- ³⁴ См.: *Балмасов С. С.* Красный террор на востоке России в 1918-1922 гг. – М., 2006.
- ³⁵ См., напр.: *Галкин Н. В.* История Юрги. – Кемерово, 2001. – С. 84-95.
- ³⁶ См.: *Кадейкин В. А.* Сибирь непокоренная. – Кемерово, 1968; *Он же.* Годы огневые. Из истории гражданской войны в Кузбассе 1918-1919 гг. – Кемерово, 1959; *Горелов Ю. П.* Восстание Чумайское // *Историческая энциклопедия Кузбасса в трех томах*. – Познань, 1996. – Т. 1. – С. 102-105.
- ³⁷ См.: *Центр документации новейшей истории Томской области* (далее – ЦДНИТО). – Ф. 4204. – Оп. 4. – Д. 87. – Л. 10; *Государственный архив Новосибирской области* (далее – ГАНО). – Ф. 5. – Оп. 2. – Д. 1496. – Л. 5.
- ³⁸ Цит. по: *Ларьков Н. С.* Капитан Суров // *Земля Асиновская*. – Томск, 1995. – С. 156.
- ³⁹ ЦДНИТО. – Ф. 4204. – Оп. 3. – Д. 42. – Л. 9.
- ⁴⁰ См.: *Кадейкин В. А.* Годы огневые. Из истории гражданской войны в Кузбассе (1918-1919 гг.). – С. 80.
- ⁴¹ См.: *Свободная Сибирь* (Красноярск). – 1919. – 6 июля.
- ⁴² См.: ГАРФ. – Ф. 147. – Оп. 1. – Д. 19. – Л. 175.
- ⁴³ ГАРФ. – Ф. 147. – Оп. 1. – Д. 19. – Л. 201.
- ⁴⁴ *Ларьков Н. С.* Указ. соч. – С. 156.
- ⁴⁵ См.: *A Chronicle of the Civil War in Siberia and Exile in China. The Diaries of Petr Vasil'evich Vologodskii, 1918-1925.* – Hoover Institution press. Stanford University. Stanford, California, 2002. – Vol. 1 / Compiled, edited and introduced by Semion Lyandres and Dietmar Wulff. – P. 89.
- ⁴⁶ См.: *Заболотская К. А.* Угольная промышленность и шахтеры Сибири в годы гражданской войны // *История «белой» Сибири: тезисы науч. конф.* – Кемерово, 1995. – С. 71-73.
- ⁴⁷ См.: *Сибирская жизнь*. – 1918. – 12 июля.
- ⁴⁸ Там же. – 16 июля.
- ⁴⁹ ГАРФ. – Ф. 147. – Оп. 4. – Д. 11. – Л. 37.
- ⁵⁰ См.: *Сибирская жизнь*. – 1918. – 7 июня.
- ⁵¹ Там же. – 8 июня.
- ⁵² ГАРФ. – Ф. 180. – Оп. 2. – Д. 56. – Л. 92.
- ⁵³ См.: *Соколова В. П.* Из летописи Кузбасса (памятные даты). – Кемерово, 1960. – С. 45.
- ⁵⁴ *Дневник П. В. Вологодского // Отечественная история*. – 2000. – № 6. – С. 145.
- ⁵⁵ ГАРФ. – Ф. 147. – Оп. 4. – Д. 28. – Л. 29.
- ⁵⁶ См.: *Голос Сибири*. – 1919. – 15 февр.
- ⁵⁷ См.: *Сибирская жизнь*. – 1919. – 4 марта.
- ⁵⁸ *Жанен М.* Отрывки из моего сибирского дневника // *Сибирские огни*. – 1927. – № 4. – С. 58.
- ⁵⁹ См.: *A Chronicle of the Civil War in Siberia and Exile in China. The Diaries of Petr Vasil'evich Vologodskii, 1918-1925.* – Vol. 1 / Compiled, edited and introduced by Semion Lyandres and Dietmar Wulff. – P. 297.
- ⁶⁰ См.: *Гришаев В. Ф.* Гибель Рогова // *Гришаев В. Ф.* «За чистую советскую власть...». К истории крестьянских мятежей на Алтае, вызванных продрозверсткой, раскулачиванием, насильственной коллективизацией. – Барнаул, 2001. – С. 26.
- ⁶¹ ГАКО. – Ф. 483. – Оп. 1. – Д. 11. – Л. 39.
- ⁶² ГАКО. – Ф. 483. – Оп. 1. – Д. 11. – Л. 39.
- ⁶³ См.: *Кутилова Л. А., Нам И. В., Наумова Н. И., Сафонов В. А.* Национальные меньшинства Томской губернии. Хроника общественной и культурной жизни. 1885-1919. – Томск, 1999. – С. 8.
- ⁶⁴ См.: ГАТО. – Ф. 1362. – Оп. 1. – Д. 44. – Л. 44.
- ⁶⁵ См.: *Звено*. – 1918. – 6 сент.
- ⁶⁶ Там же. – 25 сент.
- ⁶⁷ См.: *Звено*. – 1918. – 1 окт.
- ⁶⁸ Там же. – 18 дек.
- ⁶⁹ Там же. – 22 дек.
- ⁷⁰ См.: *Нам И. В., Наумова Н. И.* Еврейская диаспора Сибири в условиях смены политических режимов (март 1917 – февраль 1920 гг.). – Красноярск, 2003. – С. 169.

-
- ⁷¹ См.: *Сибирская жизнь*. – 1918. – 27 дек.
⁷² См.: *Вестник Томской губернии*. – 1919. – 12 февр.
⁷³ См.: *Звено*. – 1918. – 1 дек.
⁷⁴ Там же.
⁷⁵ См.: *Вестник Томской губернии*. – 1919. – 2 апр.
⁷⁶ Там же. – 7 апр.
⁷⁷ См.: *Вестник Томской губернии*. – 1919. – 14 февр.
⁷⁸ См.: *Звено*. – 1918. – 1 дек.; *Вестник Томской губернии*. – 1919. – 12 февр.
⁷⁹ См.: *Звено*. – 1918. – 23 окт.
⁸⁰ Там же. – 22 нояб.
⁸¹ Там же. – 1919. – 20 марта.
⁸² Там же. – 30 марта.
⁸³ См.: *ГАРФ*. – Ф. 1561. – Оп. 1. – Д. 375. – Л. 20-20(об), 21.
⁸⁴ См.: *Сибирская жизнь*. – 1919. – 30 сент.
⁸⁵ См.: *Народная газета*. – 1918. – 18 сент., 25 окт.
⁸⁶ См.: *Народная газета*. – 1918. – 4 окт.
⁸⁷ См.: *ГАТО*. – Ф. 1362. – Оп. 1. – Д. 372. – Л. 27.

ГЛАВА IV. ПОЛОЖЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ЭКОНОМИКИ ОШИБКА! ЗАКЛАДКА НЕ ОПРЕДЕЛЕНА.

Юг Западной Сибири традиционно считается зоной рискованного земледелия. Описываемый период дал этому подтверждение. По наблюдениям П. Зыкова, в селе Верх-Чумышское Романовской волости Кузнецкого уезда сразу после хорошей погоды 1 сентября (по старому стилю) 1918 г. выпал снег, толщина снежного покрова составила около 2-х вершков и он пролежал сутки¹.

Тяжелым испытанием для губернии стала Первая мировая война. Площадь посевов сократилась на 28%, поголовье скота – на 20, урожай ржи – на 30, а пшеницы – на 50%. К 1915 г. более трети мужчин трудоспособного возраста было мобилизовано в армию². Их отток в 4-х губерниях Сибири (видимо, Тобольской, Томской, Енисейской, Иркутской, так как Алтайская была образована в 1917 г.), по данным Е. З. Волкова, шел по нарастающей. Было мобилизовано по состоянию на 1 января 1915 г. – 343,5 тыс. человек; на 1 января 1916 г. – 613,5; на 1 января 1917 г. – 805,4; на 1 января 1918 г. – 972,4; на 1 января 1919 г. – 877,7 тыс. человек³. Это «обескровило» сибирскую деревню.

Гражданская война продолжила и углубила эти процессы. В марте 1919 г. чрезвычайное Кузнецкое земское собрание с тревогой и озабоченностью отметило, что «еще совсем недавно было то время, когда сибиряк, привыкший к земельному простору, и переселенец, опьяненный ими после своего российского притеснения, имели возможность пахать, кто где хотел и сколько хотел». В последнее время сроки перемены участков стали все больше и больше сокращаться. Крестьянину все чаще и чаще приходилось возвращаться на те же выпаханые участки, не успевшие восстановить плодородие⁴.

Вызванная войной потребность в хлебе, мобилизация в армию мужчин негативно сказались как на цене на хлеб, так и на стоимости найма работников. В селе Барачат Кузнецкого уезда осенью 1918 г. намолот овса с десятины доходил до 200 пудов, пшеницы – 150 пудов. Цена на хлеб стояла очень высокая. Женщине за день работы в поле платили 30 фунтов, мужчине – до пуда, если расчет шел деньгами, то плата доходила до 200 руб.⁵

Большинство городских жителей имели свое хозяйство. В Мариинске городские луга были разделены так, что на одно животное приходилось около 3-х хозяйских возов сена.

В январе 1919 г. в селе Поломошном была увеличена запашка, так как планировалась организация большого хозяйства⁶. Вскоре стала очевидной своевременность этой меры. Летом 1919 г. Поломошный полигон вырубил своим хлебом⁷.

Однако уборкой урожая заботы земледельцев не заканчивались. Надо было переработать зерно на муку. Плата за помол постоянно росла, что вызывало гнев крестьян. В сентябре 1918 г. в деревне Протопоповой Кузнецкого уезда барачатскими крестьянами был убит местный мельник⁸. В марте 1919 г. на Судженском волостном земском собрании подняли вопрос о цене помола, которая за несколько недель, по словам участников собрания, поднялась с 40 до 80 коп. Крестьяне обратились к управляющему Томского уезда с просьбой установить плату за помол не более 30 коп. с пуда⁹.

В описываемый период в сельском хозяйстве региона сложилась неблагоприятная ситуация. В растениеводстве было отмечено появление вредителя, называемого «кобылка», в июле 1918 г. поразившего территорию на левом берегу реки Иня у Кольчугино. Особенно пострадали Коуракская, Касьминская и Брюхановская волости¹⁰. Специалисты пытались бороться с вредителем, однако не всегда это у них получалось. В селе Ивановском Алчедатской волости Мариинского уезда крестьян на сходе уговаривали опрыскивать посевы, но они отказались от этой процедуры, полагая, что «кобылка» – это божья кара за их грехи. Исправимся, считали крестьяне, и Бог уберет «кобылку»¹¹. В июле 1919 г. посевы у села Морозово Щегловского уезда сильно пострадали от этого вредителя. Селяне позвали колдуна, который совершил «наговор», применение агрономических знаний в борьбе с этим вредителем стояло на втором месте¹².

В животноводстве наблюдались эпизоотии. В июле 1918 г. состоялся убой скота на мясо по распоряжению ветеринарных врачей. В Тайге было забито 73 единицы крупного рогатого скота, 1 теленок, 2 овцы, 4 свиньи. В Мариинске забили 93 единицы крупного рогатого скота, 10 телят и 5 овец. В Кузнецком уезде – 39 коров и быков¹³.

В сентябре 1918 г. в селе Троицком Мариинского уезда была обнаружена эпидемия ящура крупного рогатого скота. По мнению автора местной газеты, для беднейших она грозила полным разорением¹⁴. В начале октября 1918 г. газета сообщила о заболевании сельскохозяйственных животных воспалением легких, сибирской язвой, чумой, рожей свиней, часоткой¹⁵. Положение усугублялось и тем, что далеко не везде были ветеринары. Так, в сентябре 1918 г. в селе Бороковском Мариинского уезда не оказывалось никакой ветеринарной помощи¹⁶.

1919 г. не принес облегчения крестьянам. В конце апреля, как сообщал «Вестник Томской губернии», на станции Яшкино была диагностирована эпизоотия рогатого скота и птицы¹⁷. В этом же номере газеты содержалась информация о том, что в улусе Средне-Телеутском Кузнецкой волости Кузнецкого уезда обнаружена сибирская язва и уже пало 6 голов скота¹⁸.

Земство пыталось повысить культуру растениеводства и животноводства. Во-первых, оно отслеживало оснащенность крестьянских хозяйств техникой. В декабре 1918 г. были опубликованы данные обследования наличия сельскохозяйственных машин в Алчедатской, Чебулинской, Дмитриевской и Больше-барандатской волостях Мариинского уезда. Оказалось, что у крестьян было 223 косилки, 343 жатки-самосборки,

16 сноповязалок. Кроме того, было отремонтировано 38 жаток, 8 сенокосилок, 5 сноповязалок. В 1918 г. селяне выписали 1000 плугов, 259 косилок, 300 жаток, 200 сеялок, 200 молотилок и запасные части к ним. Однако ничего не удалось получить¹⁹.

Во-вторых, земство пыталось повысить уровень сельскохозяйственных знаний. На заседании Томской губернской земской управы 3 августа 1918 г. И. Д. Ромко был зачислен на должность помощника Мариинского уездного агронома с окладом 4800 руб. в год²⁰.

На 10 февраля 1919 г. в селе Поломошенском Томская уездная земская управа наметила открытие специальных сельскохозяйственных курсов. Лекторами по полководству были приглашены М. С. Захаров и В. Н. Щедрицкий, по животноводству и молочному хозяйству – Я. С. Ямпольский, по пчеловодству – П. Ф. Самойлов. Демонстрация машин и оборудования была поручена помощнику агронома Т. В. Гайшеву. Хозяйственную часть курсов обеспечивал агроном М. С. Захаров, учебную – В. С. Ямпольский. Продолжительность обучения составляла примерно три недели. Власти искали помещение, вели запись желающих. По данным газеты, население было намерено посещать эти курсы²¹.

В 1919 г. Кузнецкая уездная земская управа сочла необходимым иметь в своем составе сельскохозяйственный отдел со штатом агрономов. Было решено заняться пропагандой соответствующих знаний среди крестьян²².

Годы войны отрицательно сказались на таком традиционном промысле сибиряков, как охота. В Мариинском ею перестали заниматься в нескольких населенных пунктах. Об этом корреспонденту томской газеты говорили жители села Бороковского и Поваренкинской волости²³. Они называли и причины: нет пороха, дроби, пистонов и патронов²⁴. Более пространно крестьяне ответили на вопросы редакции этого издания в селе Верх-Чумышском Романовской волости Кузнецкого уезда. Они сообщили, что промысловая охота будет «слаба», так как нет пороха и охотничьих ружей. Мужчины жаловались: «...очень будет скучно. Живем у самой Черни, привычны охотиться, дичи и зверей много, а стрелять нечем»²⁵. Охотники отмечали, что за годы войны стало больше медведя, выдры, лисиц, барсуков, волков.

Опасаясь, что порох попадет к партизанам, военные власти усилили контроль за его хранением и распределением. Мариинский союз кооператоров 11 июля 1918 г. известил Томский губернский комиссариат о том, что чехи опечатали погреб с порохом. С этого момента к нему нет доступа, а сезон охоты приближается. 18 июля союз получил ответ члена комиссариата Башмачникова о том, что просьба о возвращении ключей передана начальнику чехословацкого отряда²⁶. Мариинский союз кооперативов получил доступ к пороху. Было проведено его распределение. Для Зырянской конторы было выделено 80, Тяжинской – 40, Боготольской – 70 и Мариинской – 100 пудов. Порох выдавали по спискам охотников, составленным сельскими комитетами и заверенным правлением обществ. Каждый охотник получал порох под роспись²⁷.

Еще одна проблема охотников была связана со сбытом добычи. Война снизила спрос на мех. Так, 5 декабря 1918 г. в селе Зырянском Мариинского уезда открылась первая за войну ярмарка. Однако на пушнину не было спроса²⁸.

В 1918-1919 гг. Кузбасс оставался слабо развитым в промышленном отношении регионом. На станции Яшкино продолжало выпускать продукцию товарищество «Сибирцемент», на котором трудилось не менее 600 рабочих. В регионе функционировало несколько угледобывающих предприятий: Анжерские, Новоанжерские, Судженские и Кольчугинские копи, Кемеровский рудник. До сих пор исследователи обходили вниманием этот период в истории горной отрасли Кузбасса²⁹. Трудно не согласиться с заявлением И. А. Балибалова о том, что колчаковцы знали цену кузнецкому углю³⁰. В 1919 г. бассейн обеспечивал 8,7% общероссийской добычи³¹.

После свержения большевиков было необходимо обеспечить сохранность и работу промышленных предприятий. Уже 4 июля 1918 г. комиссар Анжерских копей социал-революционер И. И. Дзепо сообщил в Томск о том, что «большевики ликвидированы. Анжерка организовалась. Хозяйственная жизнь копей не нарушена». Устойчивая работа этих копей во многом была обеспечена тем, что все эти годы их управляющим был талантливый инженер Д. А. Стрельников. Впоследствии он стал профессором кафедры горного искусства Томского политехнического института³².

Омским властям пришлось принимать меры по приведению угледобывающих предприятий в порядок после кратковременного правления большевиков. Этим на Судженских копиях (до передачи владельцу) занимался правительственный комиссар инженер Ю. А. Блажевич. По его мнению, большой вред производству нанес большевистский комиссар Ф. Г. Чучин, захвативший (национализировавший) их в феврале 1918 г. и скрывшийся летом³³.

Главным поставщиком угля продолжало оставаться АО «Кузнецкие каменноугольные копи». Для продолжения намеченной строительной программы и покрытия всех денежных обязательств перед казной акционерному обществу требовались деньги. Временное Сибирское правительство не отказывало в выдаче остатка правительственной ссуды, однако всякая возможность дальнейшего правительственного субсидирования или финансирования решительно отклонялась. В связи с этим 9 ноября 1918 г. И. И. Федорович направил министру торговли и промышленности прошение о четвертом выпуске акций. В нем отмечалось, что вследствие разрыва связей между отдельными частями государства и нахождения большинства акционеров на территории, занятой советской властью, не могло временно функционировать ни общее собрание, ни совет, ни правление. Предлагалось утвердить временное правление, главной целью создания которого было финансовое обеспечение предприятий Кузнецких копей. Временное правление официально начало свою

деятельность в июне 1918 г. Приблизительная стоимость предприятия на 1 августа составляла 29,3 млн руб. а по существовавшему на тот момент курсу – 133 млн руб. Долги предприятий оценивались в 35 млн руб.

30 января 1919 г. И. И. Федорович представил смету акционерного общества на 1919 г., которая предусматривала добычу 24 млн пудов угля и выжег 50 тыс. пудов кокса. Общая смета расходов определялась в 30,9 млн руб. Директорат ходатайствовал о выделении недостающих 24,8 млн руб. Правительство 28 февраля 1919 г. постановило выдать Кузнецким копиям на первые 7 месяцев 10 млн руб.

3 июня 1919 г. было принято постановление Совета министров о временном правлении Кузнецкого каменноугольного и металлургического общества. Несколькими днями позже его устав был утвержден Верховным правителем А. В. Колчаком. В постановлении говорилось: «Впредь до того момента, когда постоянное правление общества... вновь получит возможность функционировать в надлежащем кворуме на территории, свободной от так называемой Советской власти, и установит правильные отношения со своими предприятиями... учреждается Временное правление с местопребыванием в г.Томске». 5 июня на заседании временного правления в составе И. И. Федоровича (председатель), С. К. Фитингофа, Ф. А. Циммермана, Н. С. Подтягина и М. Г. Михайловского была одобрена смета его расходов на июль-декабрь в сумме 800 тыс. руб.

Учитывая сложности политического характера, акционерное общество работало более или менее стабильно. В первом полугодии 1919 г. на рудниках было добыто 6,6 млн пудов угля. Недовыработка имела место в основном в южных районах. В несколько сокращенном против сметы объеме производились строительные работы. Во втором полугодии планировалось выдать 16 млн пудов угля, а общие затраты на строительные работы довести до 14 млн руб. Отступление Сибирской армии сделало невозможной реализацию акций. Падение курса рубля заставило пересмотреть их выпускную цену в сторону повышения. Выпуск акций планировалось закончить в январе-феврале 1920 г., увеличив основной капитал общества до 48 млн нарицательных рублей. Согласно телеграфному сообщению, в Париж 12 ноября 1919 г. на имя председателя Совета А. И. Вышнеградского Временное правление приступило к реализации нового выпуска акций и предварительные данные говорили о благоприятных его результатах.

Временное Сибирское правительство выполнило свое обещание о реституции. По распоряжению Министерства торговли и промышленности от 14 ноября 1918 г. Анжерские копи были возвращены Л. А. Михельсону³⁴.

Кемеровские историки единодушны в оценке экономических итогов кратковременного правления антибольшевистских правительств. З. Г. Карпенко пришла к выводу, что экономическая политика белых привела к развалу хозяйства. Если в 1917 г. добыча угля в Кузбассе составляла 76 752 тыс. пудов, то в 1919 г. упала до 48 929 тыс. пудов³⁵. По данным Сибирского районного уполномоченного, председателя Особого совещания по топливу, в 1918 г. было добыто каменного угля Судженскими копиями – 23 783 140, Анжерскими – 19 719 069, Новоанжерскими – 776 745 пудов³⁶. Всего за год – 44 278 954 пуда топлива. Добыча угля в Кузбассе упала на 34, 8% с 1256,4 тыс. т до 820,7 тыс. т³⁷. В 1919 г. выработка угля повысилась только на Кольчугинском и Прокопьевском рудниках. Общий объем ее продолжал сокращаться³⁸.

Однако даже уменьшившийся объем угля в Кузбассе не удавалось сразу вывезти. В начале 1919 г. на Судженских копиях запас угля доходил до 2, а на Анжерских – 1,5 млн пудов. Подача вагонов составляла менее половины от требуемого. В это же время жители Омска и Томска, как писала местная газета, страдали от холода³⁹.

Было бы несправедливо не указать, что потребители не всегда вовремя рассчитывались за уголь. В начале июля 1919 г. томская контора АО «Судженские копи Л. А. Михельсона» попросила у городской управы копии счетов на 60 тыс. руб., так как управа не платила по счетам⁴⁰. 18 сентября 1919 г. на имя товарища министра торговли и промышленности С. А. Введенского поступила телеграмма от дирекции Анжерских копей. В ней речь шла о свое-временной оплате за поставленный в принудительном порядке уголь, освобождении от всяческих мобилизаций рабочих и служащих, самом широком содействии в снабжении⁴¹.

По данным З. Г. Карпенко, в период правления Временного Сибирского правительства руководителю КОПИКУЗа⁴² И. И. Федоровичу удалось получить денежные средства на развитие южного угольного района и на строительство металлургического завода⁴³. Действительно, комиссия по финансированию предприятий, имеющих общегосударственное значение, в начале 1919 г. ссудила Судженским копиям Л. А. Михельсона 3,5, КОПИКУЗу – 2,4 млн. руб.⁴⁴

Учитывая потребности времени, директор каменноугольных копей Л. А. Михельсона 30 августа 1919 г. направил председателю Совета министров копию докладной записки на имя Верховного правителя А. В. Колчака. В ней перечислялись меры по повышению материального положения и условий работы горняков в целях увеличения добычи угля⁴⁵. В октябре 1918 г. в Анжерке была заложена новая шахта № 15⁴⁶.

Развитие производства сталкивалось с различными, порой досадными, трудностями. 17 августа 1918 г. директор-распорядитель КОПИКУЗа направил жалобу губернскому комиссару на крестьян деревни Коневой Николаевской волости Кузнецкого уезда. Они устроили на реке Ур, по которой угольщики сплавляли лес на Кольчугинский рудник, глухую плотину без моста. Директор просил руководителя губернии распорядиться о строгом соблюдении закона о сплавных реках⁴⁷.

Экономический спад коснулся и золотодобывающей промышленности. Постановлением Министерства торговли и промышленности от 14 августа 1918 г. были прекращены работы на рудниках общества Мариин-

ских приисков. По причине убыточности число рабочих на Бериккульском прииске было сокращено до ста человек.

В тот период существовала реальная опасность, что действия партизан и подпольщиков могут нарушить нормальную работу горных предприятий. В октябре 1918 г. в Томске губернский комиссар А. Н. Гаттенбергер и его помощник поручик Б. М. Михайловский собрали представителей администрации Анжерских копей по вопросу охраны. По мнению участников совещания, население района, достигавшее 50 тыс. человек и состоявшее из «пришлого рабочего элемента», «отличается беспокойством, легко поддается всякой агитации» и требует постоянного и внимательного наблюдения со стороны администрации. Отсутствие такого наблюдения, полагали собравшиеся, делало возможным всякого рода противозаконные выступления, а также возникновение тревоги среди мирного населения и преступную агитацию политических недругов среди рабочих в целях нарушения правильного хода работ по добыче угля.

Через год, 29 ноября 1919 г., управляющий Томской губернией Б. М. Михайловский внес в департамент милиции МВД предложение об охране золотых приисков в Мариинском уезде. Для этого он предлагал сформировать гарнизон правительственных войск, предоставив ему гарантию от передислокации в другое место. Для опасения властей имелись основания. Только на Анжерском руднике подпольщики организовали взрыв и пожар на шахте № 14, поджог большого лесного склада. Они же воровали в шахтах и передавали партизанам динамит.

Советская историография традиционно идентифицировала процесс индустриализации Кузбасса⁴⁸ как сталинскую идею. Однако это не так. Даже в условиях гражданской войны в Сибири в 1918-1919 гг. высказывались идеи интенсивного промышленного развития региона, но эта тема не нашла отражения в специальной литературе⁴⁹.

Между тем в Кузбассе уже в начале XX в. сложилось удачное сочетание сразу нескольких благоприятных для активного развития тяжелой промышленности факторов. Во-первых, богатейшие залежи каменного угля соседствовали с мощными запасами железной руды. Во-вторых, в губернском центре располагался значительный для Сибири того времени научно-технический потенциал. Его составляли Томские университет и технологический институт, Институт исследования Сибири, Сибирский геологический комитет и Сибирский союз инженеров. В поселке Гурьевского металлургического завода, расположенном в Кузнецком уезде, жил известный ученый-металлург М. К. Курако. В те годы он работал над монографией «Доменная печь». Однако, по сведениям профессора З. Г. Карпенко, рукопись его была сожжена роговцами, сохранилась только часть работы, посвященная плану доменного цеха.

В-третьих, промышленный район прилегал к Транссибирской железнодорожной магистрали, а Анжерские и Судженские копи имели на ней свои погрузочные пункты. Кольчугинские копи также имели выход к магистрали. Сибирские инженеры уже тогда разрабатывали Урало-Кузбасский проект. Он был призван соединить в одну технологическую цепочку кузнецкий уголь и уральскую руду.

В 1926 г. ВСНХ СССР принял решение о создании института по проектированию крупного металлургического завода на юге Кузбасса. Однако еще в 1912 г. КОПИКУЗ рассматривал план строительства такого предприятия⁵⁰. Более того, 13 мая 1919 г. управляющий южным районом КОПИКУЗа М. К. Курако направил управляющему КОПИКУЗом телеграмму о реквизиции дома. В нем должен был поселиться Главноуправляющий копей и рудников КОПИКУЗа инженер А. А. Перлов, выехавший уже подбирать площадку для строительства металлургического завода. 15 мая 1919 г., понимая важность вопроса, просьбу М. К. Курако поддержал управляющий Томской губернией Б. М. Михайловский⁵¹.

Для строительства металлургического завода требовалось выполнить несколько условий. Во-первых, обсудить и принять план перспективного развития. На 7 августа 1918 г. в помещении акционерного общества и союза Сибирских инженеров был запланирован доклад А. А. Перлова «О КОПИКУЗе». К сожалению, он был перенесен на неопределенное время⁵². А. А. Перлов входил в состав экономического отделения статистико-экономического отдела Института изучения Сибири. Это позволяло ему не только быть в курсе всех новостей освоения региона, но и иметь связь с ведущими специалистами.

Во-вторых, следовало выявить сырьевую базу. Изучение было начато еще в 1914 г. группой геологов под руководством Л. И. Лутугина⁵³. Даже в условиях гражданской войны были продолжены геологические изыскания, о которых долгое время ничего не писали⁵⁴. Неизвестно было и об экспедициях М. А. Усова⁵⁵. В 1918 г. он изучал восточную границу Анжеро-Судженского угольного района⁵⁶. Гораздо больше удалось сделать во время полевого сезона 1919 г., когда Сибирский геологический комитет командировал сразу несколько экспедиций. Западную часть Кузнецкого Алатау было поручено исследовать горному инженеру К. Г. Тюменцеву, кандидату наук из Казанского университета А. М. Кузьмину и студенту Ю. А. Копыстинскому⁵⁷.

В Томский, Мариинский, Кузнецкий и Щегловский уезды были направлены две группы в составе горных инженеров А. А. Гапеева и Л. И. Лутугина, В. И. Яворского и Д. В. Никитина.

Разведку на железную руду в системе реки Мрассу вели в то лето горный инженер, преподаватель Томского технологического института Б. П. Степанов, коллекторы В. К. Ямщиков и Н. Н. Усов. Уксунайский, Салаирский и Егорьевский районы Салаирского кряжа проверял на золотоносность горный инженер А. И. Козлов⁵⁸. Министерство торговли и промышленности командировало в Кузнецкий и Щегловский уезды геологов А. А. Гапеева, В. И. Яворского и И. Я. Рыбакова для производства геологических исследований⁵⁹.

У профессиональных геологов были конкуренты. 22 августа 1919 г. удостоверение на право производства разведки каменного угля у поселка Ново-Борисовского Тамаровской волости Мариинского уезда было выдано горнопромышленнику Н. А. Голубину. На документе стояла подпись управляющего земледелием и государственным имуществом Томской губернии⁶⁰.

Итоги полевого сезона 1919 г. профессор М. А. Усов подвел в газетной статье. Сам профессор изучил все подземные выработки, маркшейдерские и архивные материалы Анжерских и Судженских копей, обследовал окрестности села Лебедянского и произвел разведку по правому берегу реки Мазаловский Китат. Была установлена идентичность пластов рудника «Надежда» с давно разрабатываемыми пластами II, III и IV Анжерских копей, Петровским «Тонким» и «Коксовым» Судженских копей. Оказалось возможным составить один горизонт и три поперечных верхних разреза, характеризующих месторождение в районе Анжерских копей, и выяснить состав верхней половины угленосной толщины. В этой толще был открыт новый пласт мощностью от 0,1 до 7,3 сажений⁶¹.

Установленная закономерность в расположении и образовании Анжерского месторождения в дальнейшем облегчит руководство работами по подготовке месторождения. Указанная идентичность пластов позволит надлежащим образом направить разведку и даже делать предсказание о нахождении пластов угля на отводах Судженско-Анжерского района.

Сотрудник Сибирского геологического комитета А. М. Кузьмин работал в Кузнецком уезде к югу от тракта Локтево – Сары-Чумыш – Кузедеево и к западу от рек Кондома и Антроп. Обследованиями установлено несколько новых выходов кембрия в Салаирском кряже и распространение верхнедевонской толщи южнее села Кузедеева. Удалось обследовать несколько небольших тел гранитно-порфирового состава в центре юго-восточного угла района. Были собраны данные для построения геологического разреза юго-восточной части Салаира, прилегающей к Кузнецкому Алатау.

В отношении полезных ископаемых выявлено наличие двух типов месторождений железных руд. Один приближался к болотным и образовался путем концентрации железа из красных железистых глин. Другой вид представляли бурые железняки с примесью марганца, связанные с метаморфическими породами Салаирского кряжа. М. А. Усов отметил многочисленные признаки железных руд в виде обильной и крупной гальки красного железняка в притоках Антропа, Каменушке и Сегелек.

К востоку от реки Антроп геолог комитета К. Г. Тюменцев выяснил западную границу вулканических образований, составляющих оторочку Кузнецкого Алатау. Были изучены петрографический характер и последовательность наслоения других лавовых покровов, шуфов и брекий, входящих в состав красной полосы в теле Кузнецкого Алатау. Она, по оценке профессора, хорошо представлена в Тельбесе, где с ней связаны железнорудные месторождения. Несколькими маршрутами пересечены гранитные массивы. Они не представляют большого геологического интереса в отношении их вероятной связи с некоторыми рудными месторождениями. Найдены признаки бурых железняков в верхней половине долины рек Антроп, свинцовые руды по той же речке вблизи устья рек Тенжереп и Красной и несколько новых пунктов с признаками медных по реке Кондоме⁶². Продолжила свою работу и Осиновская геологоразведочная партия. В итоге, в 1919 г. были опубликованы первые подсчеты запасов каменного угля в Кузнецком бассейне.

Власти финансировали освоение новых угольных районов. Только Временное Сибирское правительство выделило аванс в 1,5 млн руб. на такие работы на юге Кузбасса. Там начались закладка Прокопьевского и Киселевского рудников, подготовка к строительству металлургического завода⁶³.

Были и мелкие проекты. По просьбе инородцев, живших на Мрассу, геологи изучили вопрос о взрыве порохов на Томи, мешавших местным жителям. Был измерен объем работ и составлена смета расходов⁶⁴.

Остальная промышленность была представлена немногочисленными мелкими предприятиями. К 1920 г. в Щегловске работали химический, по 3 кожевенных и мыловаренных, 5 кирпичных, 2 лесопильных, крахмало-паточный, маслобойный заводы, паровая и водяная мельницы, городская типография.

Выработка электроэнергии осуществлялась только в Мариинске. В октябре 1918 г. местная электростанция испытывала острый кризис. Заведующий предприятием Горбатов ездил в Томск за машинным маслом и добыл 1/2 пуда. Поездка в Новониколаевск дала столько же. Такого количества масла хватило только на 7 дней работы⁶⁵. В начале ноября 1918 г. Мариинск получил для электростанции 10 пудов масла «Вискозин» из Красноярска⁶⁶. Концессионер по проводке электричества в октябре 1918 г. просил за проводку одной электролампочки 175 руб., хотя месяц назад эта услуга стоила 45 руб.⁶⁷

Тем не менее выработка электроэнергии представлялась делом необходимым. На заседании Тайгинской городской думы 10 ноября 1918 г. было решено иметь в городе электростанцию. Думцы попросили городского голову ходатайствовать об этом где следует⁶⁸.

Собственниками многих предприятий были кооператоры. В декабре 1918 г. одна из томских газет поместила объявление Мариинского союза кооперативов. Ему были нужны токарный, сверлильный, строгальный, фрезерный и болторезный станки, штамповочная машина для жестяных работ, динамо-машина на 11-22 вольт и от 50 до 100 ампер⁶⁹. Необходимое оборудование удалось собрать. Уже в январе 1919 г. Мариинский союз кооперативов организовал литейную мастерскую для новых сельскохозяйственных машин. Предполагалось изготовление гирь, утюгов, ведер, воронок, скоб, винтов, болтов и т. д.⁷⁰

Однако негативное воздействие войны сказалось и на деятельности кооперативных организаций. В Мариинском союзе кооперативов после войны сократили отделы: строительный, медицинский, отдел тары,

столярный цех. Продолжали работать только кожевенный и пимокатный заводы, им Закуп-сбыт дал кредит в 50 тыс. руб.⁷¹

В августе 1918 г. в Мариинске был разработан план устройства лесопильного завода⁷². Осенью 1918 г. на реке Четь у деревни Иловка Чердатской волости Мариинского уезда была найдена гончарная глина. Один из сельчан начал делать посуду⁷³. Несмотря на весьма скромные показатели промышленного развития уезда, существовал Мариинский промышленный район. В августе 1918 г. его заведующим был назначен Е. И. Ковалевский⁷⁴.

Важными отраслями хозяйства были транспорт и связь. Железнодорожная сеть на территории Кузбасса в те годы была развита слабо. С запада на восток Мариинский уезд пересекала Сибирская магистраль. От станции Тайга на север шла дорога на Томск, на юг через Топки – ответвление на Кольчугино.

Большой проблемой была неритмичность движения. В сентябре 1918 г. корреспондент газеты «Сибирская жизнь» ждал в Тайге иркутского поезда 12 часов. По его признанию, для всех это было уже привычно⁷⁵. Причин этому было несколько. Во-первых, влияние погоды. Так, на перегоне Арлюк – Юрга из-за сильно снежного заноса движение было закрыто с 18 ч 17 февраля до 7 ч 45 мин 18 февраля 1918 г. Поэтому товарно-пассажирский поезд № 3 задержали на станции Арлюк на 15 час. В конце февраля 1919 г. расчищали от снега перегон Юрга – Топки⁷⁶.

Во-вторых, не хватало подвижного состава. Только на Кольчугинской железной дороге в январе 1919 г. по небрежности было заморожено 6 паровозов⁷⁷. Хронически не хватало вагонов⁷⁸. Между тем на станции Тайга много вагонов использовалось под жилье⁷⁹.

В-третьих, на узловых станциях по разным причинам находилось большое количество вагонов, что сильно мешало маневрированию. Так, на станции Тайга вместимостью 1 тыс. вагонов их скопилось до 1,5-1,7 тыс.⁸⁰

В-четвертых, не всегда быстро удавалось заправить паровоз топливом. В феврале 1919 г. на станции Мариинск заведующий угольным складом не хотел вовремя давать уголь для паровозов⁸¹.

Наконец, значительно осложнил работу станции Мариинск пожар, вспыхнувший в июле 1919 г. Убыток составил 2-3 млн руб.⁸²

Определенные проблемы были и с безопасностью движения. В начале октября 1918 г. мариинская газета сообщила, что дорожный техник Куликов поймал злоумышленника, который, как чеховский герой, открутил гайку для использования при рыбной ловле⁸³. Происшествие с тяжелыми последствиями случилось у станции Тисуль 10 августа 1918 г. В полночь столкнулись товарный поезд № 107 и резервный паровоз. Было ранено 6 человек, одна из них – девочка – впоследствии умерла. Причина случившегося – состав прошел остановочный пункт. Поездная бригада была отстранена от работы⁸⁴.

Происшествие, которое могло привести к тяжелым последствиям, случилось в ноябре 1919 г., когда на восток продвигался специальный поезд, эвакуировавший правительство. 21 ноября 1919 г. его председатель П. В. Вологодский записал в дневнике, что накануне в Мариинске он принял управляющего уездом и начальника гарнизона, которые доложили о бродящих в уезде близ села Суслово большевистских бандах и о посылке для их ликвидации военных отрядов. На перегоне между Мариинском и станцией Суслово из оборудования паровоза специального поезда выпала какая-то часть. Дальнейшее продвижение стало невозможным, пришлось остановиться и отправиться на ближайший телефонный пост, чтобы вызвать со станции новый паровоз. Таким образом, вместо того, чтобы возможно скорее проехать участок, где существовала опасность большевистского нападения, поезд простоял здесь несколько часов ночью⁸⁵.

Железнодорожная администрация старалась пойти навстречу нуждам пассажиров. На станции Топки работал буфет, который корреспондент газеты «Сибирская жизнь» посетил в августе 1918 г. Цены, на его взгляд, были высоки, но кормили сытно⁸⁶. Летом 1919 г. руководство Томской железной дороги ввело дополнительный поезд для томских дачников. Поезд № 40 отправлялся из города в воскресенье и праздничные дни в 19 ч 4 мин и возвращался на станцию Томск-1 в 21 ч 55 мин (время местное)⁸⁷.

Однако основным видом транспорта в то время оставался гужевой. Среди вопросов 1-го чрезвычайного Щегловского уездного земского собрания был вопрос о содержании ямской гоньбы⁸⁸. На ее функционирование сильно влияли природно-климатические условия, грунтовое покрытие необходимо было постоянно ремонтировать. Для этих целей в сентябре 1918 г. Мариинское уездное переселенческое управление выделило 30 тыс. руб.⁸⁹ Среди прочих ремонтные работы велись на участках Мариинск – Чердат и Зырянское – Мариинск⁹⁰. Рабочим следовало спешить, так как снег в 1918 г. выпал 18 октября и сразу начал устанавливаться санный путь⁹¹. В начале октября 1918 г. мариинское земство изучало возможность прокладки грунтовой дороги Зырянское – Ижморское протяженностью в 100 верст с 10-ю новыми мостами. Предполагалось строительство нового ряжевого моста в селе Обояновском Тенгулинской волости. Планировались изыскания по маршруту нового тракта: станция Берикюль – Тюменеве – Мало-Песчанское – Святославка – Колыон – Почитанское – Воскресенское – Троицкое – Красный Яр – Тундинское – станция Берикюль⁹².

Иначе обстояло дело в Кузнецком уезде. Дороги и мосты, за редким исключением, совсем не ремонтировались. По мнению инструктора-информатора Я. Потоцкого, крестьяне ждали, что эту работу сделает кто-то посторонний⁹³.

Городские думы занимались организацией переправы через Кию в Мариинске и Томь в Кузнецке. В первом случае для этого наводился плашкоутный мост, во втором – паромная переправа. В 1918 г. эксплуатация моста дала Мариинску 3336 руб. чистого дохода⁹⁴. На заседании Мариинской городской думы

25 марта 1919 г. шел разговор о способе эксплуатации этого моста. При такой доходности высшая плата за аренду на торгах составила только 752 руб. Думцы высказались за эксплуатацию моста хозяйственным способом, но не знали где взять средства на его ремонт⁹⁵. Только 14 мая 1919 г. они нашли возможность выделить на эти цели 6753 руб. 34 коп.⁹⁶

На заседании Кузнецкой городской думы 13 февраля 1919 г. решался вопрос о взимании платы за перевоз через Томь пеших людей и пассажиров. Были приняты следующие тарифы за переправу: на экипажах 10 коп., лошадей верховых с седоками – 40, лошадей пристяжных – 30, крупного рогатого скота – 50, мелкого рогатого скота – 25, телеги в одну лошадь – 60, телеги с возом – 80 коп. Паром против Топольника на 1919 г. было решено сдать в аренду⁹⁷. 13 марта 1919 г. кузнецкие думцы выделили деньги на доставку парома из деревни Бедаревой в Кузнецк и на его сбор⁹⁸.

Внутригородской транспорт был, видимо, только в Мариинске. На заседании Мариинской городской думы 15 октября 1918 г. была установлена такса легковым извозчикам. Презд по городу стоил 1 руб., из города на вокзал – 3, на 1-ю пристань – 2, на 2-ю пристань – 4 руб.⁹⁹

Перспективы промышленного освоения Кузбасса были обусловлены развитием транспортной сети. Некоторые идеи носили локальный характер. В начале декабря 1918 г. в местной газете был поставлен вопрос о строительстве железнодорожных веток Мариинск – Золотой Китат и Мариинск – Чулым. Автор заметки сетовал на то, что разговор об этом идет с 1913 г.¹⁰⁰

Проблема железнодорожного строительства в губернии интересовала и Томскую губернскую земскую управу. 12 февраля 1919 г. при ней прошло второе заседание, на котором обсуждалась возможность такого строительства в губернии. Была упомянута ветка Кольчугино – Кузнецк – Тельбес протяженностью 260 верст для обслуживания будущего Кузнецкого комбината¹⁰¹. 19 февраля 1919 г. в Томске председатель Томской губернской земской управы А. А. Наумов провел совещание по железнодорожному строительству. На нем говорилось о необходимости строительства линии от Прокопьевских угольных копей до Кузнецка протяженностью 32 версты. Проектировалась ветка от Кольчугино до Гурьевского металлургического завода¹⁰². В начале октября 1918 г. инженер Еврейсков начал барометрические изыскания на ветке Кольчугино – Новониколаевск¹⁰³. Весной 1919 г. Российское правительство выделило 5,6 млн руб. на строительство Кольчугинской железной дороги. Уже летом была построена ветка от Кольчугино до Прокопьевских копей. В это же время сооружалась ветка Кузнецк – Шушталеп. В селе Бачаты строился железнодорожный мост¹⁰⁴.

21 марта 1919 г. в помещении Томской губернской земской управы прошло заседание междуведомственного совещания по вопросам железного и дорожного строительства. В тот день было заслушано продолжение доклада М. А. Велиханова. На этот раз речь шла о сооружении железнодорожной ветки Томск – Юрга протяженностью 85 верст. Реализация этого проекта позволила бы сократить бы путь от Томска до Тайги на 45 верст¹⁰⁵.

Рассматривалась возможность выхода на Транссибирскую магистраль с юга Кузбасса. 19 августа 1918 г. на торгово-промышленном съезде в Красноярске Музыкин сделал доклад о строительстве Кузнецко-Красноярской железной дороги¹⁰⁶.

Не забывали в губернии и о традиционных транспортных путях – речных. В ноябре 1918 г. в газете появилось сообщение о том, что в целях судоходства предполагается обследовать реку Кия от Мариинска до села Зырянского¹⁰⁷.

Пристальное внимание специалистов привлекала главная река региона – Томь. Однако ее невысокие судоходные качества делали ее малоперспективной для транспортировки грузов. Но инженеры не отказывались от идеи использовать реку в этом качестве. 12 марта 1919 г. в Томске в помещении губернской земской управы под руководством ее председателя А. А. Наумова прошло заседание междуведомственного совещания по вопросам железного и дорожного строительства. Был заслушан доклад инженера М. А. Велиханова «Водные пути Западной Сибири».

В контексте нашей темы нас интересует оценка докладчиком реки Томь. Естественное состояние ее участка выше Томска от деревни Белобородовой до Кузнецка он охарактеризовал как неудовлетворительное. По мнению инженера, до Кемерова землечерпанием можно было достичь максимальной осанки в 6 четвертей¹⁰⁸. Этого не удалось сделать из-за отсутствия технических средств. В районе Кузнецка осанка максимально могла быть доведена 4-5 четвертей, а это несудоходная глубина. Единственный путь – шлюзование¹⁰⁹ реки сплошь от Томска вверх по течению.

М. А. Велиханов предложил вниманию слушателей два варианта повышения судоходности Томи. Первый из них предполагал строительство высоконапорных сооружений от 2 до 3 сажень со шлюзованием во все время навигации, независимо от того, высокая или низкая будет вода. Число шлюзов от Кузнецка до Томска должно составить 24. Второй вариант предусматривал разборные малонапорные сооружения. На вопрос присутствовавших о том, в какой срок может быть осуществлено шлюзование Томи, докладчик честно признал, что не может ответить точно. На строительство одного шлюза уходит до 4,5 лет. Одновременно строить все шлюзы невозможно, поэтому, считал автор проекта, надо вести стройку в две очереди, на что потребуется 10 лет.

Профессор Поварнин задал вопрос о сметной стоимости. По подсчетам М. А. Велиханова, шлюзование Томи от Кузнецка до Томска могло обойтись в 100 млн руб. (по довоенным ценам)¹¹⁰. Специальный доклад М. А. Велиханова «О шлюзовании на Томи» был назначен на 1 апреля 1919 г. и в Союзе сибирских инжене-

ров¹¹¹. В случае реализации проекта широтное расположение Транссиба было бы выгодно дополнено водным путем по меридиану.

Основными видами связи оставались почта и телеграф. Их сеть имела небольшую тенденцию к расширению. 9 октября 1918 г. управляющий Судженскими копиями решил закрыть детский сад, а его помещение отдать под почтово-телеграфное отделение. Однако Томская губернская земская управа обратилась к нему с просьбой возобновить работу детского учреждения¹¹². 6 ноября 1918 г. Щегловское городское управление рассмотрело заявку начальника почтово-телеграфной конторы о выделении помещения. Участники заседания не нашли возможности выделить денежные средства, но землю под почту и телеграф было решено предоставить бесплатно¹¹³. В начале декабря 1918 г. Мариинское уездное земское управление обсуждало вопрос об установке телеграфа в селе Рубино – «перспективном промышленном районе»¹¹⁴.

Однако большинство населенных пунктов было лишено средств связи. В июле 1919 г. корреспондент «Сибирской жизни» побывал в селе Морозово Щегловского уезда. На его взгляд, это было «порядочное по величине, но малоблагоустроенное село». Отсутствие почтового отделения являлось одним из самых важных неудобств¹¹⁵.

Тяготы войны сказались и на развитии учреждений связи. Некоторые из них отличали «бездоходность и малодетальность». По этой причине в начале 1919 г. начальник Томского почтово-телеграфного округа решил перенести почтовые отделения из деревень Шевели Кузнецкого уезда, Поперечное Томского уезда и Лебедевская Кузнецкого уезда в деревню Плотниково Кольчугинской, на станции Юрга Томской и Топки Кольчугинской железных дорог (соответственно)¹¹⁶. В марте 1919 г. почтовое отделение из Судженки было переведено в село Емельяновское Томского уезда¹¹⁷. Было предложено закрыть следующие почтовые отделения: в Кузнецком уезде – Барачатское, Борисовское, Кондомское, Пестеревское, Титьковское, а в Мариинском уезде – Алчедатское, Верх-Чебулинское, Поваринкинское¹¹⁸.

В этот период и до Кузбасса дошли новые технические идеи. В конце 1918 г. в Мариинске заговорили о телефонизации. Более того, Мариинское уездное земство надеялось создать в 1918 г. телефонную сеть в городе, а в 1919 г. – и в уезде¹¹⁹. Этот проект нашел поддержку у правления Мариинского союза кооперативов и кредитного союза¹²⁰. 30 августа 1919 г. Мариинская городская дума обсуждала вопрос о сдаче в аренду участка земли для строительства аэродрома. Был подобран участок площадью 60 тыс. кв. саженей¹²¹.

Уже современники невысоко оценивали эффективность экономической политики антибольшевистских правительств. «Со времени освобождения от большевистского господства, – считал автор газеты “Голос Сибири”, – ничего, решительно ничего не сделано для возрождения и восстановления нашей фабрично-заводской промышленности, для творческого использования наших величайших возможностей»¹²². Не разделяя излишнюю категоричность этой оценки, следует признать, что во многом она справедлива.

Кратковременность пребывания у власти антибольшевистских режимов не позволила реализовать какие-либо проекты. Превратить регион в мощный промышленный центр на востоке России было суждено нашим родителям.

¹ См.: *Народная газета*. – 1918. – 4 окт.

² См.: *Эйхе Г. Х.* Опрокинутый тыл. – М., 1966. – С. 377.

³ См.: *Волков Е. З.* Динамика народонаселения СССР за восемьдесят лет. – М.-Л., 1930. – С. 120, 230.

⁴ См.: *Звягин С. П.* Кузбасс в годы гражданской войны. – Кемерово, 2001. – С. 7.

⁵ См.: *Народная газета*. – 1918. – 29 сент.

⁶ См.: *Сибирская жизнь*. – 1919. – 30 янв.

⁷ Там же. – 9 июля.

⁸ См.: *Народная газета*. – 1918. – 29 сент.

⁹ См.: *Вестник Томской губернии*. – 1919. – 21 марта.

¹⁰ См.: *Сибирская жизнь*. – 1918. – 26 июля.

¹¹ См.: *Вестник Томской губернии*. – 1919. – 1 янв.

¹² См.: *Сибирская жизнь*. – 1919. – 24 июля.

¹³ См.: *Народная газета*. – 1918. – 3 окт.

¹⁴ См.: *Звено*. – 1918. – 18 сент.

¹⁵ См.: *Народная газета*. – 1918. – 2 окт.

¹⁶ Там же. – 18 сент.

¹⁷ См.: *Вестник Томской губернии*. – 1919. – 30 апр.

¹⁸ Там же.

¹⁹ См.: *Сибирская жизнь*. – 1918. – 29 дек.

²⁰ См.: *Государственный архив Российской Федерации* (далее – ГАРФ). – Ф. 1561. – Оп. 1. – Д. 336. – Л. 22.

²¹ См.: *Голос Сибири*. – 1919. – 31 янв.

²² См.: *Звягин С. П.* Указ. соч. – С. 7-8.

²³ См.: *Народная газета*. – 1918. – 18 сент.

²⁴ Там же. – 25 окт.

²⁵ *Народная газета*. – 1918. – 4 окт.

²⁶ См.: *Государственный архив Томской области* (далее – ГАТО). – Ф. 1362. – Оп. 1. – Д. 64. – Л. 2-3.

²⁷ См.: *Звено*. – 1918. – 11 окт.

²⁸ Там же. – 22 дек.

²⁹ См., напр.: *Карпенко З. Г.* Горняки Кузбасса // *Историческая энциклопедия Кузбасса*. – Познань, 1996. – Т. 1. – С. 129.

- ³⁰ См.: *Балибалов И. А.* Кемерово: вчера, сегодня завтра. – Кемерово, 1976. – С. 35.
- ³¹ См.: *Угольная промышленность Кузбасса. 1721-1996* / отв. ред. К. А. Заболотская. – Кемерово, 1997. – С. 45.
- ³² См.: *Звягин С. П.* Указ. соч. – С. 8.
- ³³ См.: *Сибирская жизнь*. – 1918. – 1 сент.
- ³⁴ См.: *Государственный архив Кемеровской области* (далее – ГАКО). – Ф. 20. – Оп. 1. – Д. 34. – Л. 14, 31.
- ³⁵ Там же. – Ф. 1261. – Оп. 1. – Д. 45. – Л. 2.
- ³⁶ См.: *Вестник Томской губернии*. – 1919. – 14 марта.
- ³⁷ См.: *Заболотская К. А.* Угольная промышленность Сибири (конец 1890 – начало 1990-х гг.): историческое исследование. – Кемерово, 1995. – С. 62.
- ³⁸ Подсчитано по: *Кузнецкий угольный бассейн*: стат. справочник. – М., 1959. – С. 98-99.
- ³⁹ См.: *Сибирская жизнь*. – 1919. – 19 янв.
- ⁴⁰ Там же. – 5 июля.
- ⁴¹ См.: *ГАРФ*. – Ф. 176. – Оп. 1. – Д. 72. – Л. 22.
- ⁴² КОПИКУЗ – акционерное общество «Кузнецкие каменноугольные копи».
- ⁴³ См.: *Карпенко З. Г.* КОПИКУЗ // *Историческая энциклопедия Кузбасса*. – Кемерово, 1996. – С. 343-344.
- ⁴⁴ См.: *Сибирская жизнь*. – 1919. – 25 марта.
- ⁴⁵ См.: *ГАРФ*. – Ф. 176. – Оп. 1. – Д. 72. – Л. 13.
- ⁴⁶ См.: *Звено*. – 1918. – 25 окт.
- ⁴⁷ См.: *ГАТО*. – Ф. 1362. – Оп. 1. – Д. 284. – Л. 2.
- ⁴⁸ Кузбасс – Кузнецкий угольный бассейн – занимает 29% территории Кемеровской области.
- ⁴⁹ См., напр.: *Ларьков Н. С., Рудин В. Г.* Гражданская война в Кузбассе (1918-1922) // *Историческая энциклопедия Кузбасса*. – Кемерово, 1996. – С. 138-151; *Мишенин С. Е.* Развитие угольной промышленности Кузнецкого бассейна в июне 1918 – декабре 1919 гг. в отечественной историографии 60-90-х гг. // *История «белой» Сибири: тезисы Второй науч. конф. (4-5 февраля 1997 г.)*. – Кемерово, 1997. – С. 84-87.
- ⁵⁰ См.: *Габидулин И. З.* Кузнецкий металлургический комбинат // *Историческая энциклопедия Кузбасса*. – Кемерово, 1996. – С. 361.
- ⁵¹ См.: *ГАТО*. – Ф. 1362. – Оп. 1. – Д. 398. – Л. 21-22.
- ⁵² См.: *Сибирская жизнь*. – 1918. – 7 авг.
- ⁵³ См.: *Пах Э. М.* Геологические исследования и разработка угольных месторождений Кузнецкого бассейна // *Историческая энциклопедия Кузбасса*. – Кемерово, 1996. – С. 109.
- ⁵⁴ См.: *Гребенищев В. Н.* Геологические исследования Кузбасса // *Историческая энциклопедия Кузбасса*. – Познань, 1996. – Т. 1. – С. 115.
- ⁵⁵ См.: *Насонова М. В. М. А.* Усов – исследователь Кузбасса // Кемеровской области – 60 лет: мат-лы Всерос. науч. конф., посвященной 60-летию Кемеровской области (Кемерово, 15 мая 2003 г.). – Кемерово, 2003. – С. 57.
- ⁵⁶ Усов Михаил Антонович (1883-1939) – профессор, декан горного факультета Томского технологического института.
- ⁵⁷ См.: *Сибирская жизнь*. – 1919. – 9 мая.
- ⁵⁸ Там же. – 2 июля.
- ⁵⁹ См.: *Народная газета*. – 1918. – 5 сент.
- ⁶⁰ См.: *ГАТО*. – Ф. 1362. – Оп. 1. – Д. 56. – Л. 138.
- ⁶¹ Сажень – старинная русская мера длины, равная 3 аршинам, или 2,134 м.
- ⁶² См.: *Усов М. А.* Работы Сибирского геологического комитета // *Сибирская жизнь*. – 1919. – 18 нояб.
- ⁶³ См.: *Звягин С. П.* Указ. соч.
- ⁶⁴ См.: *Усов М. А.* Указ. соч.
- ⁶⁵ См.: *Звено*. – 1918. – 27 окт.
- ⁶⁶ Там же. – 3 нояб.
- ⁶⁷ Там же. – 11 окт.
- ⁶⁸ См.: *ГАТО*. – Ф. 1362. – Оп. 1. – Д. 70. – Л. 34(об).
- ⁶⁹ См.: *Народная газета*. – 1918. – 25 дек.
- ⁷⁰ См.: *Голос Сибири*. – 1919. – 18 янв.
- ⁷¹ См.: *Вестник Томской губернии*. – 1919. – 17 февр.
- ⁷² См.: *Народная газета*. – 1918. – 5 сент.
- ⁷³ См.: *Звено*. – 1918. – 9 окт.
- ⁷⁴ См.: *Сибирская жизнь*. – 1918. – 23 авг.
- ⁷⁵ См.: *Народная газета*. – 1918. – 15 сент.
- ⁷⁶ См.: *Голос Сибири*. – 1919. – 23 февр.; *Вестник Томской губернии*. – 1919. – 26 февр.
- ⁷⁷ См.: *Сибирская жизнь*. – 1919. – 25 янв.
- ⁷⁸ Там же. – 29 янв.
- ⁷⁹ Там же. – 22 февр.
- ⁸⁰ Там же. – 11 февр.
- ⁸¹ Там же. – 21 февр.
- ⁸² Там же. – 15 июля.
- ⁸³ См.: *Звено*. – 1918. – 2 окт.
- ⁸⁴ См.: *Сибирская жизнь*. – 1918. – 13 авг.
- ⁸⁵ См.: *A Chronicle of the Civil War in Siberia and Exile in China. The Diaries of Petr Vasil'evich Vologodskii, 1918-1925*. – Hoover Institution press. Stanford University. Stanford, California, 2002. – Vol. 1 / Compiled, edited and introduced by Semion Lyandres and Dietmar Wulff. – P. 327.
- ⁸⁶ См.: *Сибирская жизнь*. – 1918. – 16 авг.

-
- ⁸⁷ См.: *Вестник* Томской губернии. – 1919. – 7 июля.
- ⁸⁸ См.: *ГАТО*. – Ф. 1362. – Оп. 1. – Д. 635. – Л. 2.
- ⁸⁹ См.: *Звено*. – 1918. – 2 окт.
- ⁹⁰ Там же. – 13 окт.
- ⁹¹ Там же. – 18 окт.
- ⁹² Там же. – 13 окт.
- ⁹³ См.: *Народная* газета. – 1918. – 27 июля.
- ⁹⁴ См.: *Вестник* Томской губернии. – 1919. – 2 янв.
- ⁹⁵ См.: *ГАТО*. – Ф. 1362. – Оп. 1. – Д. 436. – Л. 80; *Вестник* Томской губернии. – 1919. – 2 апр.
- ⁹⁶ См.: *ГАТО*. – Ф. 1362. – Оп. 1. – Д. 125. – Л. 5.
- ⁹⁷ Там же. – Д. 426. – Л. 6-9.
- ⁹⁸ Там же. – Л. 17.
- ⁹⁹ См.: *ГАТО*. – Ф. 1362. – Оп. 1. – Д. 147. – Л. 10.
- ¹⁰⁰ См.: *Звено*. – 1918. – 8 дек.
- ¹⁰¹ См.: *Голос* Сибири. – 1919. – 19 февр.
- ¹⁰² Там же. – 22 февр.
- ¹⁰³ См.: *Народная* газета. – 1918. – 11 окт.
- ¹⁰⁴ См.: *Звягин С. П.* Указ. соч. – С. 13.
- ¹⁰⁵ См.: *Сибирская* жизнь. – 1919. – 15, 21 марта.
- ¹⁰⁶ См.: *Сибирская* жизнь. – 1918. – 24 авг.
- ¹⁰⁷ См.: *Звено*. – 1918. – 6 нояб.
- ¹⁰⁸ Четверть – старинная русская мера длины, равная четвертой части аршина или 17,775 см
- ¹⁰⁹ Шлюз – гидротехническое сооружение, позволяющее переводить суда из одного водного пространства в другое, имеющее отличный от первого уровень воды.
- ¹¹⁰ См.: *Сибирская* жизнь. – 1919. – 15, 21 марта.
- ¹¹¹ Там же. – 30 марта, 1 апр.
- ¹¹² См.: *Народная* газета. – 1918. – 16 окт.
- ¹¹³ См.: *ГАТО*. – Ф. 1362. – Оп. 1. – Д. 162. – Л. 18(об).
- ¹¹⁴ *Звено*. – 1918. – 8 дек.
- ¹¹⁵ См.: *Сибирская* жизнь. – 1919. – 24 июля.
- ¹¹⁶ См.: *Вестник* Томской губернии. – 1919. – 27 янв.
- ¹¹⁷ Там же. – 12 марта.
- ¹¹⁸ См.: *Сибирский* голос. – 1919. – 2 февр.; *Голос* Сибири. – 1919. – 2 февр.
- ¹¹⁹ См.: *Сибирская* жизнь. – 1918. – 8 окт.
- ¹²⁰ См.: *Звено*. – 1918. – 18 окт.
- ¹²¹ См.: *ГАТО*. – Ф. 1362. – Оп. 1. – Д. 146. – Л. 8(об).
- ¹²² Цит. по: *Московский А. С.* Промышленное освоение Сибири в период строительства социализма. – Новосибирск, 1975. – С. 56.

ГЛАВА V. СОСТОЯНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ СФЕРЫ ОШИБКА! ЗАКЛАДКА НЕ ОПРЕДЕЛЕНА.

В условиях продолжавшейся четыре года войны резко снизился жизненный уровень кузбассовцев, как, впрочем, и всех россиян. Выросли цены на самые необходимые продукты и товары повседневного спроса. К концу 1918 г. цена на хлеб в губернии поднялась в пять раз, на картофель – в девять, а на молоко – в семь. В сентябре 1918 г. мешок пшеницы (без стоимости самого мешка) на томских рынках стоил от 70 до 75 руб. за пуд, мясо – 260 руб. за пуд, экспортное масло по 650-680 руб. за пуд. Мыло ядровое стоило 4 руб. за фунт, мыло мраморное – 3,5 руб. за фунт, свечи – 12-14 руб. за фунт, спички – 50 коп. коробок¹.

В мае 1919 г. из-за распутицы поднялась цена на овощи, подорожали: мука до 30 руб. за пуд, картофель – до 10 руб. за пуд. Даже по таким ценам эти продукты купить было нелегко. Дорогими стали семена: капусты и моркови – по 10 руб., огурцов – 8 руб. ложечка, горох – 2 руб. стакан. Корова стала стоить до 1 тыс. руб., лошадь – до 2 тыс. руб., овцы – до 200 руб., свиньи – 600-1000 руб. или 200 руб. за пуд живого веса².

Продукты были дороги даже в селах. В июле 1919 г. корреспондент газеты «Сибирская жизнь», побывавший в селе Морозово Щегловского уезда, писал: «Съестные припасы сравнительно дороги и малодоступны. Я едва достал себе молока и 10 яиц. Для этого пришлось обойти полсела»³.

Некоторые продукты подлежали нормированию. В начале октября 1918 г. помощник акцизного надзирателя в Мариинске получил для населения 217 пудов сахара. Было решено выдавать его по полфунта на рубли в счет июньской нормы⁴.

На угольных предприятиях КОПИКУЗа по состоянию на 6 августа 1919 г. зарплата горнорабочего составляла 15 руб. в месяц, квалифицированного мастерового – 22 и артельного горнорабочего – 25. По данным В. М. Рыноква, с 1915 г. рубль обесценился до 5-10% своего прежнего уровня⁵.

Сопоставляя стоимость основных продуктов питания и размер оплаты труда, можно получить следующее соотношение. Если в июле 1918 г. шахтер Кемеровского рудника получал 4/5 официального прожиточного минимума, то в сентябре – 2/3, а в ноябре – лишь 1/3. Поэтому не случайно 5 февраля 1919 г. совещание представителей областного союза горнорабочих и КОПИКУЗа заявило о необходимости повышения размера хлебного пайка и нормы выдаваемого угля.

Возникли проблемы даже с топливом, основным видом которого оставались дрова. Население имело два способа заготовить их на зиму. Первый – сделать это самому. Во второй половине октября 1918 г. лесничий Тисульского лесничества В. Москоленко приглашал жителей села Тамбар и Больше-Барандатской волости брать лесорубные билеты на буреломный, сухостоечный и валежный лес. Делянки находились в окрестностях села Тамбар. Туда раз в неделю выезжал лесничий или его помощник⁶. Очевидно, что это было дешевле, но не всем доступно.

Второй способ – купить дрова на рынке. В начале ноября 1918 г. Мариинск оказался без топлива. Стоимость воза дров составляла в среднем 35-40 руб.⁷ Стоимость топлива в Томской губернии постоянно росла. В сентябре 1918 г. на томском рынке березовые дрова стоили 58-60 руб. за сажень, сосновые 48-50, осиновые 45-48⁸. В Тайге в первой половине ноября 1919 г. цена дров в среднем равнялась 600-700 руб. за сажень⁹. Таким образом, цены выросли за год более чем в 10 раз.

Тяжелая ситуация с продовольствием заставила власть искать привычные и нетрадиционные пути снабжения. Начали налаживаться существовавшие ранее, но запрещенные большевиками, формы торговли. 5 декабря 1918 г. в селе Зырянском Мариинского уезда открылась первая за время войны ярмарка. На ней, как отметил корреспондент, было много мяса¹⁰.

Свой способ снабжения нашли в Мариинске, на железнодорожной станции которого долго простаивали грузы. 29 августа 1918 г. Мариинская особая комиссия реквизирувала на станции 2 вагона кокосового масла, адресованного в Москву. Было решено пустить его на производство мыла, которое предназначалось бы жителям Мариинского уезда¹¹.

В сентябре 1918 г. мариинская городская газета поместила необычное объявление. Тульский губернский совет народного хозяйства предлагал сибирскому Закупсбыту обмен. За пуд самоваров он просил (на выбор поставщика) ржаной муки 22 пуда, пшеничной муки – 18, крупчатой муки – 14, овса – 30 пудов¹². Неизвестно, состоялся ли обмен сибирских кооператоров с советским предприятием.

Наибольшие трудности с продовольствием испытывали жители, занятые в промышленности. Примером могут служить поселки Анжерских и Судженских угольных копей. В конце сентября 1918 г. одна из губернских газет сообщила, что на Судженских коях нет хлеба ни в обществе потребителей, ни на самих коях¹³. 12 ноября 1918 г. Томский губернский комиссар А. Н. Гаттенбергер обратился к министру продовольствия, направив копию своего письма в МВД. Он докладывал, что на Судженских коях нет хлеба и денежных знаков. Алтайский уполномоченный Субботин отказался выслать рабочим хлеб в кредит. Руководитель губернии предложил ввести в этом районе чрезвычайное положение¹⁴.

К декабрю 1918 г. 15 тыс. населения Судженских копей испытывало большие затруднения с продовольствием. Рабочие и служащие в ноябре получили по 10-15 фунтов муки за первую половину года. За второе полугодие они вообще ничего не получали. Местный кооператив «Шахтер» в Новониколаевске занял 600 пудов муки и выпекал каждому по 1 фунту хлеба в день. Для этого две пекарни работали без перерыва, пока одна из них сгорела¹⁵. По сведениям И. А. Балибалова, на Кольчугинском руднике шахтерам вместо

хлеба выдавали муку «черную как назем, горькую, как полынь». Когда начальник гарнизона запретил выдачу этой несъедобной муки, ее перебросили на Кемеровский рудник и здесь продолжали отпускать рабочим в счет зарплаты¹⁶.

Ситуация не улучшилась и в 1919 г. 12 февраля 1919 г. Судженский кооператив шахтеров направил телеграмму в Министерство торговли и промышленности. Кооператоры извещали, что на станции Рубцово Алтайской губернии заготовлено для них 20 вагонов хлеба. Надо было только его перевезти¹⁷.

Таким образом, утверждение Н. И. Дмитриева и С. В. Смирнова, что в июне 1918 г. начались отправки продовольствия в потребительские районы и первыми улучшение ситуации ощутили на себе население Анжеро-Судженского угольного района, не соответствует действительности¹⁸.

Важный вопрос был поднят в письме управляющего Кольчугинской железной дорогой от 18 марта 1919 г. управляющему Томской губернией. В нем шла речь о выселении посторонних из поселка при станции Топки. Освободившееся жилище предназначалось для слесарей-ремонтников¹⁹.

Государство пыталось поддержать наиболее нуждающиеся слои населения. Например, в октябре 1918 г. были введены добавки к гражданским пенсиям. Выплаты были дифференцированы: размер пенсии до 100 руб. – коэффициент повышения 200%; 100-300 руб. – 150; 300-600 руб. – 100; 600-1200 руб. – 75; 1200-1800 руб. – 60; 1800-2400 руб. – 50; от 2400 руб. – 40%²⁰.

Органы местного самоуправления старались изыскать дополнительные средства для поддержки беднейших сограждан. На заседании Кузнецкой городской думы 18 сентября 1918 г. было решено повысить пособие престарелым и неимущим до 15 руб. в месяц²¹.

Не были забыты и семьи мужчин, призванных в армию. В феврале 1919 г., по данным Щегловской городской управы, право на получение 100-рублевого пособия от казны имели 19 семей²². О том, насколько эти меры были действенными, можно судить по следующему факту. Томская губернская инспекция труда установила прожиточный минимум на одного взрослого на август 1919 г. в размере 644 руб. 82 коп.²³

Как и любая другая война, гражданская война в России ознаменовалась массовым сиротством. Органы государственной власти и местного самоуправления, кооперативные организации были обеспокоены этой проблемой и предпринимали для ее решения различные меры.

Во-первых, государство выделяло для этого деньги. В марте 1919 г. отдел призрения Томской губернской земской управы просил управляющего губернией из выделенных МВД средств направить в Мариинск 3356 руб., в Кузнецк – 459, в Щегловск – 713 руб. на призрение сирот²⁴.

Во-вторых, создавались специальные учреждения. В Мариинске это был приют «Ясли». 26 сентября 1918 г. Мариинская уездная земская управа обсуждала проблемы его содержания. Денег на это казна давала недостаточно, так как число детей в приюте постоянно росло. Участники заседания высказались за то, чтобы перечислить данному учреждению 1 тыс. руб.²⁵ 4 октября 1918 г. в мариинском цирке «Петрас» прошло специальное представление, сбор от которого был передан в пользу приюта «Ясли»²⁶. Во второй половине октября 1918 г. Мариинский союз кооперативов ассигновал на удовлетворение нужд по содержанию детского приюта 5 тыс. руб.²⁷

В-третьих, для мобилизации усилий государства и общества создавались и действовали различные общественные организации. На заседании Кузнецкой городской думы 4 сентября 1918 г. был пополнен состав местного сиротского суда, его членами стали Ф. Н. Рожков и Н. Н. Долгов, а кандидатами – П. И. Акимов и Н. С. Хворов²⁸.

Тяжелым социальным последствием гражданской войны стало беженство. В Кузбассе эта проблема в основном коснулась Мариинска и Тайги. В сентябре 1918 г. в населенные пункты на территории будущей Кемеровской области, кроме городов, прибыли 504 семьи беженцев общей численностью в 2304 человека²⁹. В начале октября 1918 г. власти предполагали, что в Мариинском уезде придется разместить 2700 беженцев из России и до 700 человек из Томска и Тайги³⁰.

Появление беженцев создавало много проблем разного характера. Их размещение требовало немалых финансовых затрат. В сентябре 1918 г. Тайгинская городская дума пришла к выводу, что за последние месяцы проезжих накопилось в городе до 3-5 тыс. человек. В связи с этим гласные попросили у губернского комиссара ссуду в 300 тыс. руб.³¹ На станции Тайга действовал питательный пункт для беженцев. В сентябре 1919 г. его посетил корреспондент газеты «Сибирская жизнь». В его присутствии беженцам предлагали порцию супа стоимостью 1, 5 руб. В тарелке, по его словам, «плавало 5-6 крупинок и не более 1/16 фунта мяса»³². Однако и такую скудную еду надо было готовить.

Пресса отметила трудности в обустройстве беженцев на новом месте. В сентябре 1918 г. в селе Боровское Мариинского уезда беженцы и переселенцы преследовались старожилами, отношение к ним было недружелюбное³³.

Выявленные нами факты не вполне соответствуют мнению исследователя В. М. Рынкова, что расходы правительства А. В. Колчака были достаточно сильно социально ориентированы³⁴. Может быть, Кузбасс был в этом отношении досадным исключением.

До сих пор состояние здравоохранения на территории Кузбасса в годы гражданской войны не стало предметом изучения³⁵. Проблемы оказания медицинской помощи в течение трех дней обсуждались в середине июля 1918 г. на 1-м Мариинском земском уездном съезде врачей и фельдшеров³⁶.

Здравоохранение по-прежнему оставалось в ведении органов местного самоуправления. Главной проблемой являлось финансирование. Только на второе полугодие 1918 г. расходы мариинского уездного зем-

ства на эти цели составили 286,6 тыс. руб.³⁷ На заседании Мариинской городской думы 8 октября 1918 г. расходы на содержание одного пациента в городском приемном покое были установлены в размере 8, 6 руб.³⁸

Кроме того, доступность врачей была невысокой. В селе Бороковском Мариинского уезда медицинская помощь, по мнению газеты, находилась в самом катастрофическом состоянии. Ближайшая больница располагалась на расстоянии 30-50 верст. В селе не было ни фельдшера, ни акушерки, не говоря уже о врачах³⁹.

Возникали сложности и с выплатой жалования медицинскому персоналу. 1 ноября 1918 г. на это не было денег в Мариинске. Здесь ждали 9116 руб. от окружного военно-санитарного управления за лечение и содержание воинских чинов в приемном покое⁴⁰. Однако средства были ассигнованы с большим опозданием.

Еще одной проблемой являлось то, что органы местного самоуправления лишились своих партнеров по оказанию населению этого вида помощи. После окончания мировой войны в Мариинском союзе кооперативов сократили «ликвидационные» отделы. Среди них оказался и медицинский⁴¹. 17 сентября 1918 г. Судженская поселковая земская управа заслушала обращение правления больничной кассы. Речь шла о передаче ее по требованию управляющего копиями горнякам. Земцы расценили это как дерзкий выпад против завоеваний трудового класса в февральской революции. Они решили больничную кассу копиям не передавать⁴².

Между тем в 1918 г. в Томской губернии сложилась тяжелая эпидемиологическая ситуация. Уже к началу сентября было зарегистрировано 17 эпидемий, из них в Томском уезде – 8, в Каинском – 7 и Кузнецком – 2. В Мариинском уезде был обнаружен сифилис, свирепствовала дизентерия⁴³.

Однако самым серьезным испытанием для органов местного самоуправления и работников здравоохранения стала эпидемия сыпного тифа, охватившая всю Россию. В Кузбассе она была локализована железнодорожными станциями Тайга и Мариинск. На них скапливались сотни беженцев. Первые тифозные больные появились в Мариинске в декабре 1918 г.⁴⁴ Только за один день, 13 февраля 1919 г., в Мариинском уезде заболело сыпным тифом 14 человек, а брюшным – 4⁴⁵. По сведениям врачебно-санитарного бюро, на первые числа февраля 1919 г. в Тайге прогнозировалось начало эпидемии сыпного тифа⁴⁶. В начале марта 1919 г. во Вновь-Стрелинской волости Щегловского уезда были зарегистрированы заболевания сыпным тифом, особо в поселке железнодорожной станции Топки⁴⁷.

Заседание Мариинской городской думы, состоявшееся 10 декабря 1918 г., определило стратегию борьбы с угрожающей городу эпидемией сыпного тифа. В первую очередь местные власти принимали меры по изоляции заразных больных и санитарной обработке населения. Было выделено специальное помещение на 25 коек, на ближайшие четыре месяца ассигновано 31 520 руб. Земцы обязали городской медицинский персонал бесплатно обслуживать данную категорию больных. Было решено поставить вопрос о введении в городе особого больничного сбора. Участники заседания признали необходимым обратиться к владельцу частной бани Гуревичу с предложением при помывке военнослужащих брать с нижних чинов не 80, а 40 коп.⁴⁸ В городе было приготовлено 10 пудов серы для проведения дезинфекции⁴⁹.

1 января 1919 г. на заседании Тайгинской городской думы в целях борьбы с распространением тифа было решено выделить и оборудовать на станции один вагон, в котором предполагалось проводить осмотр останавливающихся в Тайге пассажиров⁵⁰. Дополнительные меры Тайгинское самоуправление приняло 26 января 1919 г. Участники заседания признали необходимым устроить в городе дезинфекционную камеру. Для изоляции заразных больных было решено осмотреть дом Нуяввина. Земству было поручено дать в аптеки лекарства и отдельного врача⁵¹.

Вскоре органы местного самоуправления поняли, что своими силами справиться с эпидемией невозможно. В феврале 1919 г. Мариинское городское самоуправление попросило у МВД на борьбу с тифом 67 тыс. руб. Министерство потребовало обосновать расходы. В свою очередь, Томская губернская земская управа дала денег на организацию 10 больничных коек⁵². Принятые меры оказались недостаточными. 30 августа 1919 г. Мариинская городская дума решила построить заразный барак на 25 коек⁵³. 7 октября 1919 г. она поставила перед МВД вопрос о необходимости строительства в городе бани, прачечной и дезинфекционных камер⁵⁴.

В начале сентября 1919 г. Томская губернская объединенная санитарно-исполнительная комиссия избрала комиссию по постройке в Тайге заразной больницы. В ее состав вошли заведующий больницей уездный врач санитарного бюро Л. И. Рубинштейн, врач Тайги Вагин, заместитель председателя Томской уездной земской управы Д. Л. Рубанов, заведующий строительным отделом Томской губернской земской управы Хайницкий, правительственный инспектор Постников, Тайгинский городской голова Шпунтович, член Тайгинской городской управы Колесников, податной инспектор Тайгинского участка и Тайгинский железнодорожный инженер-строитель Лебедев⁵⁵.

Принимались меры по приобретению анти tifозной сыворотки. К сентябрю 1918 г. было направлено 145 флаконов с сывороткой в Мариинский (в Колыон – 80, в Мариинскую волость – 55, в Тисуль – 10) и 146 флаконов в Кузнецкий (в Борисовскую волость – 36, в Бачатскую – 30 и Усть-Истикимскую – 80) уезды⁵⁶.

Кроме тифа, были случаи заболевания оспой. В феврале 1919 г. на Кемеровском руднике отмечено 23 случая оспы, шесть заболевших умерло⁵⁷. Газеты сообщали о заболеваниях, которые из-за отсутствия специалистов не были диагностированы. В сентябре 1918 г. председатель Мунгатской волостной земской

управы Кузнецкого уезда К. Д. Харитонов сообщил, что в селе Борисово за два дня, 11-12 сентября, похоронено 15 человек, умерших от жесточайшего поноса и судорог. Автор газетной статьи Я. Потоцкий по этому поводу писал: «Оторванность уезда от волостей и отсутствие медицинской помощи ярко бросается в глаза»⁵⁸.

Власти принимали меры по улучшению эпидемиологической ситуации в населенных пунктах. В декабре 1918 г. мариинская газета «Звено» опубликовала статью о борьбе с бешенством собак⁵⁹. 13 марта 1919 г. на заседании Кузнецкой городской думы обсуждался вопрос о приобретении во избежание холеры крысиной отравы. Решили ассигновать на ее покупку до 1500 руб. Однако пользователи должны были компенсировать городской управе ее стоимость⁶⁰.

В начале октября 1918 г. Мариинская городская управа организовала ассенизационный обоз. Он предназначался для обслуживания зданий и обывателей по очереди. Запись проходила в городской управе. Плата с выгребной ямы составляла 15 руб., с ящика – 7 руб.⁶¹

Определенные проблемы доставляли городские бани. Газета «Звено» осенью 1918 г. сетовала на то, что в торговых банях Мариинска подорожало электрическое освещение. Для экономии на освещении владельцы бань изменили время их работы: с 28 сентября они принимали посетителей с 10 утра и только до 5 вечера, в то время как многие граждане в это время еще работают⁶². В октябре 1918 г. мариинская газета «Звено» сообщила о том, что из бань Гуревича сток нечистот осуществляется прямо в реку Кия, поэтому жителям улицы Береговой приходится далеко ходить за водой⁶³.

Свои меры 26 января 1919 г. приняло Тайгинское самоуправление. Гласные городской думы предложили содержателям бань топить их ежедневно. Они должны были держать в чистоте помещения, особенно общие отделения. Земцы сделали банщикам замечание, что в банях торгуют вином и там же находятся проститутки⁶⁴.

Даже в условиях войны предпринимались меры по оздоровлению населения. В 4-х верстах от станции Тутальская располагался санаторий Томской железной дороги. В первой половине августа 1919 г. в нем отдыхало 100 детей и 40 взрослых. Корреспондент газеты «Сибирская жизнь» отметил, что в детских комнатах «не чисто», следует провести водопровод, организовать занятия гимнастикой и оборудовать террасу для принятия солнечных ванн. Кроме того, само здание нуждалось в ремонте⁶⁵.

Медицинскую помощь жителям региона оказывал небольшой штат специалистов. В сентябре 1918 г. на Антибесских заводах врач принимал только два часа в неделю: по четвергам с 4 до 6 часов. Фельдшерского приема не было вовсе⁶⁶. Тяжелая ситуация сложилась в поселке Яшкино. 6 апреля 1919 г. военный министр доложил председателю Совета министров о том, что врачебная помощь на заводе товарищества «Сибирцемент» осуществляется единственным врачом – Ильей Семеновичем Славиним. Он обслуживал не только заводскую больницу, но и заразные бараки. Более 2 тыс. рабочих и членов их семей, по мнению министра, оказались лишенными нормальной врачебной помощи. Необходим был дополнительный персонал⁶⁷.

Продолжавшаяся война обусловила нехватку врачей. К середине сентября 1918 г. в Мариинске в армию их было призвано 12. Не считая персонал железнодорожной больницы, в городе осталось 4 специалиста. Они не могли в полном объеме оказывать врачебную помощь. Городская управа обратилась с просьбой к правительству освободить от призыва хотя бы 5 врачей⁶⁸.

Органы местного самоуправления принимали меры по заполнению вакансий медицинского персонала. На заседании Кузнецкой городской думы 20 сентября 1918 г. обсуждался вопрос о приглашении городского врача с окладом 3000 руб. в год. На него же предполагалось возложить обязанности школьного врача. Фельдшер при городской управе планировалось упразднить⁶⁹. В январе 1919 г. Щегловская уездная земская управа объявила о приглашении в Щегловскую участковую больницу врача-хирурга с окладом 6000 руб. в год. В Брюхановскую больницу требовались школьный фельдшер и акушерка с окладами по 4500 руб. в год⁷⁰.

Кроме того, земство старалось более эффективно использовать имеющийся медицинский персонал. В августе 1918 г. первое Мариинское уездное земское собрание обсуждало вопрос о переносе врачебного пункта из Тайги в село Романово, где он был более необходим⁷¹.

Нехваткой специалистов воспользовался ротный фельдшер И. Грузев. В сентябре 1918 г. на железнодорожной станции Юрга для того, чтобы получить более высокий гонорар, он выдавал себя за доктора⁷².

Даже в условиях войны земство предпринимало меры для ремонта имеющихся и строительства новых лечебных учреждений. В сентябре 1918 г. отменили предполагавшийся перевод лечебницы из села Просково, на необходимый ремонт было отпущено 1,5 тыс. руб.⁷³

По состоянию на 1 декабря 1918 г. в Мариинском уезде были в наличии почти все медицинские работники. Количество медицинских коек в Мариинске, Итате, Боготоле, Зырянке увеличилось до 10 в каждой больнице. Открылись лечебницы на 5 коек в Мало-Песчанке, а также фельдшерский пункт в Тюменевском.

В декабре 1918 г. в газете «Звено» обсуждался вопрос об открытии в Мариинском уезде еще одной больницы. Жители поселка Керенского и села Валерьяновского высказались за то, чтобы она была в Керенском. Уездный земский съезд выступал за Тяжин, в пользу которого было то, что поселок расположен на сухом высоком месте. Его окружали села Валерьяновское, Тяжино-Вершинское, Преображенское, Знаменское, Почетаевское, Ступичинское, Тяжинское. В поселке имелись необходимый земельный участок под строительство и помещение для временной аренды. Важным являлось и то, что здесь располагались почта, телеграф, сберкасса, сельскохозяйственный склад, контора и склад кооперативных лавок, элеватор, желез-

нодорожная станция. Это были те места, куда часто приезжали крестьяне. Пользуясь случаем, они могли посетить врача.

В октябре 1918 г. открытие земских больниц в Тяжине и Чумае задержалось из-за нехватки медикаментов⁷⁴. Только в декабре 1918 г. в Тяжине появилось лечебное заведение⁷⁵.

11 сентября 1919 г. Мариинская еврейская община в собственном здании устроила лазарет на 50 коек. В распоряжении персонала были операционный зал, ванная комната, кухня и теплая уборная. Содержание лазарета осуществлялось за счет общинных средств. На его открытии раввин Голубчик назвал эту инициативу исполнением долга перед воинами⁷⁶.

Состояние образовательных учреждений в регионе было неодинаковым. Менее развита эта сфера была в Кузнецком уезде. С 17 июня по 24 июля 1918 г. в нем побывал инструктор А. Потоцкий. По его сведениям, на 4263 хозяйства, насчитывавших 22 220 человек, приходилось 3 церковно-приходских школы. Занятия в школах посещало 20% детей⁷⁷.

Иная картина была в Мариинском уезде. Исполнявший обязанности управляющего Мариинским уездом доложил 24 ноября 1919 г. управляющему Томской губернией о том, что в уезде 266 одноклассных, 14 – двухклассных, 9 – одноклассных городских школ. Кроме того, в Мариинске были еврейская и мусульманская школы⁷⁸.

О функционировании учебных заведений можно судить по газетным публикациям. В начале сентября 1918 г. «Сибирская жизнь» писала, что школы, размещенные в частных домах на Кольчугинской железной дороге, впадают в жалкое существование. Школьных помещений не хватает⁷⁹. В сентябре 1918 г. жители села Бороковское Мариинского уезда жаловались, что в их волости одна школа и одна учительница. Внешкольного образования не было вовсе⁸⁰. В октябре 1918 г. одна из томских газет писала об отсутствии помещения под школу на Судженских коях⁸¹. Трудности с помещениями коснулись и Мариинской женской гимназии. Занятия здесь начались 1 октября 1918 г. В некоторых классах было по 60-80 учениц⁸², что делало невозможной нормальную организацию учебного процесса.

Большинство населенных пунктов все еще оставались без школ. В таких случаях родители просили жителей соседних сел, где имелись школы, разрешить своим детям посещать их. В начале октября 1918 г. Кузнецкий сельский сход Мариинского уезда предоставил право посещения своей школы детьми из окрестных сел. За это родителей обязали поставлять одну сажень дров или 15 руб. на их покупку, местные жители платили за своих детей меньше⁸³.

Не менее важной, чем помещения для школ, была проблема учительских кадров. Штатные должности преподавателей средних специальных учебных заведений замещались на конкурсной основе. 18 сентября 1918 г. в соответствии с постановлением Временного Сибирского правительства состоялись перевыборы педагогов Мариинской женской гимназии. Участниками голосования были члены педагогического совета и представители родительского комитета. Гимназистов к выборам не привлекали. Из 15 педагогов не был избран один – математик Анчуков⁸⁴. На заседании педагогического совета 29 сентября 1918 г. начальником гимназии большинством в 2/3 голосов избрали преподавателя математики Л. К. Суслугину. Она окончила естественное отделение Томских высших женских курсов и много лет работала в начальной школе. В 1917-1918 гг. она заведовала городским частным средним учебным заведением в Мариинске и возглавляла педагогический совет⁸⁵.

Коллектив гимназии участвовал в общественной жизни города. 27 ноября 1918 г. в общественном собрании Мариинска состоялся вечер памяти, посвященный 100-летию со дня рождения И. С. Тургенева. Его организаторами выступили учащиеся Мариинской женской гимназии⁸⁶.

В октябре 1918 г. появился новый директор и в Мариинской смешанной гимназии – Артюхов. Местная газета отметила, что его предшественник – Купорт – оставил учебное заведение в неблагоприятном положении. Теперь классными наставниками будут и мужчины и женщины, вакансии будут замещаться профессиональными преподавателями петербургских гимназий и Тенишевского училища. Преподавателем французского языка станет выпускница Петроградских педагогических курсов М. А. Лохвицкая-Скалон⁸⁷. Ученики планировалось заимствовать из пансионской библиотеки 1-й мужской гимназии Томска. Плата за обучение предполагалась сравнительно небольшая – 50 руб. в год. Это открывало двери в гимназию детям малоимущих родителей⁸⁸.

Новый заведующий появился и в Мариинском городском высшем начальном училище. В начале 1918-1919 учебного года оставил службу прежний заведующий – А. Г. Кузнецов, находившийся на этом посту 10 лет. По словам газеты, «он стал старшим другом и человеком, понимающим запросы молодежи». Родители горько сожалели о его уходе⁸⁹.

В первой половине сентября 1918 г. состоялось организационное заседание школьного совета при Мариинской уездной земской управе. Всего было подано 141 прошение, удовлетворено – 85. Среди принятых: 2 педагога со специальным педагогическим образованием и практикой, 6 окончили 8 классов гимназии и также имели педагогическую практику, 20 окончили от 7 до 8-ми классов, но не имели практики, у 17 было звание учителя и практика работы, 13 окончили Кольчонское двухклассное училище и у них был педагогический опыт, 27 закончили тоже училища, но опыта не имели⁹⁰.

Земство старалось содержать на учительских должностях добросовестных специалистов. В ноябре 1918 г. появилась статья в газете «Звено» о том, что в селе Рюриковском Троицкой волости Мариинского уезда учительница много работает по дому и мало бывает в школе. Родители просили заменить ее учите-

лем⁹¹. В волостном селе Поваренкино осенью 1918 г. школой заведовал священник. Вскоре его перевели в другое место⁹².

Если в Мариинске был выбор при заполнении вакансий, то в женском высшем начальном училище Кузнецка в сентябре 1919 г. были свободные места преподавателей⁹³. Эта разница, на наш взгляд, объясняется расположением Мариинска на Транссибирской железнодорожной магистрали и наличием большого числа беженцев.

Заполнению вакансий квалифицированными специалистами мешало несколько причин. Во-первых, возникла проблема с выплатой жалования учителям. Особую остроту придавала ей инфляция, вызванная войной. Власти всех уровней пытались повлиять на ситуацию. Постановлением Совета министров Временного Сибирского правительства от 27 июля 1918 г. была повышена ставка учителям. Теперь учитель низшего начального училища стал получать 2100 руб. в год, а также квартирные в размере 600 руб. Законоучитель и учитель пения стали получать по 300 руб. Были повышены выплаты за выслугу лет. Однако, как справедливо писала газета «Звено», учителя все равно оставались плохо обеспеченными⁹⁴. Свой вклад в финансирование народного образования вносило земство. Во втором полугодии 1918 г. затраты на эти цели составили 1360 тыс. руб.⁹⁵

На заседании Щегловского городского самоуправления 2 октября 1918 г. было решено выделить гимназии на 1918-1919 учебный год 85 700 руб. Выделялись квартиры начальнице гимназии и педагогическому персоналу. Преподавателю за 12 уроков платили 3000 руб. За нагрузку от 13 до 20 часов – 1500 руб. Учителя получали три пятилетние прибавки по 800 руб. за выслугу лет. Начальница гимназии получала 5100 руб. в год. Однако за квартиру она платила из своих средств⁹⁶. На заседании Кузнецкой городской думы 8 октября 1918 г. было решено повысить жалование учителям городских низших начальных училищ на 50 руб.⁹⁷

Несколько иначе дело обстояло в Мариинске. Местное самоуправление не торопилось повышать жалование педагогам. В результате, 20 октября 1918 г. в редакцию газеты «Звено» поступило обращение правления Мариинского учительского союза (председатель А. Перетятыко) к Мариинской уездной земской управе. В нем содержалась просьба «удовлетворить учителей жалованием» в 300 руб. с июля 1918 г.⁹⁸

Во-вторых, педагоги подвергались насилию в годы гражданской войны. В конце мая 1918 г. Томская губернская земская управа заслушала доклад председателя школьного совета. Он сообщил об истязании и расстреле отрядом капитана Альдмановича в селе Крапивино Кузнецкого уезда учителей П. А. Петаковича и С. З. Тихонова. Офицеры объясняли это тем, что учителя находились под стражей и пытались бежать⁹⁹.

В феврале 1919 г., несмотря на распоряжение прокурора Томского окружного суда, содержался под арестом учитель мариинской кооперативной школы П. Н. Маслов. Он был взят под стражу по распоряжению начальника гарнизона. Мариинский союз кооперативов обратился по этому поводу с протестом в Закупсбыт¹⁰⁰.

На педагогов нападали отряды партизан. Только за первое полугодие 1919 г. от их рук погибло 6 учителей¹⁰¹.

Третья причина состояла в нехватке самого необходимого для учебы. По данным на конец сентября 1918 г., для всех учебных заведений Мариинского уезда требовалось 150 тыс. тетрадей и 15 тыс. карандашей. Местная газета выразила надежду, что все это можно привезти из Новониколаевска¹⁰². В начале ноября 1919 г. было мало учебников в школах Щегловского уезда, а земство для их покупки денег не имело¹⁰³. В ноябре 1918 г. был оформлен кредит в 3 тыс. руб. для приобретения книг для библиотеки Мариинской смешанной гимназии¹⁰⁴.

Органы самоуправления традиционно держали вопросы развития образования под своим контролем. В октябре 1918 г. состоялся Томский губернский крестьянский съезд, на котором обсуждался вопрос о школах. Особое внимание было уделено Мариинскому уезду¹⁰⁵. На 5 марта 1919 г. было назначено начало работы Томского губернского съезда деятелей народного образования¹⁰⁶.

На заседании Кузнецкой городской думы 9 сентября 1918 г. представителями в педагогический совет гимназии были выбраны член управы Ф. Н. Рожков и В. Е. Котельников¹⁰⁷. В первой половине сентября 1918 г. на организационном заседании школьного совета при Мариинской уездной земской управе председателем был избран И. А. Двинянинов, товарищем председателя И. Н. Марков, секретарем Г. Г. Табаровский. В исполнительное бюро вошли И. А. Двинянинов, Н. В. Ковалевский, В. Ф. Варжинский¹⁰⁸.

Принимались меры и по ремонту, строительству зданий учебных заведений. К октябрю 1918 г. было отремонтировано здание Мариинской женской гимназии. Тогда же Мариинская городская управа направила в Томск Литовкина за разрешением на открытие ремесленного училища. Земельный участок и кредит уже были получены¹⁰⁹. Тюменское волостное земское собрание поставило перед Мариинской уездной земской управой вопрос об открытии с 1 октября 1918 г. высшего начального училища. Управа выделила для этого 4 тыс. руб. на 3 месяца и бесплатное помещение. В хуторном поселке Юрьевском предполагалось открыть одноклассное сельское училище¹¹⁰. Осенью 1918 г. начались занятия в Мариинской кооперативной школе¹¹¹. 17 ноября 1918 г. в деревне Третьякова Тисульской волости Мариинского уезда начались занятия в воскресной школе для взрослых¹¹².

В Мариинске ощущалась необходимость открытия гимназии для мальчиков, так как ближайшее такое учебное заведение находилось в Томске. В начале 1918-1919 учебного года в местной газете прозвучало, что в Барнауле уже есть гимназия даже для взрослых, а здесь не могут открыть ее для мальчиков. Примечатель-

на подпись под заметкой – «Один из ожидающих»¹¹³. Летом 1919 г. в Мариинске начала реализовываться идея открытия смешанной гимназии. В июне 1919 г. Мариинская городская дума создала комиссию по постройке здания гимназии. Председателем стал Артюхов, членами Начинкин, Марковский. Дума объявила, что приглашает в состав комиссии представителей уездного земства и общественных организаций¹¹⁴. В свою очередь, 2 сентября 1919 г. Мариинская уездная земская управа ассигновала средства для приобретения земельных участков для строительства начальных училищ. Так, на покупку мариинского участка № 2 было выделено 17 925 руб., колыонского – 13 568 и воскресенского – 9900¹¹⁵. Вскоре Мариинская уездная земская управа решила, что с 1 октября 1919 г. на ее территории будут низшие начальные училища¹¹⁶.

Динамично развивались учебные заведения на территории только что образованного Щегловского уезда. На заседании Щегловского городского управления 26 августа 1918 г. было решено открыть одноклассную школу на 200 детей и высшее начальное училище на 150 учащихся, которое должно было состоять из двух первых и подготовительного классов. Следовало подыскать помещения и пригласить учителей.

На заседании Щегловского городского управления 15 сентября 1918 г. речь шла уже о том, что Фогэ берет за организацию гимназии, директором которой он хочет быть¹¹⁷. В октябре 1918 г. в одной из газет появилось сообщение об открытии в Щегловске смешанной гимназии в составе первых трех классов¹¹⁸. Видимо, это учебное заведение было открыто, так как в марте 1919 г. в Щегловской городской думе рассматривался вопрос о передаче местной гимназии Министерству народного просвещения¹¹⁹.

6 ноября 1918 г. Щегловское городское управление выделило две десятины усадебной земли для среднего политехникума. Предложение о его строительстве сделал управляющий Министерством торговли и промышленности П. П. Гудков¹²⁰. В январе 1919 г. в селе Арсентьевском состоялся волостной сход. Его участники решили построить еще пять школ к имеющейся одной¹²¹.

Идея создания гимназии появилась и в Кузнецке. На заседании Кузнецкой городской думы 21 января 1919 г. было решено отвести под гимназию квартал № 14 Форштадта площадью 1500 кв. сажен¹²². 4 июня 1919 г. Кузнецкая городская дума решила просить разместить временно смешанную гимназию в канцелярии Высшего начального смешанного училища¹²³.

План открытия четырехклассной гимназии существовал в Тайге. 17 мая 1917 г. для ее размещения был определен казенный дом Петуховского лесничества. Акт передачи был подписан директором П. Буримовым 4 ноября 1917 г. В здании было 7 комнат, 2 коридора и теплая уборная. 29 июля 1918 г. член Томского губернского комиссариата Башмачников запросил Тайгинское городское общественное самоуправление о состоянии строения. Очевидно, оно было нужно для других целей. Башмачников указал на то, что для гимназии построен дом¹²⁴. Видимо идея о создании в этом городе среднего учебного заведения не осуществилась. На заседании Тайгинской городской думы 12 января 1919 г. было решено выдать 5 вагонов соли, поступившей в адрес Тайгинского городского управления, для реализации Карпову. Условие было одно – с каждого проданного пуда один рубль отчислять на постройку гимназии¹²⁵.

Промышленные предприятия на севере Кузбасса являлись экскурсионными объектами для образовательных учреждений губернского центра. На 3 августа 1918 г. была назначена экскурсия Томских летних учительских курсов на Анжерские и Судженские копи, цементный завод станции Яшкино. Планировалось, что 400 человек в 8 специальных вагонах 2 августа в 9 вечера выедут из Томска и утром приедут на копи. Участников поездки просили взять подушки, одеяла, стакан и кружку, нож, мужской костюм. В экскурсии приняло участие 350 слушателей курсов. Они посетили Анжерские и Судженские каменноугольные копи. Профессор Н. С. Пенн продемонстрировал им различные механизмы, устройство шахты, оборудование спальной станции. 4 августа курсантки должны были вернуться в Томск¹²⁶.

Отношение населения к развитию образования было различными. Одна из томских газет в ноябре 1919 г. писала о том, что крестьяне Щегловского уезда охотно отдают детей в школы¹²⁷. В нескольких населенных пунктах жители добровольно принимали на себя часть забот об образовательных учреждениях. В сентябре 1918 г. крестьяне села Верх-Чумышское Романовской волости Кузнецкого уезда сообщили инструктору П. Зыкову, что очень нуждаются в развитии народного образования. В селе нет школы, поэтому детей учат по домам. В прошлую зиму в церковной сторожке собрали 50 учеников, но они простудились. Потом их перевели в свободный дом, однако там дети болели от печного дыма. Вскоре ученики разошлись по домам¹²⁸. В октябре того же года в селе Борисоглебское Тяжинской волости Мариинского уезда был проведен ремонт школы. Поставка дров была распределена по дворам¹²⁹.

В октябре 1918 г. подвел итог своей работы родительский комитет Мариинской женской гимназии. За минувший год была внесена годовая плата за обучение 46-ти учениц (1605 руб.), за обучение в течение 1-3-х месяцев – 398 руб., четверым ученицам были сшиты платья, двум куплены шубы, четырем ботинки (375 руб.). Всего было истрачено 2477 руб. из 3180 руб. Остаток средств был отложен на приобретение рояля или пианино¹³⁰.

В сборе средств для учебных заведений участвовали даже дети. 22 декабря 1918 г. в Итате состоялся детский спектакль. Чистый доход составил 140 руб. 51 коп. Вся сумма была передана на нужды Итатского двухклассного училища¹³¹.

Однако имелись и отрицательные примеры. К сентябрю 1918 г. в селе Тонгул Рубинской волости уже несколько лет шло строительство двухклассной школы. По сведениям газеты «Звено», подрядчик Сверлов из Мариинска распродал сырье¹³². В начале октября 1918 г. опустела Ново-Кайдатская школа Козеульской волости. Таких школ в уезде было мало: здание 25 аршин длиной и 21 аршин шириной, два больших класса,

общежитие, трехкомнатная квартира, просторная раздевалка, сторожка, теплая уборная и баня. Некоторое время назад школа опустела и окрестные жители начали ее разбирать. Уже сорваны двери, разворочены толки, разрушены печи, оконные рамы и жечь с печи похищены¹³³.

В селе Козеуль Мариинского уезда переселенческое управление построило отличное, по словам «Народной газеты», здание для двухклассного училища. Однако обыватели не давали дров и угля, школа во второй половине сентября 1918 г. была закрыта. Надежды на возобновление ее работы не было¹³⁴. Примечательно, что это происходило в селе, вокруг которого стояла тайга. В конце декабря 1918 г. не оказалось дров в том же уезде и для Приметкинской школы. Газета «Звено» предупреждала, если через 7 дней топлива не будет, то школу придется закрыть¹³⁵.

Особой формой распространения знаний в те годы были народные университеты. 22 октября 1918 г. Мариинский союз кооперативов решил ассигновать на его создание 10 тыс. руб.¹³⁶ Уже 15 ноября 1918 г. в местной газете появилось объявление о его открытии. Планировались лекции по литературе, истории, кооперации, рабочему движению, естествознанию, счетоводству. Для удобства слушателей занятия планировалось проводить вечером¹³⁷. 20 января 1919 г. «Звено» уведомило читателей об открытии в Мариинске народного университета. Сначала занятия посещали 42 человека, а к 1 февраля их стало 156¹³⁸.

Вопрос о культурно-досуговой деятельности сибиряков в годы гражданской войны до сих пор достаточно не изучен. Исследователь В. В. Туев считает, что гражданская война нанесла огромный ущерб культуре и культурно-воспитательной работе в Кузбассе. Многие клубы закрывались, их работники физически уничтожались, имущество разграблялось¹³⁹.

Чтение книг было традиционным видом проведения свободного времени. Хотя 23 октября 1918 г. в газете «Звено» А. Дудин сетовал на отсутствие в Мариинске хорошей публичной библиотеки, кое-какие шаги в этом направлении предпринимались¹⁴⁰. По соглашению Совета и правления городского общества потребителей с правлением Союза кооперативов библиотека последнего стала общей. Она располагалась в бывшем магазине, библиотекарем вместо Голубчика стала Полуденцева¹⁴¹.

Крестьян пытались приучить к чтению книг. Автор статьи в одной из томских газет с горечью констатировал в сентябре 1918 г., что в селе Бороковском Мариинского уезда книг никто не читает¹⁴².

Свою заинтересованность в организации культурного досуга селян проявили кооперативные организации. 22 октября 1918 г. Мариинский союз кооперативов выделил 31,5 тыс. руб. на содержание не только вечерней школы, но и библиотек в 30 населенных пунктах Мариинского уезда¹⁴³. В начале 1919 г. Томское губернское объединение трудовых крестьян планировало открыть 12 библиотек в Верхотомской и Телеуцкой волостях¹⁴⁴.

В редких случаях сами крестьяне заботились о своем досуге. 27 октября 1918 г. в селе Ново-Подзорновском Мариинского уезда открыли библиотеку. Для этого из кооператива взяли прилавки, скамейки селяне сделали сами. Грамотные крестьяне читали книги вслух, а неграмотные – слушали. К сожалению, книг в библиотеке было мало и взять их было негде¹⁴⁵.

Нам в ходе исследования удалось установить наличие лишь одного книготоргового предприятия, осуществлявшего свою деятельность в рассматриваемый период. Речь идет о книжном киоске на станции Тайга. Однако корреспондент газеты «Сибирская жизнь» негативно отзывался о его ассортименте. По его словам, на прилавке располагалась «последняя дрянь» Суворина¹⁴⁶. Можно предположить, что такой киоск мог быть и на станции Мариинск.

Для пополнения фондов библиотек использовали любые источники. В начале октября 1918 г. в багажном отделении станции Мариинск хранилось несколько тюков старых газет. Редакция газеты «Звено» предложила передать газеты в читальню, как это делалось в Москве¹⁴⁷.

Следует отметить, что культурно-просветительная работа могла носить и политизированный характер. В начале мая 1919 г. в Мариинске была создана комиссия по распространению агитационной противобольшевистской литературы.

Все любители русской литературы отметили 8-ю годовщину со дня смерти Л. Н. Толстого. 20 ноября 1918 г. этой скорбной дате был посвящен почти весь разворот газеты «Звено». Под статьями стояли подписи авторов-мариинцев (Т-ов, Че, Анна Федорова)¹⁴⁸.

Центром культурной жизни крупнейшего города Кузбасса Мариинска был Народный дом, работа которого была прервана при большевиках. 17 сентября 1918 г. вновь состоялось открытие Народного дома. Сезон начался спектаклем А. М. Рябцева. По его окончании играл приглашенный духовой оркестр. Распорядителями на вечере были Гвиздон и Козицкий. Любители Мариинского драматического кружка готовили к постановке спектакль по пьесе Птибышевского «Ради счастья»¹⁴⁹. Возобновление деятельности Народного дома не оставило жителей города равнодушными. Своей радостью по этому поводу на страницах городской газеты поделился автор, почему-то скрывшийся под подписью «Х»¹⁵⁰. Т. Охотников в октябре 1918 г. уверял, что идея возобновления работы Народного дома в Мариинске встретит сочувствие населения¹⁵¹.

Сбор от продажи билетов на первый спектакль организаторы направили на ремонт здания, которое обветшало за время простоя. В сентябре 1918 г., желая помочь городу, Мариинский союз кооперативов выделил ссуду в 1 тыс. руб. на ремонт Народного дома¹⁵².

Расходы на основную деятельность вынудили в начале октября 1918 г. Совет Народного дома на непродолжительный шаг. Было решено сдавать помещение общественным организациям и частным лицам. Для первых арендная плата была установлена в 10%, для вторых – 20%¹⁵³.

Наиболее полубившейся формой проведения вечеров стала подготовка и показ спектаклей. 27 сентября 1918 г. товариществом К. И. Бреславского и К. Г. Табаровского был поставлен первый спектакль М. К. Лисенко-Конюч «В житейском угаре». В представлении были заняты как профессионалы, так и любители¹⁵⁴.

К началу декабря 1918 г. при мариинском Народном доме возобновила свою работу драматическая секция. Планировалось открытие драматических курсов, проведение лекций по театральному искусству¹⁵⁵.

В начале декабря 1918 г. был сформирован Совет мариинского Народного дома. В него вошли Охотников, Ковалевский, Копылов, Перетягко, Сенкевич, Лездин, Владимирова. Они заявили, что скоро, возможно, начнет свою работу студия живописи, графики и рисования. Однако для ее успешной деятельности нужна поддержка¹⁵⁶.

Главная сцена города предоставлялась и молодежи. 17 ноября 1918 г. в Народном доме учащиеся поставили пьесу Островского и Соловьева «Сцены из провинциального захолустья». Зрители положительно оценили юные дарования¹⁵⁷.

Спектакли, проходившие в Народном доме, имели своего рецензента. Им был автор местной газеты И. Толмачев. 20 сентября 1918 г. он критически отозвался о недавнем спектакле. По его мнению, роли оказались не по силам ни Е. С. Райской, ни Т. Тайской, ни Д. Татаркину¹⁵⁸. Хорошо исполненным спектаклем назвал И. Толмачев пьесу Е. А. Цветкова из репертуара Литейного театра Петрограда, поставленную Интимным театром в октябре 1918 г. Однако и в этом случае рецензент остался недоволен выбором пьесы¹⁵⁹.

Не все были довольны работой Народного дома. В конце сентября 1918 г. здесь состоялся бал-маскарад. Очевидец сообщал в газете, что «костюмов было мало, а вырезов не в меру много»¹⁶⁰. 10 ноября 1918 г. один из авторов городской газеты укорил активистов Народного дома за то, что они не отметили 25-летие смерти П. И. Чайковского и 100-летие со дня рождения И. С. Тургенева¹⁶¹. 15 ноября 1918 г. местная газета известила о том, что «ввиду повышения недовольства Народным домом» инициативная группа соберется в кинотеатре «Фурор» 17 ноября 1918 г.¹⁶² Конфликт получил продолжение. В первой половине января 1919 г. Мариинское правление Союза кооперативов высказалось за открытие в городе второго Народного театра¹⁶³. Можно предположить, что основной причиной раздора стала репертуарная политика и неудовлетворенные амбиции режиссеров и актеров.

В конкуренцию с Народным домом вступил культурно-просветительный отдел при начальнике гарнизона Мариинска. Он был создан в конце октября 1919 г. по инициативе местного журналиста А. К. Соколова. Отдел проводил музыкально-драматические вечера. Дважды состоялся солдатские бесплатные вечера. В плане значились выпуск своей газеты, создание постоянного театра¹⁶⁴.

Осенью 1918 г. возможности культурного проведения досуга мариинцев едва не сократились. На заседании Мариинской городской думы 24 сентября 1918 г. было решено безвозмездно реквизировать здание Мариинского общественного собрания. В дело вмешался Томский губернский комиссар. В циркуляре от 21 ноября 1918 г. он напомнил Мариинской городской управе, что Временное Сибирское правительство не давало им таких полномочий¹⁶⁵.

Культурно-просветительский кружок работал в селе Поломошном¹⁶⁶. В конце октября 1919 г. в поселке Судженских копей в местном театре организовали любительский спектакль¹⁶⁷.

К сожалению, остальные жители Кузбасса были лишены даже таких развлечений. К февралю 1919 г. в Томском уезде существовало лишь 5 культурно-просветительских обществ. Одно из них было в Попереченской волости. В Юрге только шли разговоры о создании Народного дома¹⁶⁸.

Даже в условиях гражданской войны многие кузбассовцы могли приобщиться к кинематографу. В сентябре 1918 г. Манусевич открыл в Мариинске кинотеатр «Фурор». Электростанцию он разместил в деревянном сарае, мотор работал на керосине, поэтому было очень много дыма и неприятный запах, что вызвало возмущение местных жителей¹⁶⁹.

На заседании Кузнецкой городской думы 13 декабря 1918 г. слушался вопрос об отводе участка земли Кошкину для постройки «театра-кинематографа». Его предполагалось разместить на углу Крепостной улицы и Продольного переулка, на участке площадью 65 кв. сажень. Дума установила плату за эксплуатацию земли – 1000 руб. в год¹⁷⁰.

Во второй половине августа 1919 г. американские солдаты организовали на железнодорожной станции Тайга бесплатный просмотр фильмов о войне. В репертуаре были и политические ленты¹⁷¹.

Жители Мариинска имели неоспоримое преимущество в возможности приобщения к культуре. Город располагался на Транссибирской железнодорожной магистрали, поэтому гастролеры не могли его миновать. 25 сентября 1918 г. в городской газете появился анонс о приезде «Петроградского камерного ансамбля лауреатов и свободных художников»¹⁷². Концерт понравился слушателям, салонный зал, в котором проходил концерт, был переполнен¹⁷³. Иной отзыв заслужил концерт М. И. Шумяцкой. Он состоялся в конце сентября 1918 г. в зале Народного дома. В представлении участвовали пианист Петр Орлик и баритон И. П. Дольский. Безымянный автор рецензии отметил, что певица как исполнительница русских песен незаметна, лучше бы ей было не приезжать¹⁷⁴.

Хорошие отзывы вызвали гастроли Петроградского передвижного театра «Зеленое кольцо». О них 1 декабря 1918 г. известила городская газета¹⁷⁵. В тот же день в Народном театре Мариинска состоялась лекция «Творческий театр». С ней выступил режиссер театра А. Н. Александринский¹⁷⁶. Корреспондент «Зве-

на» И. Толмачев положительно отозвался о спектаклях «Зеленого кольца» и выразил благодарность творческому коллективу за посещение Мариинска¹⁷⁷.

6 и 7 ноября 1918 г. Народный дом принимал скрипача. Им был директор Омского музыкального училища В. Графман¹⁷⁸. На второй день был представлен дуэт скрипки и пианино. Партнершей В. Графмана была Дина Графман. Корреспондент отметил прекрасное исполнение Паганини, Крейсера, Сарасате и Венявского¹⁷⁹. В начале декабря 1918 г. в Мариинске с успехом прошел концерт Б. А. Мальского. Аплодисменты в тот день вызвало и выступление скрипача М. А. Фаркача¹⁸⁰.

Общественность Мариинска волновал вопрос использования свободного времени детьми. 27 сентября 1918 г. в местной газете была опубликована статья А. Т. с размышлениями о том, чем занять досуг детей¹⁸¹. В декабре та же газета пригласила тех, кто готов заняться «разумными развлечениями детей», записаться в комитете профсоюза у Ивана Ивановича Лездина¹⁸².

Мы располагаем двумя примерами организации детского досуга. В первом случае это сделали сами дети. В конце сентября 1918 г. в редакцию мариинской газеты «Звено» пришли девочки Феня Садовникова, Зина Ломакина, Тоня Расторгуева, Шура Лебедева и Анна Вьюкова. Они принесли выручку от своего спектакля в сумме 13 руб. 10 коп. Деньги предназначались на Народный дом¹⁸³. 27 декабря 1918 г. в Общественном собрании Мариинска состоялся вечер памяти И. С. Тургенева, организованный и проведенный учащимися Мариинской женской гимназии¹⁸⁴.

Вместе с тем Мариинская городская дума упустила хорошую возможность улучшить внешний вид города и предоставить горожанам приятное место для отдыха. Речь идет о создании набережной реки Кия. 23 октября 1918 г. в газете «Звено» об этом с горечью написал А. Дудин, отметивший, что благоустройство Мариинска «ниже всякой критики»¹⁸⁵.

Таким образом, анализ организации досуга в трех уездах Томской губернии не дает нам оснований согласиться с вышеприведенным мнением В. В. Туева. Культурно-просветительные учреждения Кузбасса существовали в те годы в трудных условиях, выполняя свое высокое предназначение.

Даже в период гражданской войны местное самоуправление находило возможности для организации спортивного и оздоровительного досуга. 4 октября 1918 г. в Народном доме в Мариинске осуществлялась запись на шахматный турнир. Взнос участника составлял 5 руб. Местная газета приветствовала это начинание¹⁸⁶. Организационное собрание по проведению шахматного турнира состоялось 4 октября 1918 г. Оказалось, что не хватает шахматных досок. Организаторы через газету обратились к горожанам за помощью.

Из 13-ти записавшихся на турнир явилось 8. Для награждения были установлены три жетона: золотой, большой и малый серебряные. Членами жюри турнира были названы И. В. Кашичкин, В. И. Комар и NN, кандидатом – М. В. Малютин. 4 октября начались игры¹⁸⁷.

С приходом зимы стало возможным заниматься исконно русскими развлечениями. 10 ноября 1918 г. Тайгинская городская дума ассигновала на каток учащихся школ 800 руб.¹⁸⁸ Несколько дальше пошли в Мариинске. В начале декабря 1918 г. совет Мариинского народного дома запланировал создание спортивной секции, катка и горки¹⁸⁹.

В организации спортивного досуга сибирякам было с кого брать пример. В воскресенье 27 июля 1919 г. на станции Тайга чешские военнослужащие устроили «Полевой день». В его программе были спортивные и гимнастические упражнения, среди них: «сокольская» гимнастика, бег в мешках, попарный бег со связанными смежными ногами. Много эмоций вызвало следующее состязание. Один партнер сидел на шее второго и держал руки за спиной, надо было столкнуть на землю другую такую же пару.

Площадка, на которой все это проходило, была красиво декорирована зеленью и национальными флагами. Состязания привлекли много зрителей. Однако автор газетного репортажа был недоволен тем, что колпак клоуна имел цвета российского флага и удивлялся, как присутствовавшие здесь чины комендатуры допустили такое¹⁹⁰. В октябре 1919 г. культурно-просветительный отдел при Мариинском гарнизоне поручил чешскому офицеру Соколу организовать спортивную секцию¹⁹¹.

Характерной и привычной чертой российской повседневности является употребление спиртных напитков, пьянство. Реалии гражданской войны усугубили этот процесс. Самым распространенным и доступным крепким спиртным напитком в те годы оставалась самосидка (самогон).

Масштабы распространения самогонварения и пьянства были впечатляющими. В сентябре 1918 г. жители села Бороковское Мариинского уезда сообщили о том, что у них «самосидка процветает»¹⁹². О поголовном пьянстве в некоторых деревнях писал в отчете инструктор-информатор Томской губернской земской управы А. Потоцкий после поездки с 17 июня по 24 июля 1918 г. в Кузнецкий уезд¹⁹³. Как массовое явление оценил самогонварение в своем циркуляре начальнику милиции губернии временно исполнявший обязанности Томского губернского комиссара¹⁹⁴.

Часть селян производила самогон для продажи. В сентябре 1918 г. в селе Верх-Чумышском Романовской волости Кузнецкого уезда цена бутылки самогона крепостью в 66° доходила до 8 руб.¹⁹⁵

Самогонварение имело еще один, но очень важный аспект. Для его изготовления требовалось зерно. По оценке А. Потоцкого, в 1918 г. только в Караканской и Александровской волостях Кузнецкого уезда его было на эти цели «испорчено» 65-75 тыс. пудов¹⁹⁶, в то время как в центральной России хлеба не хватало. Кроме того, самогон составлял серьезную конкуренцию продаже официальной винной продукции. В условиях войны это вело к недополучению значительных средств в бюджет.

Органы государственной власти и местного самоуправления предпринимали шаги для борьбы с пьянством. Прежде всего, они пытались активизировать фискальные органы. Однако, по признанию управляющего акцизными сборами в Томской губернии Красенского, акцизные чиновники с таким объемом работы справиться не могли. Только в 1916 г. ими было составлено 17 тыс. протоколов. Красенский отметил, что служба стала «рискованной» и пора организовывать для сбора акцизов особые отряды¹⁹⁷.

Власти пытались также составить конкуренцию самогоноварению для пополнения доходной части государственного бюджета. 4 февраля 1919 г. на совещании управляющих уездами Томской губернии было высказано пожелание о передаче сельским обществам права продажи вина на комиссионных началах¹⁹⁸. В марте 1919 г. Щегловская городская дума «нашла весьма желательной, ввиду большого распространения самогоноварения и траты хлеба, продажу спиртных напитков»¹⁹⁹.

Свой путь избрали в Кузнецке. 13 февраля 1919 г. Кузнецкий городской голова обратился к управляющему Томской губернией с просьбой об открытии в городе ресторана. 10 марта 1919 г. помощник управляющего губернией известил голову о передаче ходатайства в Томское губернское акцизное управление²⁰⁰.

К виновным применялись и административные меры. 10-14 ноября 1918 г. начальник Мариинской уездной милиции во время объезда сел и деревень изъял 98 самогонных аппаратов²⁰¹. Только 20 января 1919 г. в Мариинском уезде было выявлено 3 случая самогоноварения²⁰².

Даже сами селяне принимали решения о прекращении этого промысла. В сентябре 1918 г. начальник Мариинской уездной милиции получил приговоры сельских сходов о прекращении самогоноварения от Почитанской волостной земской управы и части Краснореченской волости. Крестьяне просили милицию наказывать нарушивших решения сходов²⁰³.

Кроме того, шла речь об усилении ответственности. В июле 1918 г. 3-й Томский губернский крестьянский съезд предлагал повысить штрафы за пьянство, а полученные деньги отдавать земству²⁰⁴. Временно исполнявший обязанности Томского губернского комиссара указал начальнику милиции губернии принять все меры по реализации норм ст. ст. 1129-1155 Устава уголовного судопроизводства²⁰⁵. На совещании управляющих уездами Томской губернии, открывшемся в Томске 30 января 1919 г., было решено ходатайствовать о разрешении рассматривать в административном порядке дела о тайном винокурении²⁰⁶.

И наконец, высказывались предложения о восстановлении государственной монополии на производство и продажу спиртного. О необходимости такой меры писал инструктор-информатор Томской губернской земской управы А. Потоцкий²⁰⁷.

Эффективность этих мер оказалась невелика. Об этом сообщали в сентябре и октябре 1918 г. из сел Бороковское и Верх-Чумышское Романовской волости Мариинского и Кузнецкого уездов²⁰⁸. Омскому правительству так и не удалось справиться с этой проблемой²⁰⁹.

К сожалению, кроме социально значимых форм проведения свободного времени, привлекательным для сибиряков оказалось праздное времяпрепровождение. Стремление властей и общественности сделать более культурным досуг сограждан не имело большой поддержки и распространения у населения.

¹ См.: *Народная газета*. – 1918. – 27 сент.

² См.: *Сибирская жизнь*. – 1919. – 9 мая.

³ *Сибирская жизнь*. – 1919. – 24 июля.

⁴ См.: *Звено*. – 1918. – 13 окт.

⁵ См.: *Рышков В. М.* Экономическая политика контрреволюционных правительств Сибири (вторая половина 1918 – 1919 гг.); автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Новосибирск, 1998. – С. 13.

⁶ См.: *Звено*. – 1918. – 30 окт.

⁷ Там же. – 10, 13 нояб.

⁸ См.: *Народная газета*. – 1918. – 27 сент.

⁹ См.: *Сибирская жизнь*. – 1919. – 12 нояб.

¹⁰ См.: *Звено*. – 1918. – 22 дек.

¹¹ Там же. – 6 сент.

¹² Там же. – 20 сент.

¹³ См.: *Народная газета*. – 1918. – 6 окт.

¹⁴ См.: *Государственный архив Российской Федерации* (далее – ГАРФ). – Ф. 148. – Оп. 1. – Д. 22. – Л. 145.

¹⁵ См.: *Народная газета*. – 1918. – 12 дек.

¹⁶ См.: *Балибалов И. А.* Кемерово: вчера, сегодня завтра. – Кемерово, 1976. – С. 34.

¹⁷ См.: ГАРФ. – Ф. 176. – Оп. 1. – Д. 72. – Л. 3.

¹⁸ См.: *Дмитриев Н. И., Смирнов С. В.* Жертва общественного долга // *Белая армия. Белое дело: исторический научно-популярный альманах*. – Екатеринбург, 2000. – № 8. – С. 77.

¹⁹ См.: *Государственный архив Томской области* (далее – ГАТО). – Ф. 1362. – Оп. 1. – Д. 398. – Л. 7.

²⁰ См.: *Звено*. – 1918. – 8 нояб.

²¹ См.: ГАТО. – Ф. 1362. – Оп. 1. – Д. 427. – Л. 11.

²² См.: *Голос Сибири*. – 1919. – 23 февр.

²³ См.: *Сибирская жизнь*. – 1919. – 3 авг.

²⁴ См.: *Вестник Томской губернии*. – 1919. – 14 марта.

²⁵ См.: *Звено*. – 1918. – 29 сент.

²⁶ Там же. – 4 окт.

²⁷ См.: *Народная газета*. – 1918. – 22 окт.

²⁸ См.: ГАТО. – Ф. 1362. – Оп. 1. – Д. 427. – Л. 7.

-
- ²⁹ См.: *Звено*. – 1918. – 20 сент.
- ³⁰ Там же. – 11 окт.
- ³¹ См.: *Сибирская жизнь*. – 1918. – 26 сент.
- ³² Там же. – 1919. – 10 сент.
- ³³ См.: *Народная газета*. – 1918. – 18 сент.
- ³⁴ См.: *Рынков В. М.* Финансовая политика антибольшевистских правительств на востоке России (вторая половина 1918 – начало 1920 гг.). – Новосибирск, 2006. – С. 198.
- ³⁵ См., напр.: *Мелянченко Н. Б., Горелов Ю. П.* Здравоохранение // Историческая энциклопедия Кузбасса. – Познань, 1996. – Т. 1. – С. 226.
- ³⁶ См.: *Сибирская жизнь*. – 1918. – 8 авг.
- ³⁷ Там же.
- ³⁸ См.: *ГАТО*. – Ф. 1362. – Оп. 1. – Д. 147. – Л. 8(об).
- ³⁹ См.: *Народная газета*. – 1918. – 18 сент.
- ⁴⁰ См.: *Звено*. – 1918. – 1 нояб.
- ⁴¹ См.: *Вестник Томской губернии*. – 1919. – 17 февр.
- ⁴² См.: *Народная газета*. – 1918. – 6 окт.
- ⁴³ См.: *Народная газета*. – 1918. – 3 сент.
- ⁴⁴ См.: *ГАТО*. – Ф. 1362. – Оп. 1. – Д. 145. – Л. 1.
- ⁴⁵ См.: *Сибирская жизнь*. – 1919. – 23 февр.
- ⁴⁶ См.: *Голос Сибири*. – 1919. – 6 февр.
- ⁴⁷ См.: *Вестник Томской губернии*. – 1919. – 17 марта.
- ⁴⁸ См.: *ГАТО*. – Ф. 1362. – Оп. 1. – Д. 146. – Л. 2.
- ⁴⁹ Там же. – Д. 145. – Л. 1.
- ⁵⁰ Там же. – Д. 453. – Л. 5.
- ⁵¹ Там же. – Д. 350. – Л. 3-3(об).
- ⁵² См.: *Вестник Томской губернии*. – 1919. – 28 февр.
- ⁵³ См.: *ГАТО*. – Ф. 1362. – Оп. 1. – Д. 146. – Л. 8.
- ⁵⁴ Там же. – Л. 11.
- ⁵⁵ См.: *Сибирская жизнь*. – 1919. – 9 сент.
- ⁵⁶ См.: *Народная газета*. – 1918. – 3 сент.
- ⁵⁷ См.: *Вестник Томской губернии*. – 1919. – 14 февр.
- ⁵⁸ *Народная газета*. – 1918. – 29 сент., 6 окт.
- ⁵⁹ См.: *Звено*. – 1918. – 1 дек.
- ⁶⁰ См.: *ГАТО*. – Ф. 1362. – Оп. 1. – Д. 426. – Л. 17.
- ⁶¹ См.: *Звено*. – 1918. – 4 окт.
- ⁶² Там же.
- ⁶³ Там же. – 20 окт.
- ⁶⁴ См.: *ГАТО*. – Ф. 1362. – Оп. 1. – Д. 350. – Л. 3-3(об).
- ⁶⁵ См.: *Сибирская жизнь*. – 1919. – 13 авг.
- ⁶⁶ См.: *Звено*. – 1918. – 20 сент.
- ⁶⁷ См.: *ГАРФ*. – Ф. 176. – Оп. 1. – Д. 72. – Л. 16.
- ⁶⁸ См.: *Звено*. – 1918. – 13 сент.
- ⁶⁹ См.: *ГАТО*. – Ф. 1362. – Оп. 1. – Д. 427. – Л. 12.
- ⁷⁰ См.: *Голос Сибири*. – 1919. – 19 янв.
- ⁷¹ См.: *Народная газета*. – 1918. – 1 сент.
- ⁷² См.: *Сибирская жизнь*. – 1918. – 10 сент.
- ⁷³ См.: *Народная газета*. – 1918. – 18 сент.
- ⁷⁴ См.: *Звено*. – 1918. – 2 окт.
- ⁷⁵ Там же. – 4, 15, 27 дек.
- ⁷⁶ См.: *Сибирская жизнь*. – 1919. – 17 окт.
- ⁷⁷ См.: *ГАРФ*. – Ф. 1561. – Оп. 1. – Д. 375. – Л. 19.
- ⁷⁸ См.: *ГАТО*. – Ф. 1362. – Оп. 1. – Д. 56. – Л. 46(об).
- ⁷⁹ См.: *Сибирская жизнь*. – 1918. – 18 сент.
- ⁸⁰ См.: *Народная газета*. – 1918. – 18 сент.
- ⁸¹ Там же. – 17 окт.
- ⁸² См.: *Звено*. – 1918. – 2 окт.
- ⁸³ См.: *Народная газета*. – 1918. – 20 окт.
- ⁸⁴ См.: *Звено*. – 1918. – 20 сент.
- ⁸⁵ Там же. – 4 окт.
- ⁸⁶ См.: *Звено*. – 1918. – 29 дек.
- ⁸⁷ См.: *Возрождение* (Париж). – 1935. – 27 мая.
- ⁸⁸ См.: *Звено*. – 1918. – 30 окт.
- ⁸⁹ См.: *Народная газета*. – 1918. – 25 окт.
- ⁹⁰ См.: *Звено*. – 1918. – 13 сент.
- ⁹¹ Там же. – 8 нояб.
- ⁹² См.: *Народная газета*. – 1918. – 25 окт.
- ⁹³ См.: *Сибирская жизнь*. – 1919. – 17 сент.
- ⁹⁴ См.: *Звено*. – 1918. – 4 окт.
- ⁹⁵ См.: *Сибирская жизнь*. – 1918. – 8 авг.

-
- ⁹⁶ См.: *ГАТО*. – Ф. 1362. – Оп. 1. – Д. 162. – Л. 9(об).
⁹⁷ Там же. – Д. 427. – Л. 17.
⁹⁸ См.: *Звено*. – 1918. – 30 окт.
⁹⁹ См.: *Сибирская жизнь*. – 1918. – 11 июля.
¹⁰⁰ См.: *Голос Сибири*. – 1919. – 18 февр.
¹⁰¹ См.: *Сибирская жизнь*. – 1919. – 16 сент.
¹⁰² См.: *Звено*. – 1918. – 4 окт.
¹⁰³ См.: *Сибирская жизнь*. – 1919. – 15 нояб.
¹⁰⁴ См.: *Звено*. – 1918. – 22 нояб.
¹⁰⁵ Там же. – 18 окт.
¹⁰⁶ См.: *Сибирская жизнь*. – 1919. – 8 марта.
¹⁰⁷ См.: *ГАТО*. – Ф. 1362. – Оп. 1. – Д. 427. – Л. 10.
¹⁰⁸ См.: *Звено*. – 1918. – 13 сент.
¹⁰⁹ См.: *Звено*. – 1918. – 2 окт.
¹¹⁰ Там же. – 20 сент.
¹¹¹ Там же. – 9 окт.
¹¹² Там же. – 24 нояб.
¹¹³ Там же. – 6 окт.
¹¹⁴ См.: *Вестник Томской губернии*. – 1919. – 2 июля.
¹¹⁵ См.: *Звено*. – 1918. – 6 сент.
¹¹⁶ См.: *Сибирская жизнь*. – 1919. – 16 сент.
¹¹⁷ См.: *ГАТО*. – Ф. 1362. – Оп. 1. – Д. 162. – Л. 4(об), 7(об).
¹¹⁸ См.: *Народная газета*. – 1918. – 17 окт.
¹¹⁹ См.: *Вестник Томской губернии*. – 1919. – 12 марта.
¹²⁰ См.: *ГАТО*. – Ф. 1362. – Оп. 1. – Д. 162. – Л. 18(об).
¹²¹ См.: *Сибирский голос*. – 1919. – 23 янв.
¹²² См.: *ГАТО*. – Ф. 1362. – Оп. 1. – Д. 429. – Л. 7.
¹²³ Там же. – Д. 428. – Л. 27(об).
¹²⁴ Там же. – Д. 161. – Л. 3, 6, 10, 12.
¹²⁵ Там же. – Д. 454. – Л. 1.
¹²⁶ См.: *Сибирская жизнь*. – 1918. – 3 авг.
¹²⁷ Там же. – 1919. – 15 нояб.
¹²⁸ См.: *Народная газета*. – 1918. – 4 окт.
¹²⁹ См.: *Звено*. – 1918. – 27 окт.
¹³⁰ Там же. – 20 окт.
¹³¹ Там же. – 29 дек.
¹³² См.: *Звено*. – 1918. – 25 сент.
¹³³ Там же. – 11 окт.
¹³⁴ См.: *Народная газета*. – 1918. – 3 окт.
¹³⁵ См.: *Звено*. – 1918. – 25 дек.
¹³⁶ См.: *Народная газета*. – 1918. – 22 окт.
¹³⁷ См.: *Звено*. – 1918. – 15 нояб.
¹³⁸ См.: *Голос Сибири*. – 1919. – 11 февр.
¹³⁹ См.: *Туев В. В. Клубы Кузбасса // Историческая энциклопедия Кузбасса*. – Познань, 1996. – Т. 1. – С. 326.
¹⁴⁰ См.: *Звено*. – 1918. – 23 окт.
¹⁴¹ Там же. – 16 окт.
¹⁴² См.: *Народная газета*. – 1918. – 18 сент.
¹⁴³ Там же. – 22 окт.
¹⁴⁴ См.: *Голос Сибири*. – 1919. – 24 апр.
¹⁴⁵ См.: *Звено*. – 1918. – 30 окт.
¹⁴⁶ См.: *Сибирская жизнь*. – 1919. – 19 янв.
¹⁴⁷ См.: *Звено*. – 1918. – 13 окт.
¹⁴⁸ См.: *Звено*. – 1918. – 20 нояб.
¹⁴⁹ Там же. – 15 сент.
¹⁵⁰ Там же. – 18 сент.
¹⁵¹ Там же. – 6 окт.
¹⁵² Там же. – 20 сент.
¹⁵³ Там же. – 6 окт.
¹⁵⁴ Там же. – 29 сент.
¹⁵⁵ См.: *Звено*. – 1918. – 6 дек.
¹⁵⁶ Там же. – 8 дек.
¹⁵⁷ Там же. – 20 нояб.
¹⁵⁸ Там же. – 20 сент.
¹⁵⁹ Там же. – 11 окт.
¹⁶⁰ Там же. – 27 сент.
¹⁶¹ Там же. – 10 нояб.
¹⁶² Там же. – 15, 17 нояб.
¹⁶³ См.: *Голос Сибири*. – 1919. – 18 янв.
¹⁶⁴ См.: *Сибирская жизнь*. – 1919. – 30 окт.

-
- ¹⁶⁵ См.: *ГАТО*. – Ф. 1362. – Оп. 1. – Д. 145. – Л. 3, 1; *Звено*. – 1918. – 27 сент.
- ¹⁶⁶ См.: *Голос Сибири*. – 1919. – 23 февр.
- ¹⁶⁷ См.: *Сибирская жизнь*. – 1919. – 30 окт.
- ¹⁶⁸ См.: *Голос Сибири*. – 1919. – 13 февр.
- ¹⁶⁹ См.: *Звено*. – 1918. – 4 окт., 15, 17 нояб.
- ¹⁷⁰ См.: *ГАТО*. – Ф. 1362. – Оп. 1. – Д. 144. – Л. 1.
- ¹⁷¹ См.: *Сибирская жизнь*. – 1919. – 31 авг.
- ¹⁷² См.: *Звено*. – 1918. – 25 сент.
- ¹⁷³ Там же. – 27 сент.
- ¹⁷⁴ Там же. – 25 сент.
- ¹⁷⁵ Там же. – 1 дек.
- ¹⁷⁶ Там же.
- ¹⁷⁷ Там же.
- ¹⁷⁸ Там же. – 6 нояб.
- ¹⁷⁹ Там же. – 8 нояб.
- ¹⁸⁰ Там же. – 6 дек.
- ¹⁸¹ Там же. – 27 сент.
- ¹⁸² Там же. – 6 дек.
- ¹⁸³ См.: *Звено*. – 1918. – 2 окт.
- ¹⁸⁴ См.: *Сибирская жизнь*. – 1918. – 29 дек.
- ¹⁸⁵ См.: *Звено*. – 1918. – 23 окт.
- ¹⁸⁶ Там же. – 4 окт.
- ¹⁸⁷ Там же. – 6 окт.
- ¹⁸⁸ См.: *ГАТО*. – Ф. 1362. – Оп. 1. – Д. 70. – Л. 33.
- ¹⁸⁹ См.: *Звено*. – 1918. – 8 дек.
- ¹⁹⁰ См.: *Сибирская жизнь*. – 1919. – 3 авг.
- ¹⁹¹ Там же. – 30 окт.
- ¹⁹² См.: *Народная газета*. – 1918. – 18 сент.
- ¹⁹³ См.: *ГАРФ*. – Ф. 1561. – Оп. 1. – Д. 375. – Л. 18(об).
- ¹⁹⁴ См.: *ГАТО*. – Ф. 1362. – Оп. 1. – Д. 35. – Л. 1-1(об).
- ¹⁹⁵ См.: *Народная газета*. – 1918. – 4 окт.
- ¹⁹⁶ См.: *ГАРФ*. – Ф. 1561. – Оп. 1. – Д. 375.
- ¹⁹⁷ См.: *ГАРФ*. – Ф. 148. – Оп. 4. – Д. 15. – Л. 57(об).
- ¹⁹⁸ См.: *Вестник Томской губернии*. – 1919. – 28 февр.
- ¹⁹⁹ Там же. – 12 марта.
- ²⁰⁰ См.: *ГАТО*. – Ф. 1362. – Оп. 1. – Д. 426. – Л. 1-2.
- ²⁰¹ См.: *Сибирская речь*. – 1918. – 1 дек.
- ²⁰² См.: *Звено*. – 1919. – 5 февр.
- ²⁰³ Там же. – 1918. – 2, 6 окт.
- ²⁰⁴ См.: *Сибирская жизнь*. – 1918. – 2 авг.
- ²⁰⁵ См.: *ГАТО*. – Ф. 1362. – Оп. 1. – Д. 35. – Л. 1-1(об).
- ²⁰⁶ См.: *Вестник Томской губернии*. – 1919. – 28 февр.
- ²⁰⁷ См.: *ГАРФ*. – Ф. 1561. – Оп. 1. – Д. 375. – Л. 18(об).
- ²⁰⁸ См.: *Народная газета*. – 1918. – 18 сент.; 4 окт.
- ²⁰⁹ См., напр.: *Звягин С. П.* Колчак не справился... Белогвардейские власти Сибири и тайное винокурение // *Сибирская старина (Томск)*. – 1996. – № 11(16). – С. 19-21.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ ОШИБКА! ЗАКЛАДКА НЕ ОПРЕДЕЛЕНА.

Кузбасс находился под властью антибольшевистских режимов в период гражданской войны 19 месяцев. Этот период был насыщен важными и интересными событиями. Однако до сих пор историки обходили его стороной. Их немногочисленные публикации были в основном посвящены деятельности партизан и подпольщиков.

Между тем деятельность антибольшевистских правительств в Сибири была направлена не только на достижение победы над Советской властью, но и на налаживание нормальной жизни в сибирском тылу. Нормативной базой служил Полный свод законов Российской империи с небольшими изменениями, которые приняли в 1917 г. Временное правительство и сами антибольшевистские режимы.

Территория Кемеровской области являлась тогда частью Томской губернии. Сразу после падения власти большевиков была восстановлена деятельность органов управления в Мариинском и Кузнецком уездах. Талантливым руководителем был Мариинский уездный комиссар Н. А. Дюков. Наряду с администрацией (в лице комиссаров, позднее – управляющих) уездов, была восстановлена деятельность и правоохранительных органов. Территория Кузбасса подпадала под юрисдикцию Томского окружного суда, который возобновил проведение здесь выездных сессий. Современникам запомнилось подвижничество мирового судьи Мариинского уезда В. В. Пиотровского.

Самым доступным правоохранительным органом оставалась сибирская милиция. Она активно противодействовала преступности. К сожалению, ее чины не отличались высокой правовой и общечеловеческой культурой. В их действиях часто присутствовали произвол и насилие по отношению к населению. Это стало одной из важных причин поражения противников большевиков. Показателен конфликт между начальником Щегловской уездной милиции Озеркиным и начальником местного гарнизона Луговским.

В этот период восстановил деятельность институт местного самоуправления, не имевший в Сибири большого опыта. Осенью 1918 г. прошли выборы городских дум в Кузнецке, Мариинске, Тайге. Мариинская городская дума оказалась одной из немногих в Сибири с преобладанием представителей социалистических партий. Председатель Тайгинской городской управы В. А. Шпунтович зарекомендовал себя энергичным, предприимчивым руководителем. Однако его деятельность получила противоречивую оценку гласных городской думы.

Государственная власть и местное самоуправление принимали меры к организации взаимодействия с населением. Сначала кузбассовцы отнеслись вполне доброжелательно к формированию антибольшевистских правительств. Среди жителей трех уездов нашлось немало тех, кто не только словом и деньгами, но и делом поддерживал их. Однако полутора лет хватило большинству кузбассовцев, чтобы разобраться в сути происходящего. Большую роль в этом сыграли карательные отряды, которые участвовали в подавлении Чумайского, Кольчугинского восстаний, забастовки тайгинских железнодорожников, других выступлений крестьян и рабочих.

Именно крестьянские группы населения были самыми многочисленными среди экономически активного населения региона. Селяне традиционно занимались земледелием, животноводством, охотой.

Большая часть рабочих была занята на каменноугольных копях, железнодорожном транспорте. Продолжали давать продукцию заводы «Сибирцемент» в Яшкине и железноделательный в Гурьевске, золотые прииски Мариинской тайги. Проводилось геологическое изучение Кузнецкого угольного бассейна. Именно в это время возникают идеи строительства в Тельбессе крупного металлургического завода, шлюзования Томи.

Реалиями многолетней войны стали многочисленные социальные проблемы. Значительно снизился жизненный уровень работающих, тем более не занятых в производстве. С одной стороны, на это повлиял переход на сдельную форму оплаты труда в ряде отраслей промышленности, с другой – рост цен на продовольствие и товары первой необходимости. Властям приходилось заниматься обустройством беженцев, сирот. Государство, органы местного самоуправления пытались принять некоторые меры, но они оказались неадекватными трудностям.

Даже в этих условиях продолжали функционировать учреждения здравоохранения и образования. Земские врачи и учителя оказывали свои профессиональные услуги во многих отдаленных населенных пунктах. В образовании флагманом являлась Мариинская женская гимназия, начальницей которой осенью 1918 г. была избрана Л. К. Суслугина. Медицинским работникам пришлось бороться с эпидемией тифа, другими инфекционными заболеваниями.

Было бы несправедливо считать, что повседневная жизнь кузбассовцев того времени была наполнена только трудностями. Продолжали работать Народные дома, библиотеки, избы-читальни. Жители Мариинска, Тайги и Кузнецка познакомились с кинематографом. Неоспоримое преимущество имели мариинцы. Они встречали театральных гастролеров, музыкальных исполнителей из центральных районов России. Именно в это время кузбассовцы стали зрителями первых спортивных мероприятий, которые организовывали чехословацкие военнослужащие. Осенью 1918 г. мариинцы провели шахматный турнир.

Кратковременность пребывания у власти не позволила антибольшевистским режимам в полной мере реализовать свои замыслы. Однако и то, что им удалось сделать, не завоевало им доверия сибиряков.

Кузбассовцы жили своей жизнью. Далеко не всегда ее смыслом было противостояние красных и белых. Полагаем, что советская историография значительно преувеличила стремление сибиряков к восстановлению

советской власти. Но с другой стороны, они недостаточно активно выступили в поддержку антибольшевистских режимов. Это, в итоге, способствовало приходу в Сибирь большевиков.

Многие просоветски настроенные жители региона представляли себе новую власть иначе. Некоторые видели ее без коммунистов. Поэтому в 1920-1921 гг. в Сибири вспыхнули крестьянские восстания, но уже против Советов. Причем в ряде случаев руководителями и участниками этих выступлений были вчерашние партизаны. Однако это уже тема специального исследования.

Список аббревиатур названий архивовОшибка! Закладка не определена.

1. ГАКО – Государственный архив Кемеровской области.
2. ГАНО – Государственный архив Новосибирской области.
3. ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации.
4. ГАТО – Государственный архив Томской области.
5. ЦДНИТО – Центр документации новейшей истории Томской области.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3
ГЛАВА I. ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ	5
ГЛАВА II. ОРГАНИЗАЦИЯ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ МЕСТНОГО САМО- УПРАВЛЕНИЯ	26
ГЛАВА III. ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ВЛАСТЕЙ И НАСЕЛЕНИЯ	44
ГЛАВА IV. ПОЛОЖЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ЭКОНОМИКИ	64
ГЛАВА V. СОСТОЯНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ СФЕРЫ	84
Заключение	112
Список аббревиатур названий архивов	114

Научное издание

Звягин Сергей Павлович

КУЗБАСС В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

Монография

Редактор О. В. Арефьева

Корректор Л. Н. Макарова

Технический редактор Л. А. Янцен

ИД № 03160 от 02 ноября 2000 г.

Подписано в печать . . . Формат 60х84/16. Бумага офсетная № 1. Усл. печ. л. 6,8.

Уч.-изд. л. 6,9. Тираж 500 экз. Заказ № .

Организационно-научный и редакционно-издательский отдел

Участок оперативной полиграфии

644092, г. Омск, пр-т Комарова, д. 7